

В.Я. Александров

Трудные годы советской биологии: Записки современника.

СПб.: Изд. "Наука", 1993 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

Задачи предисловий бывают разные. Чаще всего автор стремится объяснить, почему он затратил время и труд на создание своего произведения. Этим он одновременно и оправдывается перед читателем, затратившим время и труд на его прочтение. Что побудило меня на восьмидесятом году жизни, когда времени впереди осталось так мало, а недоделанного по научной работе так много, отвлечься от нее и обратиться к воспоминаниям о трагических годах нашей биологии? Причины были и внутренние, и внешние. Потребность пересмотреть прожитое, попытаться задним числом понять "смысл жизни", своей и общества, по-видимому, сопутствует старости. Сыграли свою роль и многократные просьбы младших товарищей рассказать, как рушилась и возрождалась советская биология, как вели себя в то время люди. С годами, по мере ухода из жизни биологов моего поколения эти просьбы учащались.

Информация, получаемая от тех, кто сам пережил события, качественно отличается от той, которую могут дать исто-

рики, черпающие ее из документов. Дело не в достоверности и анализе фактов - здесь историки могут иметь преимущество, - а в том, что дух эпохи легче почувствовать и понять со слов очевидца. Так или иначе, но в последние годы во мне начало созревать чувство долга перед собой и перед другими, заставившее взяться за эту книгу.

Если автор исторических воспоминаний неверно истолковывает изложенные им факты, - это еще полбеда, читатель может прийти к собственным выводам. Но плохо, когда изложенные события не соответствуют тому, что было в действительности. Основной источник подобного греха кроется в излишнем доверии к человеческой памяти. Такая опасность для меня была в значительной мере снижена тем, что в критические периоды своей жизни я старался по горячим следам подробно записывать происходящие события, включая диалоги. Это дало мне возможность при изложении почти не полагаться на подводящую память. Для проверки приводимых фактов я широко использовал публикации тех давних времен и материалы, хранящиеся в Ленинградском государственном архиве научной и технической информации. Многие факты я извлек из документов, подчас уникальных, скопившихся за долгие годы в моем личном архиве. Многих обуревают страсть к коллекционированию. Одни собирают марки, другие - пивные кружки. Я знал фотокорреспондента, хранившего в бутылочках воды морей, рек и озер, где ему удалось побывать. История моего архива такова. Еще со студенческих лет я собирал труды по биологии и медицине психически ненормальных авторов. Когда же в печати стали появляться "труды" Лепешинской, а затем публикации, связанные с борьбой лысенковщины против науки, я начал коллекционировать связанные с этим материалы. Переход произошел как-то естественно,

сам собой. Друзья и коллеги-биологи, зная о моем увлечении, присылали мне попадавшую им в руки печатную продукцию, разные документы, письма и т.д., относящиеся к этой теме. Среди них многие представляют существенный интерес. Особенно ценные материалы я получил от одного из лучших людей - Бориса Львовича Астаурова, который в течение многих лет дарил мне свою дружбу.

Для чего нужно вспоминать и анализировать события прежних лет? Обычно мы слышим такой ответ: "Это нужно, чтобы не повторять ошибок прошлого". Возможно, теоретически это и так. Но часто ли правители да и мы сами, делая шаг вперед, оглядываемся назад? Есть более основательные доводы, оправдывающие "копание в прошлом". Не зная прошлого, невозможно понять происходящее в настоящее время. Ведь настоящее создается на базе прошлого, оно производное прошлого. Особое значение имеет изучение поведения людей в трагические периоды истории. Это необходимо для понимания природы человека, для уяснения диапазона реакций людей в экстремальных условиях, для изучения групповой психологии в крайних ситуациях. Без знания прошлого не понять роли отдельных людей в историческом процессе и влияния исторических событий на человека.

Предлагаемые записки - это не труд историка науки, они не претендуют на систематическое изложение истории лысенковщины. Записки в значительной мере отражают положение, в котором находился автор в тот период, и его участие в происходивших событиях. Это сказалось прежде всего на подборе материала, на более подробном рассказе об одних сторонах лысенковской эпопеи и на кратком упоминании о других, иногда без соответствия с их исторической значи-

мостью. Особое внимание я уделял поведению людей и их роли в процессе распада и становления нашей биологии.

Историю делают люди, и ее нельзя писать безымянно. Поэтому я не считал нужным скрывать имена ученых, часто "маститых" и высокотирулованных, участие которых в лысенковщине было аморальным, а иногда и просто преступным. К сожалению, единицы из них дожили до наших дней, хулить же покойников неприятно, так как груз обвинений болезненно ложится на неповинные души их близких, которым они могли бы попытаться сказать что-либо в свое оправдание. И все же приходится отказываться от принципа "о мертвых или хорошо или ничего". Зато отрадно писать о тех живых и мертвых, которые, борясь за правду, проявляли мужество и самоотверженность в эти страшные годы.

История советской биологии в сталинский и последующие периоды освещена еще далеко недостаточно. Подавляющее большинство работ было опубликовано за рубежом. Среди них монументальные труды Ж.А. Медведева, М.А. Поповского и ряда иностранных авторов. В США в 1989 г. вышла на русском языке книга профессора В.Н. Сойфера "Власть и наука. История разгрома генетики в СССР" (Колумбус, штат Огайо: изд-во "Эрмитаж". 706 с.). Это очень ценный, богато документированный и иллюстрированный труд, который несомненно явится основой историографии лысенковского периода советской биологии. С рукописью своей книги профессор Сойфер ознакомил меня еще до ее опубликования. Она помогла мне в работе над этими записками, за что выражаю ему большую благодарность.

К сожалению, в нашей литературе по истории биологии тех лет можно встретить искажения, внесенные в целях, далеких от стремления воссоздать истинную картину прошлого. О некоторых из них мне придется упомянуть.

В работе над этой книгой мне большую помощь оказали друзья и коллеги передачей материалов, советами и критическими замечаниями. В связи с этим я хочу сердечно поблагодарить М.Е. Аспиз, В.Н. Гершановича, М.Д. Голубовского, В.С. Кирпичникова, И.М. Кислюк. Ю.С. Лазуркина, Л.Г. Лейбсона, Е.А. Любищеву, В.П. Михайлова, А.М. Смирнова, Н.В. Турбина, Т.Н. Щербиновскую, покойного В.П. Эфроимсона. Особую благодарность я должен выразить за всестороннюю помощь и редактирование рукописи моему другу Даниилу Владимировичу Лебедеву.

В книге могут оказаться неточности, и я был бы благодарен читателям, которые указали бы на них или прислали документированные факты, касающиеся трудных лет советской биологии, по адресу: С.-Петербург, 197376, ул. Попова, 2, Ботанический институт им. В.Л. Комарова РАН.

РАЗГРОМ

Трагедия, постигшая советскую биологию, была результатом ее использования в качестве одного из фронтов идеологической борьбы и противопоставления советской биологии "буржуазной". Делались попытки вовлечь в политическую борьбу и другие науки - физику, химию, однако они были отбиты представителями этих дисциплин. Биология же была разгромлена в основных своих разделах - генетике, цитологии, эволюционном учении, физиологии, биохимии,

что не могло не отразиться самым пагубным образом и на других ее областях. Почему же среди естественных наук именно на биологию пал этот тяжелый жребий? Биология ближе других естественнонаучных дисциплин стоит к гуманитарным наукам, основой которых у нас служила партийность. К биологии тесно примыкает комплекс агрономических и зоотехнических наук, от которого власти ждали спасения нашего разрушенного сельского хозяйства и, как тяжелобольной, готовы были довериться любому знахарю. В области биологии выдать себя за специалиста гораздо легче, чем в математике, астрономии или физике.

Кроме этих объективных причин, зловещую роль сыграл Т.Д. Лысенко, организовавший и возглавивший силы, приведшие к разгрому биологии. На научном горизонте он появился в 1928 г. Родился он в крестьянской семье в 1898 г. Заочное обучение в Киевском сельскохозяйственном институте не очень отяготило Лысенко научным багажом. Поначалу его приняли за одаренного, энергичного, многообещающего самородка. Его работы по яровизации и стадийному развитию были высоко оценены рядом ученых и настойчиво поддерживались Н.И. Вавиловым. Казалось, что, войдя в научную среду, взаимодействуя с крупными специалистами по физиологии растений и сельскохозяйственной биологии, Лысенко сможет принести большую пользу и теории и практике. Однако личные качества Лысенко в условиях сталинской диктатуры в скором времени направили его деятельность в иное русло. Выходец из народа, молодой, инициативный, целеустремленный ученый импонировал партийным и правительственным деятелям. Обласканный специалистами и начальством, нетерпимо относящийся к любой критике, обуреваемый безграничным честолюбием, Лысенко рано понял, что вместо роли учено-

го-исполнителя он может добиться положения руководителя науки. Однако для того чтобы узурпировать власть над учеными, нужно было создать свою биологию и устранить тех, кто ее не примет и не станет под его начало. Этого можно было добиться, лишь заручившись решительной поддержкой партийного и государственного руководства. Чтобы заполучить ее, следовало действовать в двух направлениях: сулить материальные выгоды для сельского хозяйства и убедить власти в том, что создаваемая им биология единственно методологически правильная, тогда как классическая биология, исповедуемая учеными не его лагеря, методологически порочна, идеалистична, враждебна диалектическому материализму. Продвижению в этих направлениях способствовали большой талант организатора и демагога и полное игнорирование Лысенко каких-либо моральных запретов.

Для того чтобы укрепить создаваемую им новую биологию, необходимо было осенить ее благодатью какого-либо ученого, причисленного к лику святых. Лысенко чрезвычайно удачно выбрал в качестве такового широко известного селекционера И.В. Мичурина, скончавшегося в 1935 г. Роль канонизированного покровителя второго ранга была вручена К.А. Тимирязеву. Используя некоторые высказывания Мичурина, а если нужно, и извращая их, Лысенко всю свою деятельность выдавал за развитие несуществующего учения Мичурина, за создание "передовой советской мичуринской биологии", а как известно, *"...передовой советской науке противостоит буржуазная лженаука. Теоретические и практические «изыскания» буржуазных ученых в области биологии поставлены на службу империалистам"* (Большевик (журн.). 1950. №16. С.50).

Правильно учтя ситуацию того времени, Лысенко начал осуществлять свои планы, разросшиеся в дальнейшем в грандиозную эпопею разгрома нашей науки, принесшую неисчислимый урон нашему сельскому хозяйству.

Свою мичуринскую биологию Лысенко создавал на двух устоях: на эволюционном учении и на учении о наследственности. Оба этих учения строились на принципах, полностью противоречащих современной науке. Основными догмами мичуринской биологии стали признание передачи по наследству приобретенных свойств, что подменяло дарвинизм ламаркизмом, признание скачкообразного зарождения одного вида в недрах другого и отрицание внутривидовой борьбы за существование. Все это Лысенко называл "советским мичуринским дарвинизмом" или просто "творческим дарвинизмом", хотя ничего общего с истинным дарвинизмом это не имело. Мичуринская генетика отрицала существование генов или какого-либо другого особого субстрата, выполняющего функцию передачи по наследству свойств организма. Открытое Менделем расщепление признаков в потомстве гибридов рассматривалось как проявление "расшатанной" наследственности. Декларировалось, что наследственность можно расшатать и внешними воздействиями, и прививками растения на растение другой породы. Считалось, что прививки приводят к вегетативной гибридизации, сходной с половой гибридизацией. Не признавалось существование гормонов у растений. В систему мичуринской биологии включался еще ряд положений, находившихся в непримиримом противоречии с тем, что было известно современной науке.

Биология Лысенко отвергала, как методологически порочные, три основных положения современной биологии:

1) законы наследственности, открытые в 1865 г. Менделем и подтвержденные всем ходом дальнейшего развития науки;

2) разработанную во второй половине прошлого века концепцию А. Вейсмана об отсутствии наследования свойств, приобретенных в течение индивидуальной жизни, в справедливости которой в 30-е годы нашего века не сомневался ни один специалист;

3) хромосомную теорию наследственности, созданную школой нобелевского лауреата Т.Г. Моргана в начале нашего века.

Так была создана "мичуринскими" биологами трехэтажная ругательная формула "менделизм-вейсманизм-морганизм".

На основании своих теоретических построений или просто по наитию Лысенко выдвигал практические рекомендации для разных областей сельского хозяйства. Они принудительно внедрялись сразу на огромных площадях без должной предварительной проверки и без учета местных условий. Одни предписания по мере их очередного провала сменялись другими:

- яровизация семян озимых и яровых пшениц,
- превращение незимующих сельскохозяйственных культур в зимующие,
- скоростное выведение новых сортов путем вегетативной гибридизации,
- изменение наследственной основы растений в нужном направлении путем внешних воздействий,
- введение в культуру ветвистой пшеницы,

- посевы в Сибири по стерне озимой пшеницы,
- повсеместное внедрение травопольной системы Вильямса,
- удобрение "тройчаткой" (Лысенко утверждал, что удобрения воздействуют не на растения, а на почвенных микробов, которые питают растения),
- летние посадки картофеля на юге и свеклы в Средней Азии,
- способ выведения жирномолочных пород коров и т.д.

Многие из этих рекомендаций воскрешали давно испробованные и не оправдавшие себя приемы. Провалы маскировались фальсификацией данных и сглаживались очередным новым предложением, сулящим огромные выгоды в той или иной отрасли сельского хозяйства.

Идя таким путем, Лысенко сделал невиданную по стремительности карьеру. В 1934 г. он стал действительным членом АН УССР, в 1935 г. действительным членом ВАСХНИЛ, а в 1938 г. ее президентом, в 1939 г. - членом АН СССР. В 1940 г., после ареста Н.И. Вавилова, Лысенко занял пост директора Института генетики АН СССР. С 1940 г. он - заместитель председателя Комитета по Сталинским премиям в области науки и изобретательства, а затем - заместитель председателя Высшей аттестационной комиссии (ВАК); с 1935 по 1937 г. он - член ЦИК СССР. Начиная с 1-го созыва (1937) и вплоть до 6-го созыва (1966) - депутат Верховного Совета СССР, с 1937 по 1950 г. - заместитель председателя Совета Союза Верховного Совета СССР.

Хотя Лысенко не был членом партии, он активно участвовал во многих пленумах ЦК и в ряде партийных съездов.

Его награды: Герой Социалистического Труда (1945), восемь орденов Ленина, орден Трудового Красного Знамени, трижды лауреат Сталинской премии (1941, 1943, 1949), Золотая медаль им. И.И. Мечникова (1950).

Быстро наращивая размах своей деятельности, руководствуясь тезисом *"науку может двигать вперед и простой колхозник"*, Лысенко привлек к своей деятельности большое число полуграмотных людей, не имеющих представления о требованиях, которые ставит исследовательская работа перед учеными. Понятия строгого контроля, чистоты опыта, достаточной повторности, статистической достоверности подавляющему большинству лысенковцев вообще были чужды. Основным условием для получения нужных результатов, как указывал Лысенко, была вера в них. Это очень облегчало работу. Кроме того, отпадала необходимость знакомиться с иностранной литературой и сопоставлять собственные результаты с данными зарубежных авторов, так как они представляли *"буржуазную лженауку"*. Это соответствовало духу времени, шло в русле интенсивно проводимой тогда борьбы с *"преклонением перед иностранщиной"*.

К экспериментированию для подтверждения лысенковских *"открытий"* привлечены были сотни колхозов, в связи с чем он приобрел почетный титул *"народного ученого"*, *"народного академика"*. От Лысенко и его окружения шел нарастающий поток *"научной"* продукции, публикуемой в научных, научно-популярных, политических, литературно-художественных журналах, в центральных и периферийных

газетах *, в популярных брошюрах, монографиях, повторно выходящих в солидных издательствах, и Т.Д. Мичуринская биология хлынула в учебники общей биологии и частных биологических дисциплин для вузов и средних школ, постепенно вытесняя подлинно научные руководства.

* К 1952 г. Лысенко напечатал в газетах более двухсот статей. К этому времени появилось более 250 публикаций, посвященных Лысенко, его жизни и деятельности, из них две принадлежат перу академика А.И. Опарина: "Академик Т.Д. Лысенко - ученый новатор" (Природа. 1948. №12) и "Знаменосец передовой советской науки" (Красная Звезда. 1948. 30 сент.).

Лысенко и его сподвижники непрерывно вели борьбу со своими критиками. Форма борьбы менялась по мере укрепления положения Лысенко в партийных и правительственных сферах, по мере расширения сети его единомышленников. Если вначале критики рассматривались как идейные противники, то затем они были превращены в идеологических и политических антиподов, а многих из них стали причислять к врагам народа. Уже в 1935 г. на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников Лысенко, говоря о борьбе за свой провалившийся метод предпосевной яровизации семян, сказал: *"Товарищи, разве не было и нет классовой борьбы на фронте яровизации?... И в ученом мире, и не в ученом мире, а классовый враг - всегда враг, ученый он или нет"* (Правда. 1935. 15 февр.). В научных и политических журналах и книгах, в газетах помещались разгромные статьи, с трибуны произносились сокрушительные речи.

Все это не имело ничего общего с научной дискуссией, где разногласия пытаются разрешить, сопоставляя полученные данные и выясняя причины их расхождения. Речь шла о борьбе с политическими врагами, находящимися на службе империализма, сознательно искажающими науку для оп-

равдания витализма, поповщины, расизма, евгеники и Т.Д. Для борьбы с ними, в сущности, не требовалось знание предмета, так как вместо сопоставления научных фактов для посрамления противников достаточно было указать на противоречия с высказываниями Мичурина, Тимирязева (часто выдуманнными) и Лысенко, на противоречия с диалектическим (в их понимании) материализмом и с цитатой, извлеченной из трудов Ленина или - еще лучше - Сталина. Это давало возможность лицам, вообще лишенным биологического образования, но называющим себя философами, громить классиков биологии - Дарвина, Менделя, Моргана, Меллера, Вавилова, Кольцова и др. Часто в этой роли выступали чиновники, имеющие только формальное отношение к науке или вообще никак с ней не связанные. В процессе споров для унижения противников на них навешивали ярлыки, их клеймили позорными словами, разоблачавшими их враждебность диалектическому материализму и советской власти.

В построении всей лысенковской системы большую роль сыграл И.И. Презент. Начиная с 1934 г. он состоял при Лысенко в качестве ведущего советника-методолога по созданию теории мичуринской биологии и по уничтожению всех ее врагов и оппонентов. Презент не имел биологического образования (он закончил в 1926 г. факультет общественных наук Ленинградского университета) , но зато был изощренным демагогом, острословом, борясь с противниками, злобно издевался и при этом не гнушался никакими аморальными приемами.

Для посрамления и сокрушения противников в декабре 1936 г. была организована первая крупная дискуссия на IV сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук

им. В.И. Ленина (ВАСХНИЛ) (Н.И. Вавилов был снят с поста президента ВАСХНИЛ летом 1935 г.). Вторая состоялась осенью 1939 г. по инициативе журнала "Под знаменем марксизма". На обеих дискуссиях присутствовали представители и нормальной науки, однако их методы ведения научного спора не могли противостоять тем приемам борьбы, которые были на вооружении лысенковцев. Особенно яростным атакам подвергались Н.И. Вавилов и Н.К. Кольцов. Эти два человека стояли на пути Лысенко к захвату монопольной власти в биологии и сельскохозяйственных науках. Они мешали ему своей выдающейся научной и научно-организационной активностью. Их следовало убрать.

С середины 30-х годов в борьбе со своими противниками лысенковцы начали использовать меры административного и партийного давления и клеветнические политические доносы, нередко завершавшиеся арестами и гибелью оклеветанных. Этот способ и был применен для устранения Н.И. Вавилова с пути Лысенко. В августе 1940 г. Вавилов был арестован, в 1943 г. погиб в саратовской тюрьме. Трагедия Н.И. Вавилова еще ждет своего подробного исследования и описания. Так же как Вавилов, погибли в сталинских застенках Г.А. Левитский, Г.Д. Карпеченко, С.Г. Левит, И.И. Агол, М.Л. Левин, Н.К. Беляев, Н.М. Тулайков, Л.И. Говоров, Г.К. Мейстер и десятки других биологов и крупных специалистов в разных областях сельского хозяйства.

В отношении крупнейшего биолога Н.К. Кольцова, члена-корреспондента АН СССР, действительного члена ВАСХНИЛ, к этой крайней мере не пришлось прибегать. В 1938 г. Институт экспериментальной биологии, организованный и возглавляемый Кольцовым с 1917 г., был передан

из ведения Наркомздрава СССР в Академию наук СССР, а в январе 1939 г. в "Правде" появилась статья, озаглавленная "Лжеученым не место в Академии наук". Она была посвящена Л.С. Бергу в связи с выдвижением его кандидатуры в действительные члены АН СССР и Н.К. Кольцову в связи с переходом его Института в систему АН СССР. Кольцов был широким многогранным биологом. Одной из интересовавших его проблем была евгеника и генетика человека. Он ими занимался, преследуя чисто гуманные цели, не имевшие ничего общего с попытками фашистских идеологов использовать евгенику для реализации своих расовых теорий. Авторы указанной статьи, идя на заведомый подлог, писали: *"Нетрудно убедиться в полном идейном родстве евгенических взглядов проф. Кольцова и современных фашистских ученых"*; *"Научная работа, проводимая биологами-дарвинистами в Советском Союзе, не оставляет камня на камне от реакционного бреда проф. Кольцова"*. Статью подписали академики А.Н. Бах и Б.А. Келлер, проф. Х.С. Коштоянц, Н.И. Нурдин и другие. В связи с этой статьей была создана комиссия под председательством академика А.Н. Баха для обследования Института экспериментальной биологии. В состав этой комиссии входили академики Т.Д. Лысенко, Н.Н. Бурденко, академик АН УССР А.А. Сапегин, члены-корреспонденты АН СССР Н.И. Гращенков, Х.С. Коштоянц и др.

Президиум АН СССР 29 апреля 1939 г. признал, что выводы, подготовленные комиссией, *"правильно квалифицируют деятельность профессора Н.К. Кольцова"*, и постановил реорганизовать Институт экспериментальной биологии. Одновременно Отделению биологических наук было предложено представить Президиуму АН СССР кандидатуру директора реорганизованного института. Кольцову в

будущем институте отводилась лаборатория для разработки вопросов физиологии и морфологии клетки и гистогенеза. Так вместо Института экспериментальной биологии появился Институт цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР во главе с проф. Г.К. Хрущовым.

Расправа над Н.К. Кольцовым, предпринятая Академией наук СССР, была откликом на длительную оголтелую травлю выдающегося ученого кликой Лысенко. Не брезгуя грубой фальсификацией и ложью, его обвиняли в расизме, фашизме и других идеологических грехах, достаточных для привлечения к участию в научном споре сталинской опричнины. Все эти гонения Николай Константинович переносил с удивительным мужеством и не шел ни на какие уступки мракобесию. Однако многолетняя травля подорвала его здоровье, и 2 декабря 1940 г. Н.К. Кольцов скоропостижно скончался в Ленинграде в гостинице "Европейская".

Чтобы понять атмосферу, царившую в то время в научных институтах и вузах, приведу для примера сообщение, опубликованное в газете "Ленинградский университет" 14 марта 1941 г. В статье, озаглавленной "Биофак должен стать оплотом революционной передовой науки", сообщалось, что партком *"...сделал последнее предупреждение члену партии т. Айрапетьянцу (физиолог. - В.А.) и кандидату партии т. Лобашеву (генетик. - В.А.), указав, что если не сделают необходимых выводов, не займут правильной позиции в борьбе против реакционных идей в науке и против их носителей, не поведут борьбы за развитие передовой науки, то будет поставлен вопрос об их пребывании в партии"*, и далее: *"Биологический факультет ЛГУ должен стать действительным оплотом учения Мичурина-Лысенко"*.

Все это приводило к вытеснению ученых с занимаемых ими постов и замещению их лысенковскими неучами или теми, кто считал для себя более выгодным перейти в лагерь мичуринской биологии, заключив сделку с собственной совестью. По мере разрастания лысенковской империи и захвата лысенковцами руководящих постов в исследовательских институтах, учебных заведениях, в партийных и советских органах, ведающих наукой, возможность сосуществования нормальной биологии с мичуринской все более сужалась. Все же отдельные ученые пытались защитить советскую биологию и сельское хозяйство и направляли в высокие инстанции донесения, где на основании фактов доказывали огромный вред, наносимый деятельностью Лысенко. Эти реплики оставались без ответа.

После окончания Великой Отечественной войны в сферу мичуринской биологии включилась группа О.Б. Лепешинской. Вооруженная фельдшерским образованием, О.Б. Лепешинская, начиная с середины 30-х годов выступала с публикациями, в которых сообщала об открытом ею способе образования клеток из бесструктурного живого вещества. Этим опровергалось утверждение крупнейшего немецкого патолога Р. Вирхова, сделанное им в 1855 г., о том, что клетка образуется только от клетки. Тезис Вирхова, принятый всеми биологами, Лепешинская объявила метафизическим, идеалистическим и почему-то несовместимым с принципом развития. В качестве своего духовного покровителя она избрала Ф. Энгельса, идеи которого в ее трудах искажались до неузнаваемости. На основании собственных исследований Лепешинская предлагала практические мероприятия: содовые ванны для борьбы со старостью и прибавление к ранам крови для ускорения их заживания.

К публикациям О.Б. Лепешинской ученые относились как к комическому вздору, и ее попытки издать написанную на эту тему монографию несколько раз отклонялись. Но вот в 1945 г. Лысенко протянул ей руку помощи. Монография Лепешинской "Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме" (объемом в 25 печатных листов) появляется в издательстве Академии наук СССР скромным тиражом 1 000 экземпляров, но с предисловием Лысенко, в котором, в частности, говорится: *"Естественно, что для тех работников науки, которые еще не изжили в своем научном мышлении метафизических подходов, могут оказаться неприемлемыми не только теоретические предпосылки и выводы О.Б. Лепешинской, но они могут отрицать и достоверность фактической части ее работ, как не согласующуюся с их теоретическими взглядами. Для людей же науки, стоящих на позициях подлинной теории развития, теории диалектического материализма, фактический материал О.Б. Лепешинской, по моему глубокому убеждению, вполне приемлем"*. И далее, говоря о происхождении клеток из живого вещества, Лысенко пишет: *"Это принципиально новое положение в биологической науке * блестяще и показано О.Б. Лепешинской в ее тонких экспериментах"*.

* Это безграмотное словосочетание "биологическая наука", пущенное в широкий обиход Лысенко, к сожалению, и до настоящего времени полностью не изжито.

Лысенко воспользовался "учением" О.Б. Лепешинской для объяснения своей теории зарождения одного вида "в теле" другого, и направление Лепешинской стало одним из важных разделов мичуринской биологии. Второе, дополненное, издание той книги выходит в 1950 г. уже тиражом 25 000 экземпляров. Если до включения Лепешинской в лагерь Лысенко борьба велась преимущественно с генетика-

ми, эволюционистами и инакомыслящими практиками, то теперь мишенью стали также цитологи, гистологи, эмбриологи, микробиологи.

В период борьбы с фашистским нашествием было не до споров в биологии, но после того как фашизм был раздавлен, война Лысенко с наукой возобновилась. Нажим на представителей нормальной биологии и желание заполучить занимаемые ими места усилились. Этому способствовало еще и следующее немаловажное обстоятельство. В довоенное время труд ученых в исследовательских институтах и преподавателей в вузах по сравнению с другими профессиями оплачивался очень скромно. В науку большей частью шли лишь те, кто глубоко и бескорыстно интересовался исследовательской работой. В 1946 г. вышло постановление о коренном улучшении быта ученых, и в материальном отношении ученые оказались в привилегированном положении, а занимаемые ими места приобрели значительно больший соблазн. Усилилось стремление их занять и труднее стало с ними расставаться.

В первые послевоенные годы дела Лысенко шли не совсем гладко. В печать начали прорываться отдельные критические статьи. Так, в 1946 г. в журнале "Селекция и семеноводство" появилась статья П.М. Жуковского под названием "Дарвинизм в кривом зеркале", направленная против лысенковской теории эволюции. В этом же году, несмотря на протесты Лысенко, в члены-корреспонденты АН СССР избирается крупный представитель классической генетики Н.П. Дубинин. 4 ноября 1947 г. в Московском университете при большом стечении ученых и студентов была проведена дискуссия по поводу отрицания Лысенко внутривидовой борьбы за существование. С убедительной критикой пози-

ции Лысенко выступили академик И.И. Шмальгаузен и профессора А.Н. Формозов и Д.А. Сабинин. Лысенковцы в этой дискуссии участия не приняли.

29 ноября 1947 г. появился номер "Литературной газеты" с уничтожающей критикой отрицания Лысенко внутривидовой борьбы за существование. Авторами статьи были Шмальгаузен, Формозов, Сабинин и Юдинцев. На той же странице была помещена статья группы лысенковцев с беспомощной попыткой доказать правоту своего шефа. С 3 по 8 февраля 1948 г. в МГУ проходила обширная конференция по проблемам дарвинизма, на которой выступило 40 докладчиков из разных городов и ведомств. На этой конференции не было ни одного докладчика из лагеря Лысенко. Работа конференции отражена в книжке тезисов, открывающейся докладом академика И.И. Шмальгаузена. Ни в одном из тезисов фамилия Лысенко не упомянута, большинство же из них по своему содержанию в корне противоречат передовому мичуринскому дарвинизму.

Подобного рода события не могли не насторожить Лысенко. Он почувствовал, что управление советской биологией ускользает из его рук, однако затем последовали еще более грозные для него события. Заведующим Отделом науки Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) стал сын А.А. Жданова Ю.А. Жданов, по образованию химик-органик. В ЦК и после войны продолжали поступать донесения, разоблачающие теоретическую и практическую деятельность лысенковцев. Весной 1948 г. Ю.А. Жданов имел встречи с рядом биологов, в том числе генетиков, протестовавших против монополии лысенковской лженауки. 10 апреля 1948 г. Ю.А. Жданов выступил в аудитории Московского Политехнического музея на семинаре лекторов с

большим докладом, в котором критиковал Лысенко за его антинаучные теории и ни к чему не приводящие обещания огромных достижений в сельском хозяйстве. Утрата позиций в Отделе науки ЦК грозила Лысенко полным крахом. Гигантская лысенковская конструкция не могла существовать при свете критики. Ее необходимо было погасить.

Сразу после выступления Ю.А. Жданова 17 апреля 1948 г. Лысенко направляет Сталину и А.А. Жданову письмо с жалобой на Ю.А. Жданова, который в своем докладе якобы использовал наговоры антимишуринцев, не дающих ему возможность нормально работать. В письме он говорил о своей готовности отказаться от президентства в ВАСХНИЛ и просил предоставить ему условия для продолжения работы по развитию мичуринской биологии на благо колхозно-совхозной практики. Ответом на обращение Лысенко была организация мрачно знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ. Хорошо информированный о положении дел в верхах генетик А.Р. Жебрак сообщил мне, что в повороте событий решающую роль сыграл Л.П. Берия. В это время между А.А. Ждановым и группировкой Берии-Маленкова велась жестокая борьба за место у трона. Берии удалось убедить Сталина, что попытка А.А. Жданова сокрушить народного ученого является грубой ошибкой. Во всяком случае 7 августа 1948 г., в последний день августовской сессии, всякая возможность сосуществования биологии с мичуринской биологией была окончательно ликвидирована.

Созыву сессии предшествовала акция, облегчившая Лысенко разгром генетики и расправу с противниками. В июле 1948 г. с санкции Сталина были отменены назначенные выборы академиков ВАСХНИЛ на вакантные места, и эти

места были заполнены путем назначения за подписью Сталина 35 академиков по списку, составленному президентом ВАСХНИЛ Лысенко. Сессия началась докладом Лысенко "О положении в биологической науке".

В первой части своего доклада он подверг исправлению дарвиновскую теорию эволюции. Восстав против учения Вейсмана, он сказал: *"Материалистическая теория развития живой природы немыслима без признания необходимости наследственности приобретаемых организмом в определенных условиях его жизни индивидуальных отличий, немыслима без признания наследования приобретаемых свойств"* (Стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ. М., 1948. с. 11). Этим ликвидировалась роль естественного отбора и воскрешалась отвергнутая и давно забытая теория Ламарка о передаче по наследству свойств, приобретенных в течение индивидуальной жизни организма. Признав, кроме того, скачкообразное превращение одного вида в другой, Лысенко в своей теории ничего не оставил от Дарвина, хотя называл ее "советский мичуринский дарвинизм". Далее Лысенко обрушился на современную генетику, на организм-менделизм, на хромосомную теорию наследственности, в основе которой, по его мнению, *"лежит суцкая метафизика и идеализм"*. Вместо этого предлагалось учение о наследственности, отрицающее наличие специальных структур, передающих из поколения в поколение факторы наследственности.

Наследственность организма, по Лысенко, определяется ассимилированными ими условиями среды. Поэтому гибридизация, т.е. соединение наследственных свойств двух организмов, может осуществляться не только соединением яйцевой клетки со сперматозоидом, но и путем взаимного

действия привоя и подвоя при прививках растений - вегетативной гибридизацией. Он утверждал: *"Собирая семена с привоя или подвоя и высевая их, можно получить потомство растений, отдельные представители которых будут обладать свойствами не только той породы, из плодов которой взяты семена, но и другой, с которой первая была объединена путем прививки. Ясно, что подвой и привой не могли обмениваться хромосомами ядер клеток, и все же наследственные свойства передавались из подвоя на привой и обратно. Следовательно, пластические вещества, вырабатываемые привоем и подвоем, так же как и хромосомы, как и любая частичка живого тела, обладают породными свойствами, им присуща определенная наследственность"* (с. 31-32) (в дальнейшем все опыты по вегетативной гибридизации были полностью опровергнуты).

Один из разделов доклада назывался "Бесплодность морганизма-менделизма". В разделе "Мичуринское учение - основа научной биологии" противопоставляется практическая плодотворность мичуринского учения. В конце своего доклада Лысенко сказал: *"...мичуринские установки являются единственно научными установками. Вейсманисты и их последователи, отрицающие наследственность приобретенных свойств, не заслуживают того, чтобы долго распространяться о них. Будущее принадлежит Мичурину (аплодисменты)"* (с. 40). По ходу доклада Лысенко неоднократно словами поминал И.И. Шмальгаузена, Н.К. Кольцова, Н.П. Дубинина, П.М. Жуковского, М.М. и Б.М. Завадовских, А.Р. Жебрака и некоторых других ученых.

Докладом Лысенко закончилось первое заседание сессии. Затем последовало восемь заседаний, где обсуждался док-

лад президента. На них 48 ораторов дали высокую, порой восторженную оценку положений, выдвинутых Лысенко, и с позиций мичуринской биологии громили современную генетику. Это был сбор лысенковской гвардии, но в ознаменование окончательного торжества передовой науки, конечно, следовало в программу включить выступления подлежащих посрамлению представителей вражеского лагеря. Действительно, возможность выступить на сессии была предоставлена восьми ученым, отважившимся отстаивать в более или менее прямой форме положения нормальной науки и критиковать доклад Лысенко. Это были Б.М. Заводовский, И.А. Рапопорт, С.И. Алиханян, И.М. Поляков, П.М. Жуковский, А.Р. Жебрак, И.И. Шмальгаузен и В.С. Немчинов. Все они подверглись жестокому осуждению как в докладе самого Лысенко, так и в последующих выступлениях мичуринцев. Особенно разнузданной критикой в адрес генетиков разразился завершивший прения главный идеолог лысенковского лагеря, новоиспеченный академик Презент.

На последнем, десятом, заседании с заключительным словом выступил Лысенко. Прежде чем начать свою речь, он сделал следующее заявление: *"Меня в одной из записок спрашивают, каково отношение ЦК партии к моему докладу? Я отвечаю - ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил его* (бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают)" (с. 512). В этот же день 7 августа в газете "Правда" было помещено письмо заведующего Отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданова Сталину с покаянием за его выступление 10 мая с критикой Лысенко. Письмо заканчивалось словами: *"Считаю своим долгом заверить Вас, товарищ Сталин, и в Вашем лице ЦК ВКП(б), что я был и остаюсь страстным мичуринцем. Ошибки мои про-*

истекают из того, что я недостаточно разобрался в истории вопроса, неправильно построил фронт борьбы за мичуринское учение. Все это из-за неопытности и незрелости. Делом исправлю ошибки".

Таким способом спор по основным вопросам биологии был решен. Мичуринская биология стала партийной платформой, и ее неприятие было уже опасным. Положение членов партии, стоящих в оппозиции к мичуринской биологии, было особенно трудным, так как отрицание лысенковских догм оказалось окончательно несовместимым с пребыванием в рядах ВКП(б). Положительный же ответ на традиционный вопрос анкет: "Состоял ли раньше в ВКП(б)?" наносил автору анкеты слишком большой ущерб. Поэтому неудивительно, что уже на последнем заседании сессии трое оппозиционеров - членов партии (Жуковский, Алиханян, Поляков) выступили с покаянными заявлениями. В дальнейшем отход биологов от нормальной науки и признание лысенковских догм стали массовыми. Среди отступивших были люди, участвовавшие в Великой Отечественной войне и проявлявшие на фронте стойкость и мужество. Однако храбрость на войне и в мирной жизни, видимо, качественно различны и не всегда сочетаются в одном человеке. Кроме того, человек, в отличие от кошки, существо сугубо кооперативное *, он коллективно гораздо легче творит и добро и зло. Коллективно совершенный проступок меньше отягощает совесть, как бы разделяя ответственность за него между всеми участниками.

* Термин "кооперативность" применяется в тех случаях, когда в системе, при наличии многих реагирующих единиц, реакция первой единицы облегчает ответ второй, реакция второй - ответ третьей и т. д.

Сложившуюся ситуацию ярко выражает заявление профессора А.Р. Жебрака, датированное 9 августа 1948 г. (т.е. че-

рез два дня после окончания сессии) и опубликованное в "Правде" от 15 августа. Жебрак, крупный исследователь, много работавший в области генетики и селекции пшениц классическими методами, в своем заявлении писал: *"До тех пор, пока нашей партией признавались оба направления в советской генетике и споры между этими направлениями рассматривались как творческие дискуссии по теоретическим вопросам современной науки, помогающие в споре найти истину, я настойчиво отстаивал свои взгляды, которые по частным вопросам расходились со взглядами акад. Лысенко. Но теперь, после того как мне стало ясно, что основные положения мичуринского направления в советской генетике одобрены ЦК ВКП(б), то я, как член партии, не считаю для себя возможным оставаться на тех позициях, которые признаны ошибочными Центральным Комитетом нашей партии"*.

О том, как ломало волю ученых сообщение, что доклад Лысенко одобрил Сталин, можно судить по поведению члена ВКП(б), академика ВАСХНИЛ, выдающегося исследователя культурных растений П.М. Жуковского. В своей речи на восьмом заседании сессии 5 августа он сказал: *"Наши расхождения заключаются в основном в двух вопросах: это, во-первых, хромосомная теория наследственности и, во-вторых, влияние внешних условий ... Было бы печально, если бы вся группа генетиков, которую зачислили в менделисты-морганисты, стала бы тут на трибуне отрекаться от хромосомной теории наследственности, Я этого делать не собираюсь"* (с. 383-384). И все же через два дня на заключительном заседании Жуковский в своем покаянном выступлении говорил: *"Мое выступление два дня назад, когда Центральный Комитет партии намечал водораздел, который разделяет два течения в биологиче-*

ской науке, было недостойно члена Коммунистической партии и советского ученого... я полагаю, что на мне лежит моральный долг быть честным мичуринцем, быть честным советским биологом. Товарищи мичуринцы! Если я заявил, что перехожу в ряды мичуринцев и буду их защищать, то я делаю это честно" (с. 524). Это выступление Жуковского неоднократно прерывалось благосклонными аплодисментами.

Если до августовской сессии биологи еще могли мечтать о "свободе слова" в пределах своей специальности, то после сессии для очень многих несбыточной мечтой стала хотя бы "свобода молчания". Чем более высокий пост занимал человек, тем менее доступным было для него право молчания. Чем выше стоял человек на научно-административной лестнице, чем больший соблазн представлял занимаемый им пост, тем труднее было ему воздержаться от публичного словесного или письменного отказа от истинной науки и от признания лженаучных догм лысенковской лжебиологии. Не всем, однако, подобные покаяния помогали. Если нужно было устроить своего человека на место, занимаемое раскаявшимся, то его признание ошибок в прошлой деятельности и обещание впредь работать на благо передовой мичуринской биологии объявлялось недостаточным и неискренним, и его все же снимали с работы.

После августовской сессии, ознаменовавшей "блестящую победу" мичуринской биологии над реакционным менделизмом-вейсманизмом-морганизмом, многие ученые, не осознавшие и осознавшие свои ошибки, оказались не у дел. Многим пришлось покинуть Москву, Ленинград и другие центры и искать на периферии какую-либо работу, часто не по специальности. Был ликвидирован ряд лабораторий, ра-

зогнаны целые научные школы. Уцелевшим навязывалась тематика в духе мичуринской биологии. Большую оперативность проявила Академия наук СССР. Президиум АН СССР 26 августа 1948 г. в связи с состоявшейся августовской сессией постановил провести следующие мероприятия: освободить Л.А. Орбели от обязанности академика-секретаря Отделения биологических наук, а на его место назначить А.И. Опарина (директор Института биохимии АН СССР); сместить И.И. Шмальгаузена с поста директора Института эволюционной морфологии им. А.Н. Северцова и ликвидировать находящуюся в институте лабораторию феногенеза; в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР упразднить, как антинаучные, лаборатории цитогенетики (заведующий Н.П. Дубинин) и ботанической цитологии (заведующий М.С. Навашин); обязать Отделение биологических наук пересмотреть планы научно-исследовательских работ на 1948-1950 гг. для разработки мичуринского направления. Далее предлагалось пересмотреть составы Ученых советов биологических институтов и редколлегии биологических журналов, заменив в них вейсманистов-морганистов на представителей передовой мичуринской биологической науки. Соответствующие указания были даны Отделению истории и философии и Редакционно-издательскому совету АН СССР. Такую же быструю и энергичную перестройку провели и другие союзные и республиканские ведомства, связанные с организацией биологических, сельскохозяйственных и медицинских наук и с преподаванием в высшей и средней школе.

Особенно катастрофическим и длительно действующим результатом августовской сессии был разгром преподавания биологии и научной подготовки молодых биологов. Разгром начался с приказов министра высшего образования

СССР С.В. Кафтанова. Приказ от 23 августа 1948 г. изложен на восьми машинописных страницах и озаглавлен: "О состоянии преподавания биологических дисциплин в университетах и о мерах по укреплению биологических факультетов квалифицированными кадрами биологов-мичуринцев". После вводной части, констатирующей полное неблагополучие в преподавании биологических дисциплин и в исследовательской работе в связи с засилием антимичуринцев, следует 18 пунктов приказа. В первом пункте приказывается: *"Начальнику Главного управления и ректорам университетов обеспечить коренную перестройку учебной и научно-исследовательской работы в направлении вооружения студентов и научных работников передовым прогрессивным мичуринским учением и решительного искоренения реакционного идеалистического вейсманистского (менделистско-морганистского) направления ... Необходимо всемерно разъяснять студентам, что борьба мичуринской биологической науки против вейсманистского направления в биологии есть борьба двух прямо противоположных и непримиримых мировоззрений, борьба диалектического материализма против идеализма"*.

Остальные пункты приказа посвящены реализации этой идеи. Перечисляются фамилии деканов, заведующих кафедрами, профессоров, доцентов Московского, Ленинградского, Харьковского, Горьковского, Воронежского, Киевского, Саратовского, Тбилисского университетов, подлежащих увольнению. Среди них крупнейшие ученые нашей страны: И.И. Шмальгаузен, М.М. Завадовский, Д.А. Сабинин, Ю.И. Полянский, П.Г. Светлов, С.С. Четвериков, Н.П. Дубинин, С.М. Гершензон и многие другие. В числе увольняемых было немало ученых, успешных в той или иной форме покаяться в своих менделист-

ско-морганистских грехах и признать истинность лысенковской мичуринской биологии. Однако это им не помогло, так как занимаемые ими места требовались для своих соратников, для людей своего стана. Этим же приказом были объявлены имена лиц, назначаемых на освобождающиеся места. В частности, деканом биологического факультета Московского университета назначался И.И. Презент, Ленинградского - Н.В. Турбин. Презент назначался также заведующим кафедрой дарвинизма Московского университета. Далее приказывалось *"... в двухмесячный срок пересмотреть состав всех кафедр биологических факультетов университетов, очистив их от людей, враждебно относящихся к мичуринской науке, и укрепить эти кафедры квалифицированными биологами-мичуринцами"*. Этим приказом предоставлялась полная свобода для изгнания лиц, почему-либо неугодных начальству, и для устройства находящихся в фаворе у вышестоящих инстанций. Эти мотивы, а также страх наказания за недостаточно активную борьбу с менделистами-морганистами привели к разрушению всей системы преподавания биологии в Советском Союзе. Помимо смены личного состава приказ требовал смены программ по основным биологическим дисциплинам, изъятия ряда учебников и учебных пособий и изготовления новых мичуринских руководств.

Одновременно с преподаванием разрушалась и научная работа. Параграф 13 приказа гласил: *"... пересмотреть к 15 сентября 1948 г. (темп-то каков! - В.А.) план научно-исследовательских работ вузов в области биологических наук, исключив из плана темы научно-исследовательских работ, имеющие формально-генетическое антимишуринское направление"*. Ряд пунктов приказа преследовал цель

обеспечить преподавание и специализацию студентов в области биологии мичуринского направления.

Другой приказ С.В. Кафтанова от 23 августа 1948 г. касался сельскохозяйственных вузов. В отношении Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева читаем: *"В целях коренной перестройки преподавания биологических дисциплин в сельскохозяйственных вузах и обеспечения безраздельного господства мичуринского учения как в учебной, так и в научно-исследовательской работе приказываю..."* Далее следует параграф, где перечисляется, кого из профессоров следует освободить от занимаемых должностей, в их числе и А.Р. Жебрака, и академика ВАСХНИЛ П.Н. Константинова. Был также снят с поста ректора Тимирязевской сельскохозяйственной академии крупнейший ученый в области экономики и статистики, отважный защитник истинной науки академик ВАСХНИЛ В.С. Немчинов.

Из библиотек изымаются книги, учебники, популярные издания по генетике и другим разделам биологии, в которых содержатся сведения, противоречащие мичуринской биологии. Полки библиотек заполняются продукцией Лысенко, Лепешинской и их единомышленников. Был, например, сожжен тираж выпуска Трудов Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, так как он содержал статью генетика И.А. Рапопорта. Наборы печатавшихся в это время книг, если они не укладывались в рамки мичуринской биологии, рассыпались.

Августовская сессия проторила дорогу сенсационному открытию в области бактериологии и вирусологии. В 1949 г. Медгиз выпустил первое, а в 1950 г. - второе издание книги

ветеринара Г.М. Бошьяна "О природе вирусов и микробов" тиражом 100000 экземпляров. В книге в основном изложены данные по изучению инфекционной анемии лошади, которыми автор опровергает опыты Луи Пастера и приходит к выводу: *"... можно считать установленным, что фильтрующиеся вирусы могут превращаться в бактериальную форму, а микробы, в свою очередь, - в форму фильтрующихся вирусов. Вирусы и микробы при известных условиях могут превращаться в кристаллы и, наоборот, кристаллы в бактерии и фильтрующиеся вирусы"* (с. 147). Учение Бошьяна также, несмотря на полную абсурдность, на несколько лет вошло в понятие "передовой советской мичуринской науки". Академик АМН СССР Н.Н. Жуков-Вережников, И.Н. Майский и Л.А. Калининченко в статье, опубликованной в журнале "Большевик" (1950. №16), писали: *"Большое значение имеют положения Г. Бошьяна, относящиеся к проблеме кристаллизации живого вещества. Нет сомнений, что теперь, после опубликования работ О. Лепешинской и Г. Бошьяна, окончатся робкие блуждания вокруг этого вопроса, разработка которого имеет первостепенное значение для микробиологии и биологии в целом"*. Ведущий научный журнал "Микробиология" (1950. Т. 19, №4) поместил рецензию на книгу Бошьяна, в которой было сказано: *"Работа Г.М. Бошьяна является серьезным вкладом в нашу мичуринскую биологическую науку"*.

При академиях и институтах созываются конференции и совещания для обсуждения открытий Бошьяна. Так, например, действительный член АМН СССР президент АН БССР Н.И. Гращенков заключает статью, посвященную итогам одной из таких конференций, следующими словами: *"Советским микробиологам следует развернуть широкий фронт экспериментальных исследований с тем, чтобы ук-*

репуть эти принципиально правильные позиции, занятые Г. Бошьяном, раз и навсегда покончить с метафизическим прошлым в области микробиологии" (Известия АН БССР. 1950. №4. с. 67). Знакомство с учением Бошьяна было включено в программы медицинских и биологических вузов.

До 1950 г. лысенковский шквал обрушивался главным образом на генетиков, эволюционистов, селекционеров. Однако вскоре произошло еще одно разрушительное для науки событие. Хотя происхождение клеток из живого вещества к моменту августовской сессии уже было неотделимой частью мичуринской биологии и Лепешинская имела все основания разделить торжество Лысенко после августовской сессии, она все же добилась организации собственного праздника. 22 мая 1950 г. было созвано совместное совещание Отделения биологических наук АН СССР и АМН СССР при участии представителей ВАСХНИЛ, специально посвященное открытиям Лепешинской. Совещание заняло пять заседаний, проходивших под председательством академика А.И. Опарина. В первый день после вступительного слова Опарина с научными докладами выступили О.Б. Лепешинская, ее дочь О.П. Лепешинская, муж дочери В.Г. Крюков и сотрудник Лепешинской В.И. Сорокин. Последующие три заседания были посвящены прениям. Все 27 выступавших единодушно приветствовали направление Лепешинской, среди них академики АН СССР Е.Н. Павловский, Н.Н. Аничков (президент АМН СССР), Т.Д. Лысенко, А.Д. Сперанский и действительные члены АМН СССР Н.Н. Жуков-Вережников, И.В. Давыдовский, С.Е. Северин; члены-корреспонденты АН СССР А.А. Имшенецкий, В.Л. Рыжков, Н.М. Сисакян. Выступал и Г.М. Бошьян.

Особое значение имела, конечно, речь Т.Д. Лысенко. Он указал на ряд разделов своего учения, для которых работы Лепешинской имели первостепенное значение: *"Мне абсолютно ясно, что без признания зарождения клеток из неклеточного вещества невозможна теория развития организма... Не менее важным является положение и экспериментальный материал О.Б. Лепешинской и для построения правильной теории видообразования"* (Стенографический отчет Совещания по проблемам живого вещества и развития клеток. М., 1951. С. 110). Исходя из данных Лепешинской, Лысенко объяснил также проповедуемое им зарождение одних видов в недрах других, например ржи в пшенице путем появления *"в теле пшеничного растительного организма"* *"крупинки ржаного тела"*, вначале не имеющих клеточной структуры, а затем превращающихся в клетки ржи *. В заключение своей речи он сказал: *"Нет сомнения, что теперь добытые О.Б. Лепешинской научные положения уже признаны и вместе с другими завоеваниями науки лягут в фундамент нашей развивающейся мичуринской биологии"* (с. 112). В своем заключительном слове Опарин заявил: *"Одной из важных задач, стоявших перед настоящим совещанием, является задача создать в широких кругах научной общественности перелом в отношении к работам О.Б. Лепешинской, создать такого рода положение, чтобы ученые различных специальностей не только восприняли идеи, развиваемые Ольгой Борисовной, но чтобы они активно включились в работу по изучению неклеточных форм жизни и возникновения клетки..."* (с. 175).

* В "Литературной газете" от 13 сентября 1951 г. Лысенко опубликовал статью "Работы О.Б. Лепешинской и превращение видов".

Совещание приняло резолюцию, в которой, в частности, говорится: *"Вирховианская догма, согласно которой клет-*

ка происходит только от клетки, не соответствует действительности, в корне противоречит всем принципам мичуринского учения и затрудняет развитие передовой советской биологии в ряде важнейших участков этой науки... Своими работами они (Лепешинская и ее сотрудники. - В.А.) экспериментально доказали, что клетки могут происходить не только путем деления, но также из живого вещества, не имеющего структуры клетки, что является крупным открытием в биологической науке... Идеи, развиваемые О.Б. Лепешинской, должны быть широко популяризованы и использованы в практике медицины и сельского хозяйства".

В результате "блестящей победы" учения Лепешинской к лысенковской триаде менделизм-вейсманизм-морганизм был прибавлен еще один бранный термин - вирховианство.

Среди выступавших с поддержкой чудовищных идей Лепешинской, ничего общего не имеющих с наукой, среди принявших резолюцию, наносящую огромный вред советской науке, был ряд ученых с мировым именем, крупнейших специалистов в области нормальной и патологической цитологии, и ни один из них не подал протестующий голос. Как это объяснить? Чтобы современному читателю это было понятно, я приведу беседу моего друга профессора В.М. Карасика с академиком Н.Н. Аничковым, с которым он был в приятельских отношениях. Беседа состоялась вскоре после окончания майской сессии. Карасик спросил Аничкова, как он все же мог выступить с восхвалением Лепешинской. На это Николай Николаевич, грассируя, ответил: "Давление на нас было оказано из таких высоких сфер, что мы извивались как угри на сковородке. Я после своего

выступления три дня рот полоскал". (В какой мере это помогло, он не сказал).

До майского совещания 1950 г. Лепешинская заведовала скромной лабораторией цитологии в Институте экспериментальной биологии АМН СССР. После совещания лабораторию преобразовали в Отдел по изучению живого вещества со значительным расширением штата и богатым пополнением оборудования. В том же году О.Б. Лепешинская вне очередного раунда, в одиночку, получает Сталинскую премию первой степени - 200000 руб. (двадцать тысяч в современном исчислении). Еще за несколько лет до этого было известно по слухам, а затем сообщено Лепешинской в печати о проявлении Сталиным "отеческой заботы о науке": *"В самый разгар войны, поглощенный решением важнейших государственных вопросов, Иосиф Виссарионович нашел время познакомиться с моими работами еще в рукописи и поговорить со мной о них. Внимание товарища Сталина к моей научной работе и его положительный отзыв о ней влили в меня неиссякаемую энергию и бесстрашие в борьбе с трудностями и препятствиями, которые ставились учеными-идеалистами на пути моей научной деятельности"* (Внеклеточные формы жизни. М., 1952. С. 6). Всего этого было достаточно, чтобы учение Лепешинской получило статус политической платформы, поддерживаемой партией и правительством. В середине 50-х годов на мой недоуменный вопрос, адресованный К.М. Завадскому (известный эволюционист, будущий заведующий кафедрой дарвинизма ЛГУ): "Как Вы могли в своей статье, описывая регенерацию листьев бегонии, утверждать, что меристематические клетки возникают из неклеточного живого вещества?" - он ответил: "Я солдат партии".

Критика в адрес Лепешинской рассматривалась как анти-советская акция со всеми вытекающими последствиями. Это вполне уживалось с широко цитируемым утверждением Сталина: *"Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики"* (Правда. 20 июня 1950 г.). Такое положение дел отнюдь не свидетельствовало о недостаточной действительности высказываний Сталина. Объяснялось это просто тем, что в то время многие фразы и слова воспринимались в перевернутом, инвертированном смысле. Борьба мнений понималась как борьба с мнением инакомыслящих. В программе по гистологии и эмбриологии Минздрава СССР от 1953 г. имеется пункт *"Значение свободных дискуссий для дальнейшего развития советской биологии и медицины (сессия ВАСХНИЛ, объединенная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР)"*. Возврат к воззрениям первой половины прошлого века назывался борьбой за передовую науку. Признание передачи по наследству приобретенных свойств, подменявшее дарвинизм ламаркизмом, считалось развитием творческого дарвинизма. Сталинабадская газета, обрушиваясь на Ю.Я. Керкиса, изгнанного Лысенко из Института генетики АН СССР и вынужденного с семьей искать средства к существованию в таджикской глубинке, обвиняла его в *"полной беспринципности"* из-за его нежелания признать свои морганистские ошибки. Малодушное же отречение ученого под влиянием насилия от своих убеждений, если он не был предназначен к полному сокрушению, объявляли честным, мужественным поступком и т.д.

Вскоре после майской сессии Лепешинской последовали организационные выводы, обрушившиеся в первую очередь на цитологов, гистологов, эмбриологов, которые до

этой поры еще как-то могли заниматься нормальной наукой, если она не соприкасалась с вопросами генетики. Прежде всего огонь был направлен на тринадцать ученых, подписавших статью с уничтожающей критикой книги Лепешинской "Происхождение клеток из живого вещества и роль живого вещества в организме" (1945 г.). Статья под названием "Об одной ненаучной концепции" была опубликована в газете "Медицинский работник" от 7 июля 1948 г. (естественно, что после августовской сессии 1948 г. такая статья не могла бы увидеть свет). Лепешинская в то время основывала свое открытие возникновения клеток из живого вещества, лишённого клеточной структуры, на двух группах фактов. Используя в качестве объектов развивающиеся яйца курицы и севрюги, она описала превращение желточных шаров, якобы лишённых ядра, в эмбриональные клетки и в кровяные островки - зачатки кровеносных сосудов. Другим объектом служила растертая гидра, у которой, по мнению Лепешинской, после разрушения всех клеток из образовавшегося живого вещества вновь возникали клетки. Тем самым Лепешинская фактически призывала вернуться к воззрениям Шлейдена и Шванна, то есть к уровню науки 30-х годов прошлого столетия.

В статье тринадцати было показано, что выводы Лепешинской основаны на применении негодной методики, на элементарном непонимании того, что видно под микроскопом, из-за полной биологической безграмотности и сумбурного мышления. Дело в том, что желточные шары - это полноценные клетки, содержащие ядро и цитоплазму, загруженную желточными зёрнами, служащими материалом для развивающегося зародыша. Желточные зёрна поначалу маскируют ядра, но по мере их потребления ядра становятся хорошо видимыми. Этот процесс Лепешинская истолко-

вала как зарождение ядер в бесклеточном живом веществе. Кроме того, желточные шары, израсходовавшие желточные зерна, в дальнейшем погибают. Произвольно располагая эти стадии разрушения клеток в обратном порядке, Лепешинская выдавала этот процесс за возникновение клеток из бесструктурного живого вещества. Опыты с растертой гидрой никакой доказательной силы вообще не имели, так как при растирании мелкие клетки могли остаться целыми. Из своих изысканий Лепешинская сделала выводы для медицинской практики. Она заключила, что заживление ран происходит за счет новообразования клеток из "кровяной зернистости" и предлагала лечить раны путем прибавления к ним крови. Далее в статье тринадцати авторов было показано, как Лепешинская, пытаясь укрепить свои теоретические построения цитатами из Энгельса, превратно их толкует и игнорирует те высказывания Энгельса, которые явно противоречат ее утверждениям. В заключение статьи авторы пришли к такому выводу: *"Выдавая совершенно изжитые и поэтому в научном отношении реакционные взгляды за передовые, революционные, Лепешинская вводит в заблуждение широкого читателя и дезориентирует учащуюся молодежь. Вопреки добрым намерениям автора, книга ее объективно могла бы только дискредитировать советскую науку, если бы авторитет последней не стоял так высоко. Ненаучная книга Лепешинской - досадное пятно в советской биологической литературе"*. Статью подписали: действительные члены АМН СССР Н. Хлопин, Д. Насонов, член-корреспондент АН СССР В. Догель, член-корреспондент АМН СССР П. Светлов, профессора Ю. Полянский, П. Макаров, Н. Гербильский, З. Кацнельсон, Б. Токин, В. Александров, Ш. Галустьян, доктора наук А. Кнорре, В. Михайлов.

Совершенно очевидно, что Лепешинская и ее окружение, получив полное признание высоко стоящих инстанций, правительственных и партийных, не могли оставить безнаказанными авторов разоблачительной статьи. Требовалось заставить их принять учение о зарождении клеток из живого вещества или убрать их с научного поприща. Из тринадцати подписавших статью большинство были сотрудниками Института экспериментальной медицины АМН СССР в Ленинграде. В июне 1950 г. в Ленинград прибыли эмиссары Лепешинской - действительный член АМН СССР Н.Н. Жуков-Вережников и доктор биологических наук И.Н. Майский. На заседаниях Ученого совета Института экспериментальной медицины АМН СССР (21-23 июня) должны были выступить посланцы Лепешинской и подписавшие статью тринадцати, в первую очередь заведующие трех отделов Института: общей морфологии (в который входила руководимая мною лаборатория цитологии) - Д.Н. Насонов, экспериментальной гистологии - Н.Г. Хлопин и фитонцидов - Б.П. Токин. Перед собранием по поручению партбюро нас предупредили, что вопрос о сохранении или ликвидации отделов и лабораторий будет решаться в зависимости от того, как выступят авторы антилепешинской статьи, и прежде всего Насонов, Хлопин, Токин.

Заседание открыл и вел директор ИЭМ член-корреспондент АМН СССР Д.А. Бирюков. Свое вступительное слово он начал со ссылки на статью "гениального нашего вождя" Сталина, опубликованную днем раньше в "Правде": *"Непосредственно в связи с сегодняшним нашим совещанием надо обратить внимание на ту часть статьи, где товарищ Сталин показывает, какую роль играет критика в науке, когда эта критика является смелой, принципиаль-*

ной, без оглядки, и как он показывает, какое значение имеет то, что он назвал аракчеевским режимом...". Затем об открытиях Лепешинской доложил Жуков-Вережников, после чего начались прения, на которых выступили 15 человек. Первым взял слово действительный член АМН СССР Н.Г. Хлопин, лауреат Сталинской премии, один из наиболее крупных и эрудированных гистологов того времени. Он полностью признал свои ошибки, отрекся от статьи тринадцати, тезис Вирхова *"Каждая клетка из клетки"* обозвал метафизическим положением и предложил проблему развития клеток поставить *"в центре внимания всех представителей биологии и медицины"*.

Иначе звучало выступление Д.Н. Насонова, также действительного члена АМН СССР и лауреата Сталинской премии. Он прежде всего указал на грандиозную ответственность, связанную с принятием учения Лепешинской, которое знаменует полный переворот в биологии, касающийся всех ее разделов, а также практической медицины. Поэтому для решения этой проблемы требуются чрезвычайные доказательства. Насонов апеллировал к той же "гениальной" статье нашего вождя, в которой говорилось о свободе критики в науке. С другой стороны, он сослался на авторитеты академиков Аничкова, Павловского, Сперанского, Северина, профессора Хруцова, которые на майской сессии заверили, что приведенные Лепешинской факты и выставленные новые препараты вынудили их признать правильность ее теоретических положений. Исходя из этого Насонов считал необходимым пересмотреть старые доктрины и признал ошибкой авторов статьи тринадцати чисто словесную критику Лепешинской, без приведения собственных экспериментальных данных по этому вопросу.

Покаяние Насонова было явно слабым, и поэтому, нападая на него, можно было приобрести политический капитал. Этим прежде всего соблазнился профессор С.И. Гальперин - физиолог, работавший в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. Он обвинил Насонова и меня в развитии идей И. Мюллера и М. Ферворна, которые в свое время В.И. Ленин назвал физиологическим идеализмом. Несмотря на то что наша концепция паранекроза явно доказывала ошибочность идей этих ученых прошлого века, Гальперин, искажая факты, по существу сострепал на нас политический донос. Я в своем выступлении сказал лишь, что в вопросе о Лепешинской согласен с Насоновым, а предоставленное мне время использовал для разоблачения клеветнического наскока Гальперина. Это явно не могло удовлетворить сатрапов Лепешинской, и И.Н. Майский в своем выступлении сказал: *"Что касается выступления проф. Александрова, то надо сказать, что нельзя было более ловко обойти те острые углы, которые действительно были обойдены в его выступлении"*.

Одним из последних выступил профессор Б.П. Токин. Он остановился на двух моментах: на раскаянии в ошибках, совершенных им по отношению к Лепешинской, и на яростных нападках на Насонова и на меня. Но его первая фраза все же была посвящена нам: *"Мне кажется, что выступление, которое сделал проф. Насонов, неправильно: оно неправильно научно, оно неправильно политически, и дружные аплодисменты небольшой группы товарищей в связи с выступлением проф. Александрова тоже неуместны"*. И далее он полностью повторил злостные измышления Гальперина в адрес развиваемой Насоновым и мною концепции. Кроме того, он счел для себя выгодным отметить самокритичность вы-

ступления Хлопина и противопоставить его насоновскому. Таким образом, Токин, в отличие от Хлопина, не ограничился смиренным покаянием. Чтобы лучше удержаться на плаву, он решил еще взгромоздиться на Насонова и Александрова, погружая их в омут.

Не буду останавливаться на других выступлениях. Завершились они заключительным словом Жукова-Вережникова. Осуждая Насонова, он сказал: *"... нужно было Вам сделать, как сделали проф. Хлопин и проф. Токин. Надо было осудить и сказать, что мы исходили из таких положений, были под таким гипнозом. В этом Ваша ошибка... Надо было сказать, что мы ошибались, а теперь давайте работать вместе"*. Ко мне он обратился со следующим нападением: *"Вы подписали статью, в которой высказали такое положение, что вирховская догма - это все и помимо этого не следует ничем заниматься. А сегодня, выступая здесь, просто ушли от этого"*.

Последним выразил свое негодование нашим поведением присутствовавший на заседаниях представитель Горкома ВКП(б) Бобовский.

Насонов, предчувствуя расправу, сразу после окончания заседаний направил заведующему Отделом науки ЦК ВКП(б) Ю.А. Жданову письмо, в котором просил о защите и объяснял, какой вред биологии и медицине принесет превращение взглядов Лепешинской *"в застывшую догму, обязательную для всех биологов и медиков, и это тем более необходимо, что фактический материал, опубликованный до сих пор О.Б. Лепешинской, вызывает ... у многих ... очень серьезные сомнения"*. Крик Насонова о помощи остался без ответа. Через некоторое время его известили о

принятии Президиумом АМН СССР решения ликвидировать Отдел общей морфологии. Насонов вновь обращается к Ю.А. Жданову с просьбой сохранить Отдел хотя бы в сокращенном виде, однако и на это обращение ответа не последовало. И 28 июля 1950 г. был издан приказ по Институту за №108/л, где в §7 значится: "...ликвидировать с 1 сентября с.г. Отдел общей морфологии...", а в §10 - "освободить от работы в Институте с 1 сентября с.г. ..." - дальше следует список 21 уволенного сотрудника, среди них 4 профессора, заведовавших лабораториями, 12 научных сотрудников, остальные лаборанты. Часть технического персонала была переведена в другие подразделения Института. Отделы Хлопина и Токина остались нетронутыми. (Не будучи уверенным в прочности своего положения, Хлопин опубликовал в "Медицинском работнике" от 26 октября 1950 г. письмо в редакцию под заголовком "Вскрыть и преодолеть ошибки - долг советского ученого". Выполняя этот "долг советского ученого", он, в частности, писал: "...я категорически отрицаю возможность развития клеток из неклеточного живого вещества в настоящее время. Этим я ставил преграду научному исследованию и заранее ограничивал его возможности". Вслед за этим Хлопин написал статью в журнал "Успехи современной биологии" (1951. Т. 31, №1). В ней каждая строка продиктована паническим страхом: "...в моих прежних работах имеется ряд недопустимых некритических заимствований из арсенала реакционного вейсманизма-морганизма, вся идеалистическая сущность которого была вскрыта акад. Т.Д. Лысенко" (с. 144)).

Вот так завершилась свободная дискуссия с осуждением аракчеевщины в науке, происходившая в июне 1950 г. в Институте экспериментальной медицины АМН СССР. Так

был полностью разрушен самый крупный цитологический центр в нашей стране, работы которого были тесно связаны с рядом важных разделов практической медицины. Дальнейшая судьба научных сотрудников, изгнанных из Института, сложилась по-разному. На мою долю выпала полугодовая безработица. Это лишь один из эпизодов, сопровождавших утверждение единовластия Лепешинской в цитологии.

Через 2 года, 22-24 апреля 1952 г. состоялось еще одно собрание - "Конференция, посвященная проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества в свете теории О.Б. Лепешинской". Оно было созвано АМН СССР, Отделением биологических наук АН СССР с участием вузов и научно-исследовательских институтов Минздрава СССР. На конференции царил полный единодушие, и ни один участник не подверг сомнению учение Лепешинской. Из 37 докладчиков 25 в первой конференции 1950 г. не участвовали. Таким образом, за это время Лепешинская существенно пополнила ряды своих приверженцев, среди которых было немало настоящих ученых, для которых все было ясно.

Установление диктатуры Лысенко и Лепешинской в основных разделах биологии удовлетворило их честолюбивые и материальные стремления, а также приносило большие выгоды их приближенным. Вместе с тем такая организация науки вполне устраивала партийные и правительственные инстанции, так как облегчала управление наукой и охрану ее от вредных влияний буржуазной науки и чуждой идеологии. Пример Лысенко и Лепешинской поставил на очередь реорганизацию по той же схеме еще не охваченных областей биологии. Более всего для такой реорганизации

созрела физиология. Рецепт был известен. Требовался лидер, при нем активный боеспособный штаб, затем авторитет покойного общепризнанного классика-ученого, именем которого можно прикрыть деятельность лидера, и, конечно, подлежащий разгрому лагерь ученых, стоящих на методологически порочных позициях. Роль покойного покровителя физиологии могла быть поручена только великому И.П. Павлову, лишенному возможности защитить свое доброе имя.

Сперва было неясно, кто станет во главе единственно правильного направления. Претендентов было в сущности двое: академики К.М. Быков и А.Д. Сперанский. Окончательное решение этого вопроса должно было быть принято в высоких инстанциях, после чего следовало по образу и подобию августовской сессии 1948 г. и майской сессии 1950 г. организовать сессию с предъявлением утвержденного вождя физиологии и выявлением ученых, совершавших методологические ошибки в своей научной и организационной деятельности. Однако в отличие от двух предыдущих сессий, где профессиональных ученых сокрушали неучи, втершиеся в доверие партии и правительству, в предстоящей сессии одни профессионалы-ученые должны были осудить других, также профессиональных ученых.

Один из раундов борьбы между командами Быкова и Сперанского происходил в Ленинграде на открытых заседаниях Ученого совета Института экспериментальной медицины АМН СССР 4 и 5 апреля 1950 г. Тема заседаний - "О павловском направлении в советской медицине". Было заслушано 3 доклада - Д.Н. Насонова "Преодоление вирховизма в учении о клетке", К.М. Быкова "Перспективы развития идей Павлова в области медицины" и С.В. Аничкова

"Павловские принципы в применении к изысканию новых лекарственных веществ". Для участия в заседаниях из Москвы прибыли посланцы Сперанского - М.Г. Дурмишьян, О.Я. Острый и А.Ю. Брновицкий. Они выступали с рядом критических замечаний в адрес Быкова, а Брновицкий в последнем своем выступлении, предвкушая победу лагеря Сперанского, сказал, что борьба, которую они ведут за учение Сперанского о роли нервной системы в трофике и целостности организма, будет состоять из трех фаз: первая - это дискуссия по методологическим вопросам, вторая будет касаться пересмотра научных исследований, воспитания медицинских кадров, поведения врача у постели больного, третья же фаза будет фазой оргвыводов.

Однако партия Быкова имела явные преимущества. Работы его и его сотрудников были ближе к основному направлению павловской школы, чем коллектива Сперанского. Сперанский, как и Быков, был в прошлом учеником Павлова, однако, работая в направлении патофизиологии, пытался создать свою собственную концепцию о первостепенной роли нервной системы в "организации и развитии" болезни. Она была изложена в его монографии "Элементы построения теории медицины" (1937), но связь ее с павловским учением не была достаточно подчеркнута. Кроме того, штаб Сперанского был явно менее представительен и обладал меньшей пробивной активностью. В результате ЦК ВКП(б) поручил руководство и организацию сессии академику Быкову.

И вот 28 июня 1950 г. разразилась "Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова". Она была организована АН СССР совместно с АМН СССР. Задачей сессии являлось подчинение иде-

ям павловской школы (в том виде, как их понимали официально признанные наследники) всей физиологии, теоретической медицины и вытекавшей отсюда клинической практики. Сессия длилась шесть дней. После выступлений президента АН СССР С.И. Вавилова и вице-президента АМН СССР И.П. Разенкова состоялись два доклада - К.М. Быкова "Развитие идей И.П. Павлова (задачи и перспективы)" и А.Г. Иванова-Смоленского "Пути развития идей И.П. Павлова в области патофизиологии высшей нервной деятельности".

На августовской сессии вводный доклад Лысенко назывался "О положении в биологической науке", в действительности же речь шла лишь о мичуринской биологии, поскольку другая биология признавалась лженаучной. На Павловской сессии вводные доклады по названию касались лишь павловской физиологии и патофизиологии, но подразумевалось, что непавловская физиология и патофизиология не должны существовать. В этом было сходство обеих сессий. Вслед за докладами в дискуссии выступили 81 оратор из 209 записавшихся. Работа сессии вылилась в осуждение тех ученых, которые уклонились от павловского пути, тех руководителей, которые не обеспечили дальнейшее развитие павловских идей, тех, которые недооценивали приоритет Павлова в своей деятельности, тех, кто не давал должного отпора буржуазным физиологам, тех, кто стоял на ошибочных методологических позициях. Пожалуй, точнее всего главную задачу сессии (помимо организационной) выразил выступивший в прениях профессор А.В. Лебединский (он занял кафедру физиологии Военно-медицинской академии после ухода Л.А. Орбели), сказав, что она должна обеспечить *"...полную ликвидацию отступления от генеральной, единственно правильной и плодотворной научной линии -*

павловской физиологии"(Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова. М., 1950. с. 320).

Основными мишенями были избраны академики Л.А. Орбели, И.С. Бериташвили, А.Д. Сперанский, профессора - П.К. Анохин, П.С. Купалов, сотрудники Орбели профессора А.Г. Гинецинский, А.В. Лебединский и некоторые другие. Тон был задан вводными докладами и поддержан подавляющим большинством выступавших. В спорах почти не фигурировали научные факты, экспериментальные данные. Выяснялось не значение исследований ученого для понимания физиологических процессов, а отношение его работ к павловскому учению, к диалектическому материализму, а в отдельных выступлениях - и к мичуринской биологии. А для этого важнее была сверка цитат, чем сопоставление научных данных с действительностью.

Особенно резким нападкам подверглись Орбели, Анохин и не присутствовавший на сессии Бериташвили. Конечно, атака на Орбели была обусловлена тем, что он занимал основные руководящие посты в области физиологии - он был директором Физиологического института им. И.П. Павлова АН СССР и Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова АМН СССР, начальником кафедры физиологии Военно-медицинской академии, заведующим отделом физиологии Естественного института им. П.Ф. Лесгафта, председателем Всесоюзного общества физиологов, биохимиков и фармакологов, главным редактором "Физиологического журнала СССР", председателем ряда комиссий. Вот почему главной целью организаторов сессии было обоснование необходимости смещения Орбели с занимаемых им постов.

Основной упрек к Орбели Быков сформулировал так: "...Л.А. Орбели и его школа занимались не столько разработкой павловского идейного наследства, сколько разработкой проблем, поставленных им самим" (с. 24). Особенно остро ставился вопрос о невнимании Орбели к изучению второй сигнальной системы, а ведь перед самой сессией вышел очередной "гениальный труд" товарища Сталина "Марксизм и вопросы языкознания". Проблема же языкознания непосредственно связана с человеческой речью - второй сигнальной системой. Тяжелые обвинения пришлось выслушать и Анохину от докладчиков и от выступавших в прениях. Его упрекали в уходе от Павлова, в искажении павловских идей, в тенденции "поправить" классическое учение Павлова теоретическими измышлениями зарубежных ученых (Быков). В действительности же слабым местом Анохина было то, что он занимал соблазнительный пост директора Института физиологии АМН СССР. Более сдержанной была критика в адрес Сперанского *. Его обвиняли преимущественно в том, что он в своих трудах недооценивает роль головного мозга, мало цитирует Павлова и как бы претендует на оригинальность своей концепции о роли нервной системы в патологии. Резкому осуждению был подвергнут фундаментальный учебник "Основы физиологии человека и животных" А.Г. Гинецинского и А.В. Лебединского.

* На Ученом совете ИЭМ 5 апреля 1950 г., о котором было сказано выше, Броницкий, выступая в защиту идеи Сперанского, сказал: *"Ничего в этом отношении оригинального нет, и это есть лишь продолжение великих идей Ивана Петровича"*. Ценность научного труда определялась по его близости к трудам Павлова, а не по его соответствию действительности.

Главные обвиняемые вели себя по-разному.

Анохин признал все свои ошибки, которые ему инкриминировались, и еще несколько ошибок, которые его оппоненты просмотрели. Бросил упреки Бериташвили и Орбели, лестно отозвался о Быкове, связал учение Павлова с учением Мичурина-Лысенко и, как и подавляющее большинство выступавших, закончил свою покаянную речь хвалой Сталину.

П.С. Купалов (он заведовал павловским отделом в Институте экспериментальной медицины) отклонил все сделанные в его адрес упреки и позволил себе усомниться: *"Я хочу спросить у такой высокой научной аудитории, перед которой я выступаю: неужели наш научный русский советский ум, неужели мы - преемники Павлова, Сеченова - утратили свое право на то, чтобы создавать новые научные термины и систематизировать новые, нами собираемые факты?"* (с. 162). Ответа на свой вопрос Купалов не получил.

Особенно драматичными были выступления Орбели. Несомненно наиболее талантливый и активный из учеников И.П. Павлова, заслуженно пользовавшийся огромным научным и моральным авторитетом, глубочайшим уважением за ум и доброту, Л.А. Орбели вдруг оказался в положении обвиняемого в провале развития павловского учения. Эта клевета не могла не задеть его человеческое достоинство, что и отразилось в его первом выступлении на четвертом заседании сессии. Он начал с претензии по поводу того, что заранее не был оповещен о предъявляемых ему обвинениях. Далее, возражая Быкову и Иванову-Смоленскому, он дал объяснение своей научной деятельности и признал некоторые организационные ошибки. Выступление Орбели было расценено как крайне неудовлетворительное многими

выступавшими на последующих заседаниях, в том числе и некоторыми сотрудниками, работавшими под его руководством. И вот на десятом заседании последним вторично берет слово Орбели. Тон его стал совершенно иным: *"В результате неподготовленности и расстроенного настроения я совершенно неправильно использовал предоставленное мне время, потерял значительную часть его на ненужное изложение истории моего участия в разработке павловского учения, не дал ясной и полной картины хода работ руководимых мною институтов им. Павлова, допустил неуместный выпад в отношении своего уважаемого товарища академика Быкова"* (с. 501-502). Затем в пяти пунктах Орбели перечислил допущенные им ошибки. Между первым и вторым его выступлением должно было произойти что-то существенное, что могло бы сломить гордость этого сильного человека.

Сперанский повинился в том, что мало ссылаясь на Павлова, признал свою вину за нечеткие формулировки и неудачные термины, упомянул Лысенко, но от общего направления своей работы не отступал и ни Орбели, ни Анохина не лягнул.

На последнем заседании Павловской сессии с заключительными словами выступили Быков, Иванов-Смоленский и президент АН СССР С.И. Вавилов. Сессия завершилась осуждениями разной сокрушительной силы провинившихся ученых и принятием обращения к товарищу И.В. Сталину, заканчивавшимся словами: *"Да здравствует наш любимый учитель и вождь, слава всего трудящегося человечества, гордость и знамя передовой науки - великий Сталин!"*.

Сразу после этой "свободной дискуссии" последовали организационные выводы. Постановлением Президиумов АН СССР и АМН СССР Орбели был освобожден со всех занимаемых постов, Анохин снят с должности директора Института физиологии АМН СССР *. На базе Института физиологии центральной нервной системы АМН СССР, Физиологического института им. И.П. Павлова АН СССР и Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова АМН СССР был создан единый Институт физиологии им. И.П. Павлова АН СССР, директором которого был назначен Быков. Иванов-Смоленский стал заместителем директора вновь созданного Института высшей нервной деятельности АН СССР. Были уволены многие научные сотрудники, работавшие под началом Орбели. Самый близкий его помощник, крупный ученый А.Г. Гинецинский должен был отправиться в Новосибирский медицинский институт. В соответствии с решениями сессии АН СССР и АМН СССР 1950 г. академик И.С. Бериташвили был отстранен от руководства Институтом физиологии АН Грузинской ССР и кафедрой физиологии Тбилисского университета и был вынужден прекратить исследовательскую работу. В Ростовском медицинском институте с заведования кафедрой физиологии был уволен крупный исследователь, действительный член АМН СССР Н.А. Рожанский.

* Вскоре после этого Анохин направляет в редакцию "Вестника АМН СССР" пространное письмо, озаглавив его: "О моих ошибках в разработке учения И.П. Павлова и о путях их исправления в духе указаний объединенной Павловской сессии АН СССР и АМН СССР" (Вестник АМН СССР, 1951, №2). В те годы ученых тренировали не на отстаивание собственных взглядов, а на умение отказываться от них.

При АН СССР был учрежден "Научный совет по проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова" в

составе 13 человек во главе с Быковым. Секретарем Совета стал Э.Ш. Айрапетьянц, один из самых рьяных организаторов всего быковского предприятия. В состав Совета Орбели, Сперанский, Анохин, конечно, не были включены.

В указанном постановлении Президиумов обеих академий читаем: *"Академик Орбели занял нетерпимое монопольное положение в физиологии, что противоречит духу советской науки и мешает свободному ее развитию"* (Вестник АН СССР. 1951. №7. С. 117). (Это после учреждения диктатур Лысенко и Лепешинской!). Остается не совсем ясным, почему передача полной монополии в физиологии Быкову и его подручным должна была способствовать свободному ее развитию.

Во всяком случае, Быков, Иванов-Смоленский, Айрапетьянц и их подручные своей цели добились, а организованный ими Научный совет начал выполнять чисто инквизиторские функции, пресекая всякие отклонения от павловского учения и его "извращения". На сессиях Совета в течение нескольких лет не прекращалась форменная травля Орбели. Так, на VIII сессии Научного совета 27 декабря 1952 г. была принята резолюция, в которой после ряда выпадов против Орбели содержался призыв: *"Научный совет рекомендует редакциям физиологических, медицинских, биологических и педагогических журналов систематически публиковать статьи, вскрывающие вред применения идеалистического субъективного метода, отстаиваемого Л.А. Орбели и другими"*.

Павловская сессия сказалась самым пагубным образом и на развитии физиологических исследований, и на преподавании физиологии в вузах и школах. Физиологии был придан

крайне узкий односторонний характер. Вне поля зрения или под запретом оказался ряд важнейших физиологических проблем, в частности подкорковая деятельность, вегетативная нервная система, эволюционная и клеточная физиология, эндокринология и т.д. Был разогнан ряд плодотворно работавших коллективов, осквернено доброе имя великого И.П. Павлова *.

* В 1988 г. в издательстве "Наука" вышел под редакцией академика Н.П. Бехтеревой объемистый том "Физиологические науки в СССР", где в разделе "Развитие физиологии в 1946-1962 гг.", написанном К.А. Ланге и Э.Н. Светайло, читатель с удивлением и возмущением натывается на попытку авторов доказать, что *"...речь идет о положительном в целом влиянии сессии, которое обусловило существенное количественное развитие исследовательских коллективов и научных работ в отдельных направлениях физиологических наук, способствовало укреплению творческих контактов физиологических исследовательских коллективов с отраслевыми... учреждениями и, наконец, предопределило активные поиски форм межведомственной координации деятельности физиологических институтов, лабораторий и кафедр"* (с. 164). Это грубое искажение истории вызвало справедливую гневную отповедь Н. Григорьян и М. Ярошевского, опубликовавших в журнале "Коммунист" (1989. №3) статью, озаглавленную "Попытка реабилитировать одну из позорных акций в науке".

В результате трех сессий советская биология почти целиком была "упорядочена" путем создания трех научных направлений, официально признанных, широко поощряемых и жестко охраняемых от инакомыслия. Лысенко, Лепешинская, Быков получили диктаторские полномочия руководить своими методологически "единственно правильными" учениями: мичуринской биологией, учением о живом веществе, павловской физиологией. Монолитность советской биологии подчеркивалась появлением термина "передовая мичуринско-павловская биология".

Такое насилие над свободным саморазвитием науки привело к трагическим последствиям и для науки, и для государства. Огромный материальный урон был нанесен принудительным проведением в широких масштабах практических

мероприятий, насаждаемых Лысенко и его приспешниками в сельском хозяйстве. Лысенко внедрял их, исходя из своих совершенно ложных теоретических представлений, а иногда и без всякой теоретической мотивировки. Не меньший ущерб терпело сельское хозяйство от лысенковских запретов на использование действительно рациональных методов, которые, по его мнению, исходили из методологически ложных предпосылок классической генетики. Ярким примером может служить борьба Лысенко против применения гибридов самоопыленных линий кукурузы, которые широко использовались в США и повышали урожайность на 25-30% . К 1956 г. они принесли США дополнительно 15 миллиардов пудов зерна. Лысенковцы расценивали этот метод как "фокусы" американских семеноводческих фирм, направленные на самообогащение, как порождение формально-генетической теории, развенчанное мичуринской биологией.

Каждая из трех сессий приводила к массовой смене кадров, прежде всего руководящих, в исследовательских лабораториях, в учебных заведениях, в партийных и советских органах, ведавших наукой. Были прерваны важные исследования многих плодотворно трудившихся ученых. Места изгнанных замещались малоквалифицированными, иногда просто невежественными или компетентными, но совершенно беспринципными людьми. Получать результаты, не согласующиеся с официально признанными направлениями, стало опасным, подтверждение же санкционированных догм сулило выгоды. В научные журналы хлынули работы, выполненные на чрезвычайно низком уровне, часто просто безграмотные, иногда с явно фальсифицированными данными. За недолгий срок лидерства Лепешинской было опубликовано более 100 работ в подтверждение возникно-

вения клеток из неклеточного живого вещества. Число публикаций с доказательством правоты лысенковских идей не счесть, их тысячи.

После того как Лысенко провозгласил порождение одного вида в недрах другого, в научной печати начали появляться одна за другой десятки статей с подобного рода описаниями:

- пшеница твердая, 28-хромосомная, порождала мягкую, 42-хромосомную;
- пшеница порождала рожь,
- рожь - пшеницу;
- овес порождал сорняк овсюг;
- рожь - сорняк костер;
- подсолнечник - сорняк заразиху;
- чечевица - вику;
- капуста - брюкву;
- сосна - ель;
- граб - лещину;
- пеночка - кукушку (да, да пеночка - кукушку - это не анекдот, это слова самого Лысенко!) и др.

Все это не невинные развлечения. Если было бы всерьез признано, что культурные растения сами порождают сорняки, заглушающие их собственный рост, то это должно было бы привести к прекращению борьбы с сорняками или же направило борьбу с ними по какому-то бессмысленному лысенковскому пути. Трудно даже себе представить, какими катастрофическими последствиями обернулась бы эта дикая концепция порождения одного вида в недрах другого, выдаваемая за дальнейшее развитие советского мичу-

ринского дарвинизма, если бы ею вооружили практиков сельского хозяйства.

Вокруг мичуринской биологии роилось множество философов во главе с академиком Митиным. Их функции были двойки: во-первых, доказывать, что догмы Лысенко и Лепешинской - это творческое воплощение идей Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина; во-вторых, клеймить все несогласное с выводами мичуринской биологии как метафизику, идеализм, поповщину. Для этого не нужно было утруждать себя знанием биологии, и философы писали в разные издания сотни статей и выпускали через Общество распространения политических и научных знаний, одним из руководителей которого был Митин, десятки брошюр, выходявших огромными тиражами.

Поступательное развитие науки приводит к двойному результату: во-первых, выявляются новые факты и новые закономерности; во-вторых, доказывается невозможность существования некоторых явлений, ранее казавшихся вероятными. Когда развернулась деятельность Лысенко и Лепешинской, из-за нахлынувшего невежества были отброшены все запреты, налагаемые современной биологией. Все считалось возможным - вплоть до порождения кукушки пеночкой, вплоть до превращения растительных клеток в животные (см. ниже). Но самым страшным было то, что многие, казалось бы, эрудированные люди стали поддаваться этим веяниям и начали, по-видимому искренне, верить в то, что было совершенно несовместимо с наукой последних полутора столетий. Похоже, что это отражало какой-то странный процесс адаптации психики к отравленной атмосфере, которой вынуждены были дышать ученые того времени.

Приведу пример. Председатель Ученого совета Минздрава СССР Л.Н. Федоров, бывший сотрудник И.П. Павлова, бывший директор Института экспериментальной медицины АМН СССР, прекрасный администратор и умнейший человек, направляет заведующему кафедрой гистологии 1-го Медицинского института в Ленинграде Ш.Д. Галустяну 28 декабря 1948 г. следующее письмо:

"Дорогой Шаварш Давидович! Обращаюсь к тебе с совершенно необычной просьбой. Твой земляк профессор Мелконян Гаспар Акимович наткнулся на поразительный факт остеогенеза in vitro. Факт настолько очевидный, что я ни на секунду не сомневаюсь в том, что проверка подтвердит эту замечательную находку. Ввиду огромного принципиального значения этого факта прошу тебя лично и как председатель Ученого совета немедленно оказать всемерное содействие в постановке исследований, используя для этого все возможности Института экспериментальной медицины, вплоть до микрокино съемки".

Суть открытия Мелконяна состояла в следующем. В банке, в которой много лет хранились пузырьки эхинококка (личиночная стадия паразитического червя, поражающего разные органы человека), сперва в слабом формалиновом растворе, а затем в простой воде, на которую он был сменен, время от времени с интервалом в пару лет появлялись обломки кости. В январе 1949 г. Мелконян был направлен для консультации в мою лабораторию в ИЭМ. Он привез с собой две банки с коричневой, покрытой плесенью жидкостью, в которой не было обнаружено никаких живых костных или костеобразующих клеток, о чем и была ему вручена подписанная мною справка. Мелконян демонстрировал свои банки и в московских лабораториях. В результате через год в ведущем журнале "Успехи современной биоло-

гии" (1950. Т. 30, вып. 2(5)) появилась статья Мелконяна с описанием сделанного им открытия. В заключение своей статьи автор пишет: *"Описан процесс особого, нового типа костеобразования в мутной нестерильной жидкости, в которой до этого сохранялись дочерние эхинококковые пузырьки"* (с. 311). Следует сообщить, что в состав редколлегии журнала входили: главный редактор Г.К. Хрущов (директор Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР), зам. главного редактора проф. А.Н. Студитский; члены: академик Е.Н. Павловский, профессор О.Б. Лепешинская и ближайшие сподвижники Лысенко профессора А.А. Авакян и В.Н. Столетов.

Грамотные биологи были защищены от натиска лженаучных идей Лысенко и Лепешинской барьером элементарных знаний современной науки, люди же далекие от биологии могли принимать лженауку всерьез, читая популярные статьи и книги, издаваемые в несметном количестве, слушая радио, в дальнейшем смотря телевизор, где демонстрировались практические достижения мичуринской биологии, посещая театры и кино, где шли посвященные ей пьесы и фильмы. Большой бедой было отравление лженаукой сознания школьников, студентов, начинающих ученых и огромной армии школьных учителей. Они были беззащитными перед новыми учебниками, программами и лекторами, скрывавшими от них истинные достижения современной биологии и вместо них подсовывавшими псевдодостижения мичуринской псевдобиологии. Особенно большой вред нанесли рекомендованный Министерством высшего образования СССР учебник для вузов "Общая биология" В.В. Маховко, П.В. Макарова и К.Ю. Кострюковой (первое его издание вышло в 1950 г. тиражом 40000 экз., второе - в 1956 г., тиражом 50000 экз.) и выпущенный в 1953 г. учеб-

ник П.В. Макарова "Основы цитологии" (50000 экз.). Школьникам мичуринская наука на протяжении двадцати лет давалась в учебниках "Основы дарвинизма" разных авторов (М.М. Мельников, Е.А. Веселов и др.).

Превращение советской биологии в один из плацдармов политической борьбы вызвало противопоставление ее зарубежной буржуазной науке. Это также привело к ряду крайне вредных последствий, связанных, однако, и с более общими причинами. Разгром фашистской Германии в Великой Отечественной войне естественно привел к углублению самосознания, самоуважения, к законному росту гордости советских людей за свою державу. Однако та же причина подчас обостряла извращенные формы этих высоких чувств: презрение к иностранцам, антисемитизм, стремление во всем утверждать национальный приоритет. Борьба с "преклонением перед иностранщиной" требовалась еще и для нейтрализации тех впечатлений, которые миллионы советских людей, занесенных войной за рубеж, получили в капиталистических странах. Все это нашло свое отражение и на научном поприще.

Какие формы принимало вытравление "низкопоклонства перед иностранщиной", можно видеть из следующих примеров. Программы по курсу гистологии и эмбриологии для медицинских вузов, изданные Министерством здравоохранения СССР в 1951 и 1953 гг., начинаются фразой: *"Курс гистологии и эмбриологии основывается на самобытных исследованиях наших отечественных ученых ..."*. В программах приведены имена нескольких десятков ученых, среди них нет ни одного иностранного ученого, нет имени основателя клеточной теории Т. Шванна. Упомянуты лишь

Вейсман-Мендель-Морган, авторы реакционной идеалистической теории.

Академик М. Митин, философ, истинный мичуринец, всегда живший в полном единстве со средой и точно ее отражавший, опубликовал статью, громящую другого философа, Б. Кедрова (Литературная газета, 1949. 9 марта). Приведя цитату из Кедрова о том, что Менделеев боролся за интернациональность науки, Митин пишет: *"Эти рассуждения Б. Кедрова чудовищны и ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеют. Марксизм-ленинизм учит, что в классовом обществе нет и не может быть "единой мировой науки", нет и не может быть «единого мирового естествознания»"*. В книге Л.С. Сутулова (будущего ректора Рязанского медицинского института) "За творческое развитие гистологии" (1950) находим такие названия глав: "Против раболепия перед иностранными «авторитетами»", "За честь и независимость русской гистологии", "За большевистскую партийность в науке".

В январе 1948 г. я получил письмо от ученого секретаря Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР Л.В. Полежаева. В Трудах этого Института публиковалась моя научная статья. Полежаев просил меня пересмотреть список цитируемой литературы для изъятия из него части ссылок на зарубежных ученых, так как *"...соотношение работ (цитируемых. - В.А.) советских и зарубежных ученых не должно быть таким, чтобы это могло свидетельствовать о низкоклонстве перед иностранцами"*. Мне все же удалось отстоять список литературы, указав, в частности, в ответном письме, что *"...проведенное мною сопоставление собственных данных с данными других авторов никаких оснований для обвинения в низкоклонстве перед ино-*

странными учеными не дает". А вот профессора Г.В. Ясвина редакция одного журнала заставила исключить из своей статьи ссылку на собственную работу, ранее опубликованную в зарубежном издании. Это не отдельные эпизоды. В газете "Культура и жизнь" (21 авг. 1948 г.) И. Сизов и Т. Зарубайло поносят ряд журналов АН СССР за публикацию статей, где авторы-генетики *"раболепствуют перед реакционными буржуазными биологами"*. Так, в статье Б.Л. Астаурова даются ссылки на 87 авторов, из них 76 иностранцев, в статье Н.И. Шапиро на 71 автора - 53 иностранца, С.И. Алиханян ссылается на 63 иностранных авторов и всего лишь на 10 советских.

Борьба с космополитизмом широко разворачивалась по исследовательским институтам и вузам. В апреле 1949 г. в Институте экспериментальной медицины про водится специальное заседание Ученого совета, где на повестке дня один вопрос - "О борьбе с космополитизмом и задачи Института экспериментальной медицины". В эти годы непомерно возросли проявления эйфории в различных областях нашей общественной жизни и, конечно, в науке. В статье "Биология" во втором издании БСЭ (1950) академик Опарин пишет: "Победоносное строительство социализма в Советском Союзе обусловило небывалый расцвет советской науки, в том числе и Биологии" (т. 5, с. 203). В статье "Наука" из трехтомного Энциклопедического словаря (1954) читаем: "Эксплуататорские отжившие и умирающие классы мешают свободному развитию науки...", "Советская наука... самая передовая в мире" (с. 469).

Попытки утверждать приоритет русских и советских авторов без всяких на то оснований принимали уродливые формы. Приведу лишь два примера. Общеизвестно, что

создателем клеточной теории (1839) был немецкий физиолог и анатом Т. Шванн, широко использовавший работы немецкого ботаника М. Шлейдена. В 1946 г. с легкой руки Б.М. Козо-Полянского автором клеточной теории провозгласили П.Ф. Горянинова (1796-1865). Горянинов был широкообразованный врач-естествоиспытатель. Он написал более 80 работ по медицине, ботанике, зоологии, минералогии, однако эти работы к созданию клеточной теории никакого отношения не имели. И все же имя Горянинова как создателя или сосоздателя клеточной теории в течение ряда лет фигурировало в биологических учебниках, популярных брошюрах, в программах вузов и энциклопедических словарях. Так, П.В. Макаров (1951), широко эрудированный цитолог, прекрасно зная, что творит, просто писал: *"Так П.Ф. Горяниновым была создана клеточная теория"*. Это было выгодно. Другой пример - кариокинетическое деление клетки, открытие которого на растениях начали приписывать И.Д. Чистякову, на животных - П.И. Перемежко, часто даже без упоминания истинных первооткрывателей - немецкого ботаника Э. Страсбургера и немецкого зоолога В. Флемминга.

Из-за языкового барьера открытия русских и советских исследователей нередко остаются неизвестными зарубежным ученым и честь открытия приписывается иностранным авторам. В этих случаях восстанавливать приоритет наших исследователей вполне справедливо. Однако фальсификация истории открытия лишь дискредитировала нашу науку.

Мичуринская биология и павловская физиология в больших или меньших масштабах, с большей или меньшей принудительной силой насаждалась в молодых социалистических странах. И здесь преследовались морганисты-

менделисты, ломались планы исследовательских работ, в вузах и школах навязывалось преподавание мичуринской биологии. Переводились биологические учебники, написанные советскими мичуринцами, или издавались руководства, изготовленные на скорую руку собственными авторами.

В Чехословакии, на родине Грегора Менделя, внедряли лысенковскую генетику. В декабре 1952 г. в Либлицах, около Праги, состоялась конференция, посвященная не клеточным формам жизни. Конференцию открыл академик Малек, директор Центрального биологического института в Праге, речью о работах Лепешинской как о выдающихся достижениях передовой советской биологической науки. Затем последовала серия докладов чешских ученых, в которых подтверждались все самые дикие данные Лепешинской и ее сотрудников, а также данные Бошьяна, вплоть до образования клеток из кристаллов и превращения бактерии в дрожжевые клетки.

Не лучше обстояло дело и в Польше. Президент Польской Академии наук Ян Дембовский на первом заседании Президиума в 1952 г. в приветственной речи сказал, что польские ученые должны идти по стопам Лысенко и Лепешинской. Профессор Гаевский в статье о положении биологии в Польше писал:

"Лысенкоизм стал синонимом прогресса в науке, правильного применения диалектики и умелого сочетания научных исследований с практическим применением их в жизни. Одновременно те же печать, радио, учебники, научная и научно-популярная литература объявляли так называемую формальную генетику, развиваемую на Западе, синонимом

развития идеалистических принципов в атмосфере загнивающего капитализма, синонимом совершенно бесплодных научных изысканий, не имеющих никакого значения для практики. Генетикам «формальным» присваивались клички такого рода, как «лакеи Уолл-Стрита», ярлык «вейсманиста», «морганиста» или сторонника Менделя был синонимом научной отсталости". "Такого рода воззрения царили у нас безраздельно в течение последних шести лет" (Проблемы ботаники. 1956. Т.12. №10).

В 1952 г. Болгарская Академия наук избирает Лысенко своим почетным членом; в 1959 г. этим же званием удостоивает его Чехословацкая Академия сельскохозяйственных наук.

Несмотря на презрительное, враждебное отношение к буржуазной науке, и Лысенко, и Лепешинская, и Бошнян проявляли большую заботу о пропаганде своих идей и достижений не только в социалистических, но и в капиталистических странах. Книга Бошняна была переведена на польский, венгерский, французский языки. Книги Лепешинской издавались на румынском, польском, венгерском, чешском, немецком, английском, французском языках. Еще больше "космополитизированы" были труды Лысенко. Открытия лысенковцев докладывались на международных конгрессах и совещаниях. Особенно большую активность в этом отношении проявлял один из ближайших и наиболее невежественных сотрудников Лысенко И.Е. Глущенко. Его выступления за рубежом собирали огромную аудиторию, что он расценивал как интерес к достижениям советской биологии, о чем и сообщал в публикуемых им отчетах о зарубежных поездках. В действительности же причина была иная. Ее точно сформулировали шведские селекционеры Леван и Мюнцинг в журнале "Hereditas" (1951, т. 37). По

поводу доклада Глущенко на ботаническом конгрессе в Стокгольме в 1950 г. они писали: "...большинство слушателей, присутствовавших на этом заседании, пришло не столько в надежде узнать новые факты или теории, но чтобы лично повидать и услышать лиц, отрицающих самые элементарные факты науки о наследственности. Химики, отрицающие существование молекул и атомов, несомненно собрали бы столь же многочисленную аудиторию, если бы стали высказывать такие взгляды на Международном химическом конгрессе" (цит. по рукописи В.П. Эфроимсона "Компрометация науки вместо пропаганды мичуринского учения").

В 1936 и 1937 гг. Лепешинская опубликовала в широко читаемом японском журнале "Cytologia" на немецком языке две обширные статьи об образовании клеток из неклеточного живого вещества. В 1940 г. она прислала для публикации свою очередную статью на эту тему в "Архив анатомии, гистологии и эмбриологии". По настоянию проф. А.А. Заварзина статья была отклонена. Через некоторое время при встрече с Заварзиным она ему с возмущением заявила: "Это безобразие, мои статьи в японском журнале публикуют, а в своем отечественном журнале печатать отказываются". На это Заварзин спокойно ответил: "Мало ли что японцы делают, вот они диверсию на Халхин-Голе устроили". Заварзин был совершенно прав. Зарубежные издательства в антисоветских целях нередко пользовались таким приемом. Они переводили и публиковали без комментариев наиболее вздорные статьи и книги лысенковцев. В частности, в США в 1946 г. была издана книга Лысенко "Наследственность и ее изменчивость", журнал "Journal of Heredity" перевел знаменитую статью Студитского "Мухолобы-человеконенавистники", помещенную в "Огоньке" в

1949 г. В ней автор приравнял генетиков к кукуклуксклановцам и сопроводил ее соответствующими издевательскими рисунками, которые также были аккуратно воспроизведены американским научным журналом.

Лысенковцы хотели использовать мичуринскую биологию как орудие политической борьбы, в действительности же она создала новый аспект нашей действительности, чрезвычайно уязвимой для зарубежной критики. В капиталистических странах появилась обширная антисоветская литература, целиком построенная на использовании того, что творилось в нашей биологии. В 1951 г. в США вышла книга известного генетика и историка биологии Зеркла (с. Zirkle) под названием "Смерть науки в Советском Союзе по материалам газеты «Правда» и другим официальным источникам". Много из этой литературы попадало в зарубежные научные журналы. Чтобы не будоражить советского читателя, номера таких журналов изымались или приходили в изуродованном виде с вырезанными компрометирующими статьями и с вымаранными их названиями в оглавлениях.

Можно подвести некоторые итоги тем потерям, которые понесли наша наука и страна в результате насильственного насаждения в биологии чуждых ей догм и учреждения диктаторских режимов в важнейших ее разделах.

1. Нанесен огромный материальный ущерб сельскому хозяйству принудительным внедрением убыточных мероприятий и одновременным противодействием применению эффективных методов. Задержано развитие ряда разделов медицины.

2. Высоквалифицированные и честные специалисты заменялись кадрами, подобранными по принципу безоговорочной преданности канонизированным учениям и их лидерам. Этот же показатель использовали при продвижении по службе, при наделении степенями и званиями, при избрании в Академию.

3. Потеряны время и средства на выполнение бессмысленных исследований и прекращены работы, представляющие научную и практическую ценность.

4. При преподавании в школах и вузах биологических дисциплин утаивались истинные достижения науки и подменялись лженаучными догмами и искаженными фактами.

Советская наука дискредитировалась в глазах зарубежных ученых. Некоторые ученые-коммунисты в капиталистических странах после трех сессий вышли из партии. Среди них будущий нобелевский лауреат французский биохимик Ж. Моно и выдающийся английский генетик и редактор коммунистической газеты "Daily Worker" Дж. Холдейн. Лауреат Нобелевской премии физиолог Генри Дейл отказался от звания почетного члена АН СССР. В своем письме президенту АН СССР С.И. Вавилову, которое советский ученый не может читать без чувства стыда, Дейл, в частности, писал:

"С тех пор как Галилей угрозами был принужден к своему историческому отречению, было много попыток подавить или исказить научную истину в интересах той или иной чуждой науке веры, но ни одна из этих попыток не имела длительного успеха... Считая, г. Президент, что Вы и Ваши коллеги действуете под аналогичным принуждением, я

могу лишь выразить Вам свое сочувствие" (Британский союзник, 1948. №50, 12 декабря. с. 4).

Самые грозные, самые разрушительные последствия трех сессий были связаны с насилием над психикой людей. Об этом следует сказать подробнее. Сталинская диктатура ставила перед советскими гражданами трудные психологические проблемы независимо от их профессиональной принадлежности. Состояние же биологов усугублялось специфическим положением, создавшимся в этой науке. Несогласие с направлениями, официально утвержденными в качестве методологически единственно правильных, расценивалось как политическая оппозиция и влекло за собой как минимум увольнение с работы. Человек, в прошлом высказывавший устно или письменно идеи, противоречащие мичуринской биологии или павловскому учению, должен был признать свои ошибки и отречься от того, что раньше считал истинным. Если ученый занимал высокий пост, то такое раскаяние, как правило, не помогало и с поста его снимали. Характер возмездия за былые грехи частично зависел от местных обстоятельств и от окружающей человеческой среды. В одних институтах бывшего "менделиста-морганиста" увольняли, в других ограничивались выведением из состава Ученого совета, но иногда доносами и клеветой формировали из него "врага народа", в дальнейшем бесследно исчезавшего.

Результаты исследований, противоречащие мичуринской биологии, опубликовать было невозможно; кроме того, они могли принести автору крупные неприятности. Получение же подтверждающих данных укрепляло положение автора и способствовало его карьере. В такой ситуации люди вели себя по-разному. Была предоставлена широкая возмож-

ность и для проявления героизма, и для реализации наиболее отвратительных человеческих качеств.

При оценке поведения людей нужно учитывать ряд обстоятельств. Находившиеся на скромных, малозаметных должностях привлекали к себе меньше внимания и испытывали меньший гнет, чем занимавшие более видное положение в научном мире. С членов партии был больший спрос, чем с беспартийных. Перед членом партии, причисленным к морганистам, ставился выбор: публично отказаться от истинной науки или лишиться партийного билета. Мне известен лишь один случай, когда ученый, решая эту трудную дилемму, пошел на сдачу партийного билета. Этим ученым был И.А. Рапопорт, ныне член-корреспондент АН СССР.

Человек, обремененный семейством, находящимся на его иждивении, или несший ответственность за судьбу руководимого им коллектива, был в большей мере стеснен в выборе линии своего поведения, чем не связанный серьезными обязательствами по отношению к другим людям. Учитывая все эти обстоятельства, необходимо все же признать, что в том, как биолог прошел испытания этих трудных лет, решающее значение имела его моральная структура. Одни не шли ни на какие уступки новым течениям, другие использовали сложившуюся ситуацию для захвата руководящих постов в научных и околонаучных учреждениях, для расправы со своими противниками, для материального обогащения. Между этими крайними позициями можно было наблюдать все промежуточные градации поведения.

Лысенковская биология поставила грандиозный эксперимент по социальной психологии, подлежащий серьезному изучению. Эксперимент выявлял пределы прочности мо-

ральных устоев у разных людей. Он давал людям материал для самопознания, которого лишены живущие в нормальной обстановке. Ведь нормальная обстановка позволяет человеку до конца жизни сохранить благопристойность своего поведения и остаться в неведении о хрупкости основ, на которых эта благопристойность зиждется. Лысенковский стресс проявил потенциальные возможности человеческих реакций и отношений, которые в скрытом виде существуют, подспудно действуя, и в условиях нормальной жизни. Движущими силами поведения в создавшихся условиях были для одних страх лишиться того, чем обладают, для других - стремление добыть то, чего у них еще нет. Чаще действовали оба фактора.

Принятие догм мичуринской лженауки облегчалось невежеством, и оно могло служить смягчающим обстоятельством. Так, например, если академику ВАСХНИЛ И.Е. Глущенко, одному из наиболее деятельных помощников Лысенко, можно кое-что простить, учитывая его дремучее биологическое неведение, то никакого оправдания не могло быть для Н.И. Нуждина, хорошо эрудированного генетика, работавшего в Институте генетики АН СССР под началом Н.И. Вавилова. За верную службу Лысенко и за предательство науки он получил в 1953 г. звание члена-корреспондента АН СССР, а в 1964 г. чуть не стал академиком АН СССР: Отделение общей биологии избрало его на место, специально выделенное для него по указанию Н.С. Хрущева. Однако при утверждении на заседании общего собрания Академии, благодаря протестам академиков В.А. Энгельгардта, И.Е. Тамма и А.Д. Сахарова, несмотря на заступничество Лысенко, он был провален. Этот эпизод вызвал сильный гнев Хрущева в адрес Академии и несо-

мненно стимулировал его предложение вообще ликвидировать Академию как пережиток царизма.

Одной из наиболее аморальных фигур был профессор П.В. Макаров, высококвалифицированный цитолог, ученик Д.Н. Насонова, ставший рьяным пропагандистом мичуринской биологии и в особенности достижений Лепешинской. Он подписал незадолго до августовской сессии статью тринадцати авторов в "Медицинский работник" с уничтожающей критикой Лепешинской, но после августовской сессии переродился, стал автором позорного учебника для вузов "Общая цитология" (1953) и соавтором двух изданий основного мичуринского учебника "Общая биология" (1950 и 1956), многие годы отравлявших сознание молодых биологов. Макаров вплоть до 1954 г. выпускал одну за другой популярные брошюры и статьи, где клеймил истинную науку и воспевал достижения Лепешинской и Лысенко. За эти заслуги он получил член-коррство в АМН СССР (1950) и загребал большие деньги своей литературной деятельностью. Однако, почувствовав надвигающийся крах аферы Лепешинской, он одним из первых опубликовал разоблачающую ее работу. Об этом будет сказано дальше.

К сожалению, немало было вполне грамотных людей - академиков, членов-корреспондентов, профессоров, докторов наук, которые шли в той или иной мере на отказ от своих убеждений и на признание канонов мичуринской биологии. В этих случаях требовалось заключить сделку с собственной совестью, но, судя по всему, многие были лишены этой обузы. Часть ученых ограничилась произнесением стандартных фраз во здравие мичуринской биологии и ее вождей - Лысенко и Лепешинской, не отрекаясь при этом от собственных идей и работ и не связывая себя никакими

обязательствами. Другие строчили научные труды с изложением фантастических данных, по неведению или сознательно идя на фальсификацию, и все это попадало в научную печать, а затем в популярные издания. Один из многих документированных примеров подлога: доцент К.Я. Авотин-Павлов в журнале "Агробиология" (1952. №5) описал порождение ели сосной в Олайне, под Ригой. Вместе с тем ему заведомо были известны показания лесника Вайвада, что здесь имела место просто прививка. Об этом свидетельствует его же, Авотина-Павлова, статья, напечатанная за год до этого в журнале "Лесное хозяйство" (1951. №11) под названием "Самопрививка ели к сосне" с изложением того же факта (название второй статьи - "Порождение ели сосной").

Помимо подтасовки экспериментальных данных, широкое распространение приобрело заведомо целенаправленное искажение текста цитируемых авторов. Этот прием использовался не только в споре с противником. Например, академик ВАСХНИЛ Л.К. Гребень, редактируя избранные сочинения известного животновода М.Ф. Иванова, в предисловии к изданию 1949 г. загримировал своего учителя, скончавшегося в 1935 г., под лысенковца, хотя он при выведении новых пород свиней и овец исходил из законов классической генетики. Для этого Гребень в издании 1949 г. выпускает некоторые неудобные места из работ Иванова, заменяя их точками, употребляемые Ивановым генетические термины иезуитски истолковывает в духе мичуринской биологии и приписывает ему совершенно чуждые мысли и суждения. Подробно исследуя редакторскую деятельность Гребня, А.А. Любищев в своей рукописи "О монополии Т.Д. Лысенко в биологии" пишет: *"Я привел так много цитат из сочинений М.Ф. Иванова не только*

для того, чтобы доказать с безусловной достоверностью, что М.Ф. Иванов не имел решительно никакого отношения к так называемому «советскому творческому дарвинизму» в понимании Лысенко, но и для того, чтобы показать, к каким беззастенчивым методам фальсификации прибегают лысенковцы, чтобы записать в свой актив не принадлежащее им научное наследство".

Три сессии всесоюзного масштаба порождали микросессии в каждом исследовательском институте, в каждом вузе, имевшем отношение к биологии, сельскому хозяйству или медицине. На них пересматривалась деятельность собственных учреждений в свете мичуринско-павловского учения. По образу и подобию больших сессий микросессии начинались выступлениями ораторов, излагавших достижения передовой советской биологии, затем следовали прения, цель которых была выявить формальных генетиков, противников происхождения клеток из живого вещества, отступников от павловского учения. При этом предоставлялась широкая возможность продемонстрировать свою приверженность передовой науке, раскаяться в своих грехах, укрепить свое политическое положение, набросившись с руганью на поверженных, удобно было использовать сессию и для сведения старых счетов с недругами. И на таких собраниях, так же как на больших сессиях, ничего похожего на научные диспуты не было, дело сводилось к выяснению соответствия высказанных идей и выводов догмам лидеров науки и текстам классиков марксизма-ленинизма. "Свободные дискуссии" на микросессиях нередко заканчивались снятием с работы неугодных и ликвидацией целых лабораторий. В подобной обстановке также ярко выявлялось многообразие морального облика людей.

Создавшаяся в биологии атмосфера грубого насилия и беспросветной лжи тяжелее всего сказалась на лучших людях. Страдали больше всего те, кто, обладая высокой нравственностью, чувством долга и тревожащей совестью, все же вынуждены были писать или произносить слова, антинаучная и вредоносная сущность которых была для них очевидна. Когда человек идет на физические страдания ради блага или спасения своих ближних, его поступок расценивается как акт самопожертвования, как высокий образец морального поведения. Но ведь иногда достичь таких же благородных целей можно лишь за счет отказа от своих убеждений, и честный человек, идущий на это, обрекает себя на моральные муки. Субъективно такой поступок может требовать не меньшего мужества и самоотречения. Однако он имеет совершенно иное общественное звучание, так как объективно аморален. Идущего на это можно и понять и простить, но подобный поступок не может служить примером поведения, так как аналогичные поступки совершаются и из самых низменных, шкурных побуждений людьми с молчащей совестью. Хотя человеческая психика легко залечивает уколы совести, у людей высокого морального склада до конца жизни оставались в душе незаживающей язвой последствия вынужденного отступничества. Те же, кто, несмотря ни на что, сохранил верность своим принципам, должны были дорого за это заплатить.

Пережитое за эти годы укоротило жизнь многим выдающимся биологам. Преждевременно ушли из жизни Н.К. Кольцов, Д.Н. Насонов, Л.А. Орбели и др.; Д.А. Сабинин покончил с собой. Чувство боли и глубокой обиды вызывала мысль о том, что советская биология в 20-х и 30-х годах в ряде разделов, в частности в генетике, цитологии, эволюционном учении, несомненно занимала одно

из ведущих мест в мировой науке. А ведь одновременно с разрушением биологии в нашей стране физики, химики, техники на самом высоком уровне вели работы по овладению атомной энергией и по проникновению человека в космос. И все же среди уцелевших под обломками рухнувшей биологии нашлись ученые, которые, используя любую возможность в трудной, мужественной борьбе в конце концов очистили нашу науку от лысенковского наваждения.

В ПОИСКАХ РАБОТЫ

В предыдущей части своих записок я стремился кратко описать основные события, приведшие к разгрому советской биологии и утвердившие гегемонию Лысенко, Лепешинской и Быкова в разных ее областях. При этом своим личным делам я почти не уделял внимания. В этой части записок я хочу рассказать о своей участи, поскольку она отражает тяжкий дух того времени и условия, в которых приходилось многим бороться за право заниматься наукой.

С начала 30-х годов, после окончания биологического отделения Ленинградского университета я со своим учителем Дмитрием Николаевичем Насоновым изучал реакции клеток на действие повреждающих агентов. Мы обнаружили, что разнообразные по своей природе повреждающие воздействия вызывают в клетках весьма сходные изменения. Мы их назвали паранекротическими. Однако эти сходные неспецифические признаки разных повреждений сочетаются со специфическими, характерными для действия каждого данного агента. По нашим данным, в основе ответа клеток на повреждение лежат так называемые денатурационные изменения клеточных белков. По ходу исследования мы разработали простые методы, позволяющие отличать

здоровые клетки от поврежденных и погибших. Наши методы с успехом применялись многими исследователями для решения важных задач практической медицины. Эти исследования велись нами в нескольких учреждениях, основные - в Отделе общей морфологии Всесоюзного института экспериментальной медицины (ВИЭМ). Этот отдел организовал в 1932 г. наш крупнейший гистолог А.А. Заварзин. Отдел представлял собою мощный научный центр советской цитологии, гистологии и эмбриологии. В его состав входила лаборатория физиологии клетки, возглавляемая Насоновым, я был в ней старшим научным сотрудником. Исследования нашего направления велись также Насоновым и его сотрудниками в Ленинградском университете и мною в Государственном рентгенологическом, радиологическом и раковом институте, где я работал по совместительству. В то время мизерная зарплата научных работников заставляла многих ученых служить в нескольких учреждениях.

В 1940 г. нами была опубликована монография "Реакция живого вещества на внешние воздействия". В ней мы, подытожив работы собственной школы и мировой литературы, сформулировали теорию паранекроза и денатурационную теорию повреждения клеток.

Когда фашистская Германия обрушила на нашу страну свою военную мощь, мы с Насоновым вступили добровольцами в ряды Красной Армии. После некоторых перемещений мне удалось получить назначение фельдшером в санитарный взвод медсанбата 13-й стрелковой дивизии, оборонявшей Пулковские высоты, - самый близкий подход немцев к Ленинграду. Командиром этого взвода был Насонов (так и на фронте мы сохранили расстановку сил

мирного времени). У Насонова в походном мешке хранился журнал с протоколами наших последних предвоенных опытов, и мы говорили, что в любой момент можем сменить винтовку на перо. Летом 1942 г. Насонов был ранен, и я стал командиром взвода. В октябре 1942 г. в связи с распоряжением о снятии докторов наук и профессоров с линии огня нас отозвали в Москву, затем демобилизовали, так как мы были биологами, а не медиками.

В сентябре 1943 г. нам опять удалось соединиться для совместной работы в Москве в Институте цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР. Директором его был Г.К. Хрущов. В этом же году наша книга была удостоена Сталинской премии, что составляло 100 000 рублей (10 000 на современные деньги). Половину мы отдали в фонд обороны страны. Каждому досталось по 25 тысяч, и каждый на эти деньги мог приобрести на рынке 25 кг масла - целое состояние по тому времени. Кроме того, лауреатам полагался особый, более сытный паек. Но дело было не только в материальных благах. В то время лауреатов было еще очень мало, и поэтому звание лауреата было весьма престижно.

Кончилась война. В Ленинград возвращались из армии и из эвакуации сотрудники Отдела общей морфологии ВИЭМ и энергично брались за возобновление исследований, прерванных войной. К нашему большому горю, академик А.А. Заварзин в июле 1945 г. скончался. Руководителем Отдела стал Насонов, а в июне 1948 г. он занял и пост директора ВИЭМ. Я же возглавил в Отделе лабораторию цитологии и, кроме того, вернулся в Рентгеновский институт, где заведовал лабораторией экспериментальной гистологии. Развернулась напряженная работа, ведь столько времени было потеряно!

После фронта и эвакуации, после разгрома фашистских орд возвращение к науке было большим благом, она отвлекала от душевной боли по близким, унесенным войной. Битва же, которая разгоралась на биологическом фронте в связи со стремлением Лысенко завоевать монопольное положение для своей лжемичуринской лженауки, еще не касалась цитологии, гистологии, эмбриологии и не нарушала нашу работу. Мы уцелели даже после августовской сессии 1948 г., уничтожившей генетику и непосредственно связанные с ней разделы биологии, в том числе цитогенетику. Уцелели, но не надолго.

Августовская сессия открыла путь для возведения в корифеи цитологии О.Б. Лепешинской, и после майского совместного совещания Отделения биологических наук АН СССР и АМН СССР в 1950 г. была утверждена монополия ее "учения" о порождении клеток бесструктурным живым веществом. Одновременно Лепешинской предоставили возможность учинить расправу над своими критиками в случае их отказа прийти к ней с повинной. Эту возможность, как описано было в первой части записок, Лепешинская широко использовала, и за нежелание Насонова и мое безоговорочно признать истинность ее открытий Отдел общей морфологии ВИЭМ был ликвидирован с 1 сентября 1950 г. Я остался без работы и без зарплаты. До этого в 1949 г. в порядке "борьбы с космополитизмом" меня отчислили из Рентгеновского института, но эта акция не имела отношения к тому, что творилось в биологии, она отражала мероприятия более общего характера.

В первые же дни после моего снятия с работы я получил предложение от одного деятеля написать за хорошую мзду литературный обзор к его докторской диссертации. Опыт

Сонечки Мармеладовой меня не вдохновлял, и я отказался, возможно потому, что совершенно не представлял, какие тернии ждут меня на пути к трудоустройству. Дело в том, что единственный грех (кроме национальной принадлежности), который за мной числился, - это "плохие отношения" с Лепешинской. Никаких претензий в отношении моей исследовательской деятельности никто из власть предержащих мне не предъявлял, и при отчислении из института я получил за подписью нового директора ВИЭМ Д.А. Бирюкова, сменившего на этом посту Насонова, и председателя месткома С.А. Нейфаха отличную характеристику. Однако вскоре над нами нависла новая угроза.

В первом разделе я уже писал, что вслед за тремя генеральными сессиями - лысенковской (1948), лепешинковской и быковской * (1950) пошли в ход микросессии, организуемые отдельными вузами и институтами биологического, сельскохозяйственного и медицинского профиля для самоочищения от идеологической скверны в огне критики и самокритики. Через некоторое время после ликвидации Отдела общей морфологии ВИЭМ нам стало известно, что подобное мероприятие собираются провести 9-14 декабря 1950 г. в Физиологическом институте им. А.А. Ухтомского при Ленинградском университете.

* Научную сессию, посвященную проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова", проведенную в июне 1950 г. Отделением биологии АН СССР совместно с АМН СССР, не следует называть "Павловской". Чтобы не осквернять имени великого ученого, ее следует правильнее именовать "быковской сессией".

Этот небольшой институт был создан на базе школы Н.Е. Введенского и А.А. Ухтомского, развивавшей учение о парабиозе, трактующее о сходной смене функциональных фаз при реакции возбудимых тканей на действие разномоб-

разных раздражителей. Учение Введенского-Ухтомского было принято в лоно павловской физиологии. В его составе находилась лаборатория гистофизиологии, руководимая Д.Н. Насоновым. Далее мы узнали, что на этом сборище готовится разгром созданной Насоновым и мной теории паранекроза и денатурационной теории повреждения с объявлением их идеалистическими и методологически порочными. Если бы это удалось, то мои попытки получить место в каком-либо научном институте или учебном заведении были бы совершенно безнадежными. Поэтому я с большой тревогой ждал конференции. Хотя я не имел отношения к этому институту и вообще был свободным человеком, так как шел четвертый месяц моей безработицы, все же счел необходимым принять участие в конференции, чтобы попытаться защитить наше учение от предания его идеологической, а может быть и политической анафеме.

Стенографический отчет конференции помещен в №6 "Вестника Ленинградского университета" за 1951 год. *"Цель конференции заключалась в критическом рассмотрении теоретических основ научных исследований, ведущихся в Институте под углом зрения решений сессии Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова"* (с. 3). Вводные доклады сделали бывший директор Института М.И. Виноградов и директор Н.В. Голиков. Доклады были насыщены методологической критикой сотрудников Института с обвинениями разной увесистости. В докладе Виноградова больше всего разносу подверглась наша теория паранекроза. Это явно было рентабельно, так как незадолго до этого Д.Н. Насонов был снят с поста директора ВИЭМ, руководимые им Отдел общей морфологии ВИЭМ и кафедра общей и сравнительной гис-

тологии в ЛГУ были ликвидированы, грехи его по отношению к Лепешинской не были отпущены.

Виноградов прежде всего ополчился против широко признававшегося до тех пор физиологами, в том числе и им самим, идейного родства учения о паранекрозе с учением Введенского-Ухтомского о парабиозе. Далее он объявил, что *"монография его (Насонова. -В.А.) и Александрова не оставляет сомнения в том, что истинными отцами «паранекроза» были И. Мюллер, Ферворн, Бетэ и что именно их взгляды - взгляды физиологических идеалистов - наложили решающий отпечаток на концепцию Д.Н. Насонова и оказались перенесенными на советскую почву"* (с. 21). Нагромоздив еще ряд обвинений в адрес нашей концепции по методу спора с выдуманным дураком, Виноградов заключает: *"Теория «паранекроза» несовместима с нашими представлениями о характере и направлении жизненного процесса, она несовместима с учением Введенского, а через него - и с учением Павлова. Марксистская наука не может мириться с подобными «теориями»"* (с. 24). Это была многообещающая записка.

На заседаниях конференции маленького института присутствовало в среднем 500 человек, на отдельных заседаниях свыше 700, выступило в прениях 39 человек. Из них семеро не упустили возможность продемонстрировать свою преданность передовой науке, набросившись с бранью на паранекроз, в их числе - К.М. Быков, И.И. Презент, Б.П. Токин, С.И. Гальперин, К.М. Завадский, П.В. Макаров, А.Н. Трифонова. Большинство из них никакого отношения к Институту и к данному разделу биологии не имели. На разные лады, с разными добавлениями пережевывалось об-

винение в физиологическом идеализме, чуждости учению Введенского-Ухтомского, часто с расчетом на убой.

Иллюстрирую это несколькими цитатами.

Профессор Токин: *"...я не могу понять ряд положений, высказанных профессором Д.Н. Насоновым и его учениками, которые, как мнедумается, имеют огромное отрицательное значение для медицины, для различных отраслей практики"* (с. 95). А вот с иезуитским вывертом: *"Я не хочу предъявлять упрека в том, что Д.Н. Насонов до сессии ВАСХНИЛ в своих работах (тем более в 1940 г.) не ссылался совершенно на мичуринское учение, хотя это, конечно, решающий недостаток в его работе"* (с. 100). Обращаясь к Насонову, Токин возглашает: *"...Вы занимаете позицию антипавловскую, антимичуринскую. У Вас не биологическая теория, а физико-химические «рожки да ножки»"* (с. 101). Это было второе публичное выступление Токина с бранью в адрес нашей теории паранекроза. Первое он учинил в июне этого же года на конференции в ВИЭМ (об этом было сказано выше), когда каялся в своих грехах, совершенных по отношению к Лепешинской. Удивительно, что его при этом нисколько не смущало то, что всего двумя годами раньше в своей книге "Фитонциды" (М., 1948) он писал: *"Теория «паранекроза» (Д. Насонов) является весьма серьезным шагом к объяснению явлений повреждения. По-видимому, схвачено самое существенное в реакции живого вещества, его белкового компонента на внешние воздействия. Дается возможность перейти на следующую ступень изучения «живого вещества» клетки, без совершенно неоправданного наукой разрыва между структурой клетки и химией"* (с. 46).

Академик ВАСХНИЛ Презент: "Концепция морганизма по своим методологическим установкам несомненно родственна концепции паранекроза... Таким образом, теория паранекроза проф. Д.Н. Насонова является ошибочной в своих корнях и в своих выводах" (с. 116).

Профессор Гальперин: *"Прав проф. П.В. Макаров (ученик Насонова. - В.А.), который сказал, что авторы (Насонов и Александров. - В.А.) исходят из идейных предпосылок и разделяют взгляды Мюллера и Ферворна. Даже термин «паранекроз» заимствован у Мюллера и Ферворна"* (с. 123).

Чтобы стало яснее, как сооружалась подобная критика, сделаю некоторые пояснения. В.И. Ленин причислял к физиологическому идеализму философские взгляды И. Мюллера и М. Ферворна, которые склонны были считать, что наши ощущения не являются образами объективной реальности. В основе такого вывода лежали опыты, показывавшие, якобы, что каждый орган отвечает совершенно сходно, монотонно на разные воздействия характерным, присущим ему образом. Как было сказано выше, наши исследования показали, что действительно разные вредоносные агенты вызывают в клетках ряд сходных паранекротических изменений, но при этом каждый данный агент вносит в реакцию клетки свойственные ему специфические черты. Этому сосуществованию специфических и неспецифических черт была посвящена заключительная глава нашей книги и моя докторская диссертация, называвшаяся "Специфическое и неспецифическое в реакции клетки на повреждающие воздействия" (1940).

Признание сосуществования специфических и неспецифических черт в реакциях клеток на внешние воздействия со-

вершено несовместимо со взглядами "физиологических идеалистов". Упорные попытки ряда лиц, вопреки очевидности, навязать нам этот ярлык свидетельствуют лишь об их полной аморальности, об их стремлении нажать политический капитал руганью опальных.

Не менее бесчестным было стремление противопоставить как чуждые друг другу учения о парабиозе Введенского-Ухтомского и наше учение о паранекрозе, зародившееся уже после смерти Н.Е. Введенского. А.А. Ухтомский с большим сочувствием и вниманием относился к нашим работам, и именно он подсказал Насонову термин "паранекроз", считая наблюдаемые нами структурные изменения клеток при воздействии раздражителей эквивалентами физиологических изменений, выявляющихся при парабиозе. Таким образом, заявление Гальперина, что термин "паранекроз" заимствован нами у Мюллера и Ферворна, было злонамеренной ложью, этот термин до наших работ вообще не существовал. Идейное родство наших работ с работами школы Введенского-Ухтомского доказывает дарственная надпись, которую Ухтомский сделал на одной из подаренных мне книг: *"Глубокоуважаемому и дорогому Владимиру Яковлевичу Александрову на добрую память и для укрепления того единомыслия, на которое нас наталкивали до сих пор наши искания в совершенно различных областях явлений жизни. А. Ухтомский. Апрель 1939 г."*. Трудно сказать, в какой мере "лысенковский стресс" выявлял предсуществующие в скрытом виде черты нравственного уродства в душах людей и в какой мере он формировал их заново *.

*Этот вопрос относится к важнейшей проблеме - роли наследственности и среды в формировании нравственной структуры человека.

Небольшое отступление. Историки, публицисты, писатели уделяют немало, хотя и недостаточно внимания описанию чудовищных преступлений сталинского периода. Однако освещаются они односторонне. Пишут о без вины казненных, замученных на допросах, в тюрьмах, в лагерях, об изломанных судьбах людей, на десятилетия вырванных из жизни, о "кулаках" и целых нациях, изгнанных из родных мест с лишением имущества и т.д. Но объектами злодеяний сталинского режима были не только репрессированные, не только "враги народа". Ужас был в том, что сталинская адская машина заставляла миллионы людей соучаствовать в ее преступлениях. Сохраняя жизнь и материальное благополучие (иногда до поры до времени), она умерщвляла их души. Она заставляла массы честных людей единогласно требовать расстрела невинных, она создавала бесчисленные кадры штатных доносчиков (сексоты), следователей, прокуроров, судей, членов "троек", придававших видимость законности преступным приговорам, кадры, обеспечивавшие исполнение приговоров, начиная от конвойных и кончая палачами.

Сколько людей прошли школу расправы с "кулаками" и их семьями, с выселяемыми народами. Скольких преподавателей вузов на экзаменах заставляли, фальсифицируя результаты опроса, проваливать абитуриентов, фамилии которых в списках были отмечены галочками. Побуждали и принуждали миллионы людей совершать преступления от подлога до убийства, изламывая от природы нормальные души. Рабочий завода, посланный в деревню для выявления и изгнания "кулаков", возвращался другим человеком. В кого превращался комсомолец, направленный на работу в ОГПУ, в НКВД. В "Архипелаге Гулаг" и в ряде мемуаров мы читаем, как следователь пытками заставлял человека давать

ложные показания о преступлениях, якобы совершенных им самим и его друзьями.

А где прочесть, как обычного человека превратили в следователя-убийцу? Ведь многие из них, будь иное, до конца своей жизни могли остаться вполне порядочными людьми. Величайшее зло, порожденное сталинщиной, не только в том, что она лишила нашу страну миллионов полноценных, нужных и многих тысяч талантливых граждан, но и в том, что в стране формировались миллионы людей с подорванной нравственностью, с заглушенной совестью. Они стали матрицей, передававшей свою душевную ущербность следующим поколениям. Этот мутный поток дошел и до нас, и он в большой мере определяет крайне низкий моральный уровень современного общества со всеми вытекающими из этого последствиями в духовной и материальной жизни нашей страны.

...И все же попытка раздавить паранекроз не удалась. Тому было несколько причин. По-видимому, выступления Насонова и мое против клеветников были построены правильно. В нашу защиту открыто выступили ученики Насонова - Б.П. Ушаков, А.В. Жирмунский, С.Н. Романов и представители медицины, в контакте с которыми мы вели практически важные исследования - профессор Р.А. Засосов, доценты А.Л. Стуккей, Н.И. Григорьева и несколько других товарищей. (Характерная деталь: в номере "Вестника ЛГУ", посвященном сессии, были полностью приведены стенограммы двадцати четырех выступавших в прениях, в том числе выступление Насонова и мое и всех наших противников. Остальные 15 выступлений даны в очень кратких изложениях, в число их попали все девять выступлений в защиту паранекроза.)

Решающее же значение имело следующее обстоятельство. Отделом науки Ленинградского горкома партии в то время ведала Е.Д. Антошкина, по специальности физиолог. Несмотря на то что творилось в биологии, она сохранила честное и трезвое отношение к делу. У нас, благодаря доценту О.А. Сидорову был канал связи с ней, и каждый вечер после заседания мы с Сидоровым информировали ее о том, что происходило на сессии. Антошкина поняла нечистоплотность и беспочвенность травли Насонова группой участников сессии, и Ученый совет биолого-почвенного факультета ЛГУ, при котором существовал Физиологический институт им. Ухтомского, не пошел на сокрушение паранекроза, так как на это горком санкции не дал.

В своем решении по итогам конференции Ученый совет вынужден был ограничиться в отношении Насонова указанием на его *"крупные методологические ошибки"* без каких-либо организационных выводов. При перечислении *"методологических ошибок"* уже не фигурировало утверждение, что учение о паранекрозе исходит из физиологического идеализма Мюллера и Ферворна. Вместо этого было сказано, что Насонов *"исходил не из принципов Мичурина-Павлова, а поэтому в своей теории паранекроза допустил ряд ошибок..."* (с. 174-175). Этот пинок был полегче. Объяснить теорию паранекроза и денатурационную теорию повреждения идеалистическими и методологически порочными не удалось. Это, в частности, уразумел ученик Насонова П.В. Макаров и сделал свои выводы, приведшие к конфузу. Выступая, он предал своего учителя и сказал, что истоком паранекроза является физиологический идеализм Мюллера-Ферворна. Мы видели в опубликованной стенограмме выступления Гальперина ссылку на это заявление Макарова. В стенограмме заключительного слова

М.И. Виноградова читаем: *"Корни теории паранекроза в любом ее выражении не в Н.Е. Введенском, а в Мюллере и в Ферворне. Об этом говорили справедливо Б.П. Токин, И.И. Презент, С.И. Гальперин, К.М. Завадский и П.В. Макаров ..."* (с. 169). А Макаров, видя, что разгром паранекроза не получается, "исправил" стенограмму своего выступления. В отредактированном им тексте читаем: *"Несколько слов об истоках паранекроза. У нас в лаборатории всегда считалось, что истоком его является учение Введенского. В заключение считаю необходимым решительно возразить против обвинения Д.Н. Насонова и направления его исследований в идеализме"* (с. 120). Вот так подвел Макаров и Виноградова, и Гальперина. Вот какую гибкость проявляли в то время некоторые деятели науки.

Шум конференции физиологического института им. А.А. Ухтомского не вызвал сколько-нибудь существенного резонанса, и наше направление избежало обвинения в методологической порочности. Для меня это было крайне важно и вселяло надежду на скорое окончание безработного положения. Моя безработица была, я бы сказал, односторонней. Дело в том, что ликвидация нашего отдела застала меня в разгар очень интересных, с моей точки зрения, исследований по клеточным основам приспособления животных к температуре среды. Поэтому сразу после случившегося я, с помощью друзей, организовал лабораторию на дому и смог продолжать работу. Не хватало лишь малого - зарплаты. Такое положение меня явно не устраивало, и пришлось сразу же заняться трудоустройством.

Еще одно небольшое отступление. В то время я ничего не знал об одном эпизоде, который мог бы меня избавить от необходимости поисков работы. Дело в том, что в сталин-

ские годы одной из распространенных форм человеческой деятельности было писание политических доносов. Писались они и по принуждению со стороны разных инстанций, и в порядке собственной инициативы для устранения личных врагов или идейных противников, писались доносы на людей, занимающих соблазнительные посты, с целью сесть на их место, на соседа по квартире, чтобы заполучить его комнату, и т.д.

И вот в конце 50-х годов совершенно случайно мне стал известен текст политического доноса, датированный 15 февраля 1950 г., посвященный Д.Н. Насонову, Ю.И. Полянскому, Е.М. Хейсину и мне. Автор доноса - профессор Т.В. Виноградова. Перед августовской сессией 1948 г. она работала на кафедре зоологии Ветеринарного института. После сессии среди очень многих прочих кафедр была разгромлена кафедра общей биологии и зоологии Педагогического института им. Герцена в Ленинграде. Изгнаны были заведующий кафедрой Ю.И. Полянский, профессора Е.М. Хейсин и А.А. Стрелков. На заведование кафедрой назначили Виноградову, которая из-за своей бесцеремонности и бестактности натолкнулась на противодействие со стороны некоторых сотрудников. В связи с этим она пишет донос, где неприязненное к себе отношение в институте связывает с наличием в ВИЭМ (Отдел общей морфологии еще не был разогнан) центра, объединяющего морганистов, во главе которого стоит директор ВИЭМ Д.Н. Насонов. После обвинения в растрачивании, в угоду американцам, денег на разработку *"никому не нужных и идеологически вредных «паранекрозов»"*, после перечисления других научных и административных "грехов" Виноградова переходит к политической части своего доноса. В частности, мне в нем посвящены следующие стро-

ки: "Другом Насонова является и Александров, у которого (как и у самого Насонова) тесные связи с заграницей: его мать и брат живут в Палестине (Александров - еврей), а сестра - в Америке". (Я должен внести некоторые поправки: моя мать скончалась 8 февраля 1942 г. в блокадном Ленинграде, единственный брат - коммунист - погиб в 1920 г. на белопольском фронте, сестры у меня никогда не было).

"Недалекое морганистское прошлое этих друзей, в котором они не покаялись, их связи с заграницей, их «ученые» свидания на Мурманской станции (биологическая станция на Баренцевом море. - В.А.) и энергичная борьба, которую ведут их старые друзья и сотрудники в институте им. Герцена против мичуринской перестройки Естфака, - все это несомненно звенья одной цепи, одной организации, ведущей политическую борьбу против советской науки... Как директор Мурманской станции, Полянский, вероятно, имеет в своем распоряжении сведения секретного характера, касающиеся метеорологических условий нашего севера, морских течений, карт, данных о деловитости и т.д. При наличии друзей типа Насонова и Александрова, посещавших его станцию, эти обстоятельства приобретают особый смысл. Мурманская станция несомненно имеет рацию и может связываться с заграницей".

Трудно сказать, почему эта информация не сработала *. Во всяком случае мы остались на свободе, а для меня это было связано с необходимостью позаботиться о трудоустройстве. После закрытия отдела в ВИЭМ Президиум АМН СССР все же предоставил Д.Н. Насонову, как действительному члену АМН, три штатных единицы, но о зачислении меня на одну из них не могло быть и речи из-за категорического отказа управления кадрами АМН СССР. Скоро стало ясно, что получить работу мне далеко не просто, и потому свои

поиски я не ограничивал Ленинградом, однако из этого также ничего не выходило. Вместе с тем вопрос о трудоустройстве связан был не только с решением финансовой проблемы.

*Эффективнее был донос на меня в 1930 г., во время прохождения мною аспирантуры у проф. А.А. Заварзина в Государственном рентгенологическом, радиологическом и раковом институте. Я сразу же был отчислен с волчьим билетом, и потребовалось 9 месяцев энергичных хлопот нескольких влиятельных лиц для моего восстановления. Содержание доноса до моего сведения доведено не было. Удалось лишь узнать, что донос был сочинен моими товарищами по биологическому отделению ЛГУ, которое я за год до этого окончил.

После нескольких месяцев безработицы меня вызвали в районный отдел милиции, где состоялся такой разговор с каким-то начальником:

"Где Вы работаете?"

- "В настоящее время на работе не состою".

- "Сколько времени Вы не работаете?"

- "С 1 сентября".

- "Тогда мы вынуждены будем ликвидировать Вам ленинградскую прописку, как живущему на нетрудовые доходы".

- "Я живу на трудовые доходы своей жены, она работает ассистентом в 1-ом Медицинском институте".

- "Это дела не меняет".

- "Скажите, а если бы я работал, а моя жена была бы без работы, Вы бы ее выслали из Ленинграда?"

- "Так она бы числилась домохозяйкой".

- "Так вот числите меня домохозяином, ведь у нас по Конституции мужчины и женщины пользуются равными правами".

На этом разговор и кончился. Я рад был, что мне удалось отстоять свое право жить в Ленинграде, не апеллируя к медали "За оборону Ленинграда", но уверенности, что подобный разговор не повторится, у меня не было.

"Трудовые доходы" моей супруги не могли покрыть расходов на содержание нашего семейства, и я вынужден был искать хотя бы какой-нибудь заработок. В то время затевалось издание Толкового словаря по биологии, и мне удалось пристроиться к писанию разделов гистологии и физиологии животных, не фигурируя в качестве автора. Словарь так и не появился на свет, но из аванса мне перепала некоторая сумма.

Далее потекли месяцы упорной, но бесплодной борьбы за место в каком-нибудь биологическом или медицинском учреждении, но каждый раз при ближайшем рассмотрении моего дела я получал под тем или иным предлогом отказ, несмотря на то, что секретарь горкома по науке Е.Д. Антошкина звонила в данное учреждение и сообщала, что горком никаких возражений против приема меня на работу не имеет. Наконец, Д.Н. Насонов весной 1951 г. добился от Президиума АН СССР организации в Зоологическом институте лаборатории физиологии клетки и получил несколько штатных единиц. В числе их было место старшего научного сотрудника, и Насонов предложил его мне. 22 марта я подал документы на конкурс, но для того, чтобы дирекция ЗИНа решилась взять на работу такую одиозную фигуру, как я, ей требовались заверения вышестоящих ин-

станций в том, что с их стороны не последует каких-либо возражений. Еще до подачи моих документов Насонов был у Антошкиной. Она ему сказала и попросила передать дирекции, что горком препятствовать моей работе в ЗИНе не будет. Этого оказалось мало, и замдиректора ЗИНа Б.Е. Быховский (мой однокашник по университету) сообщил мне, что необходимо подобные гарантии получить от Отделения биологических наук и Президиума АН СССР. Чтобы добыть их, я 20 апреля 1951 г. отправился в Москву, сознавая, что задача будет не из легких.

В то время биологическое отделение возглавлял А.И. Опарин, но фактически отделением правил ближайший сотрудник Лысенко И.Е. Глущенко. Он был одним из ученых секретарей Президиума академии. От него зависела и моя судьба. Далее выяснилось, что отделение и Президиум академии для решения моего вопроса должны его согласовать с Отделом науки ЦК ВКП(б), где биологией ведал М.Ф. Женихова. Тот факт, что вопрос о моей скромной особе будет решаться в ЦК ВКП(б), должен был вселить в меня сознание высокой значимости, но я скорее испытывал противоположные чувства. Активную роль в проворачивании моего дела играл Г.К. Хрущов, его авторитет в академических сферах был весьма высок, он был также вхож в Отдел науки ЦК. Кроме того, большую помощь на всех этапах мне оказывал в управлении кадров Академии инспектор по биоотделению физиолог растений В.Ф. Верзилов.

Особенно же важно было то, что Глущенко отнесся доброжелательно к моему делу. Это, естественно, не было результатом единства наших биологических воззрений. Существенную роль сыграл другой фактор. Из моих анкетных

данных Глущенко узнал, что я родом из Черкасс. Оказалось, что его жена тоже черкашанка.

Вот на этой почве и установился у нас человеческий контакт. Потянулись дни ожидания, пока Глущенко наконец договорился с Жениховой. Потом выяснилось, что для получения нужных заверений от Президиума и биоотделения требуется представить в управление кадров бумаги, поданные мною на конкурс в ЗИН, и письмо Насонова с просьбой не возражать против моего зачисления в организуемую им лабораторию. Насонов прислал адресованное главному ученому секретарю Президиума АН СССР А.В. Топчиеву и академику-секретарю биоотделения А.И. Опарину письмо с просьбой дать принципиальное согласие на предоставление должности старшего научного сотрудника В.Я. Александрову, без чего он не хотел бы выдвигать эту кандидатуру. В своем письме Насонов, в частности, пишет:

"В.Я. Александров является безусловно наиболее подходящим кандидатом, как талантливый, энергичный исследователь, давно работающий в области физиологии клетки. Кроме того, в новой лаборатории часть работы необходимо будет вести в направлении цитозологии, отрасли физиологии, наиболее близкой к интересам Зоологического института. Как раз в этом направлении в последнее время работает В.Я. Александров..."

17 мая нужные бумаги были оформлены и посланы в ЗИН. Одна, за подписью Топчиева, была адресована директору ЗИНа, в ней сказано:

"Президиум Академии наук СССР не возражает против зачисления на должность старшего научного сотрудника Александрова Владимира Яковлевича на общих основаниях".

Другая бумага, подписанная Опариным, была адресована Насонову. Она заканчивалась словами:

"...Бюро Отделения возражать против зачисления д-ра биологических наук В.Я. Александрова не будет".

Весть о том, что после четырехнедельного сидения в Москве и почти девятимесячной безработицы мое дело наконец уладилось, быстро разнеслась, и друзья и полужнакомые бурно поздравляли меня. В тот же день я отправился домой. Я как-то не сразу осознал, что кошмар развеялся и через несколько дней я смогу опять начать работу в насоновском коллективе. Во всяком случае, вечером в день приезда мы с Насоновым на радостях у нас дома выпили.

20 мая я пошел в ЗИН, для встречи с замдиректора Быховским, рассчитывая, что остальное - дело техники. Однако Быховский меня огорошил, заявив, что он еще не знает, что за этими бумагами кроется и что нужно вопрос опять согласовать с горкомом. Позвонил Антошкиной. Она просила меня приехать к ней в Смольный 22-го в 10 часов вечера (в то время партийные и многие правительственные учреждения вели полуночный образ жизни), а утром того же дня я узнал ошеломившую меня новость. Оказывается, пока я по указанию дирекции ЗИНа обивал в Москве пороги Академии для получения от Президиума и биоотделения разрешения на работу, для конкуренции на это же место старшего научного сотрудника ЗИНа был отыскан кандидат биологических наук, член партии, русский. По тематике своей работы никакого отношения к ЗИНу он не имел и в это время состоял научным сотрудником в штате АМН СССР. Из ночной беседы с Антошкиной и дальнейших весьма неприятных разговоров с дирекцией ЗИНа мне стало ясно: несмотря на лояльное отношение к моему зачислению академических инстанций, Отдела науки ЦК и Ленинградского

горкома, дирекция ЗИНа не желала засорять свои кадры моей персоной. Мотивировать отклонение моей кандидатуры при отсутствии выбора было трудновато. Для упрощения дела подставили конкурента с безукоризненной анкетой и создали конкурсную комиссию, которая должна была из двух претендентов выбрать наиболее достойного.

Вопрос был предрешен, и комиссия неоднократно просила меня забрать свое заявление. Я понимал, что членам комиссии не хотелось лишний раз подвергать испытанию свою совесть и сооружать нелепый документ, но уважить их просьбу я не мог - ведь во время разговора в милиции меня спрашивали, что я делаю для того, чтобы добыть работу. Заседание конкурсной комиссии состоялось 27 июня. Комиссия сочла обоих кандидатов достойными, но предпочла второго, поскольку он работает в области физической химии. Отсюда следовало заключить, что физико-химическая цитология тематически ближе к проблематике Зоологического института, чем клеточные основы приспособления животных к температуре среды. Вот что творило время с людьми! Вот что в то время творили люди! Перспектива наконец получить работу да еще в своем коллективе, казавшаяся такой близкой, лопнула как мыльный пузырь. Впереди ничего не светило.

Опять поиски работы и опять луч надежды. В.Н. Черниговский, крупный физиолог, действительный член АМН СССР, получил в начале июля штатные единицы от Президиума Медицинской академии и предложил мне место старшего научного сотрудника. Я с радостью согласился, и опять началась кампания по преодолению мутных препятствий, неизвестно в чем состоявших и неизвестно кем воздвигаемых. Черниговский вместе с Антошкиной

вели энергичную борьбу за мое оформление на работу, но 29 сентября положение дел разъяснилось: вице-президент АМН СССР Жуков-Вережников, помня мое неблагоприятное поведение на сессии ВИЭМ в мае прошлого года, категорически отказался разрешить мне работу в системе Медицинской академии и буркнул: "Пусть идет в большую академию".

Между тем денежные дела поджимали все больше и больше. Работа над Толковым словарем была закончена и полученные за нее деньги прожиты. Вот тут, наконец, улыбнулась удача. Профессор М.Н. Мейсель, зная о моем трудном положении, начал хлопотать в издательстве "Иностранная литература" о переводе недавно вышедшего немецкого руководства "Микроскопическая техника" Б. Ромейса с тем, чтобы перевод книги поручили мне. Руководство это очень нужно было для советских биологов и медиков, перевод оплачивался прилично. Я, конечно, согласился и с нетерпением ждал присылки договора с тем, чтобы поскорее засесть за работу. Однако вскоре выяснилось, что издательство договоров с лицами, не состоящими на службе, не заключает. Таким способом было предусмотрено, чтобы приговоренные к безработице не могли использовать подобную лазейку для обеспечения своего существования. Но все же этот барьер удалось преодолеть с помощью небольшого жульничества. Договор заключили на имя моей жены З.И. Крюковой. То, что она немецкого языка не знает, препятствием не служило.

В середине июля я засел за Ромейса. Предстояло перевести около 50 авторских листов, и эта работа заняла у меня около восьми месяцев. Она меня морально подкрепила, я перестал себя чувствовать "тунеядцем" в составе своей семьи, и

мне нравилось, усаживаясь за обеденный стол, провоцировать негодующие выкрики жены репликой: "А я на свой обед сегодня уже заработал". Но главная проблема - возврат к полноценной исследовательской работе - осталась нерешенной.

После провала попытки вернуться в насоновский коллектив основным моим стремлением, вернее мечтой, стало попасть в штат Ботанического института АН СССР. На это меня толкали следующие соображения. В основе теории паранекроза и денатурационной теории повреждения, разработанных Насоновым и мною, лежали общие свойства клеточных белков. Эти свойства были общи и для клеток животных, и для растительных клеток. Следовательно, закономерности, обнаруженные нами на животных клетках, должны были иметь место и на клетках растений. Вот в этом мне и хотелось убедиться, работая на растительном материале, что удобнее всего было осуществить в стенах Ботанического института. Интерес к растительным клеткам появился у меня еще за несколько лет до уничтожения моей лаборатории в ВИЭМ, и я продолжал ими заниматься после изгнания из института у себя на дому.

Поэтому еще в июле 1951 г. я ткнулся в БИН, где меня очень любезно принял директор Института В.Ф. Купревич и заверил, что очень высоко ценит наше с Насоновым направление работ. Он сказал, что рад будет взять меня на работу, но сейчас свободных мест нет. Однако, если появится хотя бы место лаборанта, то он советует мне им не брезговать, так как потом он сможет быстро перевести меня на ставку научного сотрудника. Он попросил меня заполнить анкету и дать план работ, пообещав оповестить,

как только появится вакансия. Шли месяцы, вакансия не появлялась.

Я закончил и написал первую работу по клеточным механизмам приспособления животных к температуре среды. Она мне представлялась очень важной, и хотелось поскорее опубликовать статью в каком-нибудь научном журнале, но для этого требуется представление от учреждения, где работа была выполнена. Обратился в ВИЭМ, где она была выполнена на две трети. ВИЭМ отказал. Заканчивалась работа дома, но жилуправление таких представлений не дает.

Чтобы попытаться получить штатную единицу для устройства в БИНе и для помещения статьи в печать, я решил отправиться в Москву, куда и приехал 4 января 1952 г. Со статьей дело решилось просто. Г.К. Хрущов представил ее в "Доклады Академии наук СССР" от своего Института цитологии, гистологии и эмбриологии АН СССР, хотя никакого отношения моя статья к нему не имела. Рекомендуя статью к публикации, он, в частности, написал: *"Работа представляет исключительный интерес и относится к совершенно новому, весьма важному направлению в цитологии, экологической цитологии"*. Через несколько месяцев статья была опубликована. Много труднее было решить основную задачу: добыть штатную единицу из фонда президента для БИНа.

Опять начались мытарства. Прежде чем попасть на прием к президенту А.Н. Несмеянову, нужно было проделать подготовительную работу: достать отзывы о моей научной деятельности от маститых и котирующихся ученых и предварить мой визит к президенту визитом какого-либо высоковлиятельного ходатая. Таковым был С.Е. Северин, ака-

демик-секретарь медико-биологического отделения АМН СССР, в состав которого входил изгнавший меня ВИЭМ.

Моя беседа с А.Н. Несмеяновым состоялась 17 января, я вручил ему заявление, где описал положение, в котором находился, и кончил его просьбой помочь мне получить работу в одном из биологических институтов Академии. К заявлению было приложено 11 разных документов. В разговоре я просил направить меня в Ботанический институт в Ленинграде. Несмеянов, размышляя, пробормотал: "Значит, надо выделить им штатную единицу". Я воспринял эти слова, как весть о конце моей безработицы. Президент передал мое дело в отдел кадров и поручил ему согласовать вопрос с БИНОм или с Институтом физиологии АН СССР.

Вскоре выяснилось, что ни тот, ни другой институт не жаждут иметь меня в своем штате даже с приданной штатной единицей. В отделе кадров сказали, что мне важно зацепиться в каком-нибудь академическом институте, а потом меня переведут в БИН. Поэтому 24 января я сделал доклад в Институте физиологии растений АН СССР в Москве о своих работах на растительных клетках. Доклад прошел очень успешно, сказано было много лестных слов и за подписью директора Института академика Н.А. Максимова было составлено весьма хвалебное заключение, которое я передал в Президиум АН СССР. Максимов сказал, что охотно возьмет меня в Институт, если я приду со штатной единицей. Сообщаю об этом в отдел кадров. Прошли еще дни топтания на месте, и недели через две узнаю, что дирекция Института физиологии растений, поначалу распротершая свои объятия, решила, что для приема меня на работу кроме ставки нужно иметь еще какие-то гарантии

свыше. Что под этим подразумевалось, для меня осталось неясным.

Вся эта канитель тянулась в отсутствие Глущенко - он был в заграничной командировке. Наконец, 14 февраля Глущенко подключился к моему делу, но оно с места не двигалось. Я начинал понимать, что "Замок" Кафки - одно из самых реалистических произведений мировой литературы. Во время одной из моих бесед с Глущенко, в которой участвовал инспектор по биологическим кадрам Верзилов, он сказал Глущенко: "Что Вы изматываете Александрова, ведь Вы же знаете, что ни один директор не возьмет на себя ответственность за оформление его на работу. Нужно его определить на должность приказом президента". Глущенко с этим согласился, но через несколько дней выяснилось, что такой шаг нужно опять согласовывать с Отделом науки ЦК, т.е. с Жениховой.

Уже два месяца как я торчу в Москве, скрашивает время Ромейс, в промежутках между обиванием порогов перевозу. Наконец, 10 марта я получаю, не веря своим глазам, бумагу за подписью Несмеянова и Топчиева с таким текстом: *"Назначить доктора биологических наук Александрова Владимира Яковлевича на должность старшего научного сотрудника Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР с выделением одной штатной единицы и соответствующим увеличением фонда зарплаты"*. Президент совершил явно незаконный акт, так как определил меня на должность старшего научного сотрудника, опуская публикацию в газете о наличии вакансии, без прохождения конкурсной комиссии и минуя голосование в Ученом совете Института. По-видимому, не всегда можно найти законные пути для ликвидации безобразий, порожд-

денных предшествующими беззакониями или нелепыми действиями.

В тот же день 10 марта я выехал в Ленинград. На следующее утро я явился в БИН и передал заветную бумагу заместителю директора Ал.А. Федорову с извинением за то, что попадаю в штат Института необычным путем. Но, к сожалению, из того положения, в котором я находился, обычного выхода не было. В конце своей эпопеи я оказался в уникальном положении - президенту, в сущности, было безразлично, в какой академический институт меня ткнуть, и я имел возможность выбора - БИН, ЗИН, ФИН, ИФР, но я никогда не раскаивался в том, что предпочел БИН. Я постепенно обрастал сотрудниками и в 1957 г. возглавил вновь организованную в БИНе лабораторию цитофизиологии и цитозологии. С чувством сердечной благодарности я всегда вспоминаю доброе отношение и активную помощь со стороны директоров БИНа членов-корреспондентов АН СССР П.А. Баранова, затем Ал.А. Федорова.

При организации надомной исследовательской работы, при попытках устроиться на службу, в поисках заработка мне многократно приходилось сталкиваться с проявлением искренней, бескорыстной, активной доброты со стороны людей, с которыми я до этого не был в близких отношениях. В годы аморального разгула в биологии, часто злобного и безжалостного отношения к товарищам по работе, о чем я писал выше, проявление глубокой человечности было особенно отраднo, оно укрепляло душевные силы и поддерживало надежду на лучшее будущее. Иногда мне оказывали большую помощь ученые, которые творили или вынуждены были творить в науке несусветные безобразия.

Я решился задержать внимание читателей на отрезке моей биографии лысенковского периода, сознавая, что мои невзгоды могут показаться рябью по сравнению со штормами, обрушившимися на многих ученых-биологов и агробиологов. Моя история, однако, была более будничной, и она в значительной мере отражает общую атмосферу, которой приходилось в то время дышать уцелевшим и не утратившим свободу ученым.

НА ПУТИ К ВЫЗДОРОВЛЕНИЮ

Взлет и падение Бошняна

Процесс разрушения биологии в Советском Союзе, начавшийся в 30-е годы борьбой Г.Д. Лысенко и его приспешников за установление единовластия в этой науке, достиг своего апогея в 1950-1951 гг. Позади остались августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г., принесящая триумф Лысенко, майская сессия 1950 г., посвященная новой клеточной теории О.Б. Лепешинской, и "быковская" сессия июня 1950 г. Биология оказалась подчиненной трем монополизированным направлениям, лидеры которых наделены были диктаторскими полномочиями. Эти три спаянных между собой направления составляли ядро "передовой материалистической советской биологии".

В печати часто мелькали фразы, подчеркивающие неразрывную связь частей этой триады: *"...перестройка онкологии на основе павловского физиологического учения, мичуринской биологии и клеточной теории О.Б. Лепешинской в ближайшее время принесет свои положительные результаты в борьбе против рака"* (из докл. Н.Н. Жукова-Вережникова на VII сессии АМН СССР. 1952. С. 22). А вот

выдержка из резолюции пленума Всесоюзного общества анатомов, гистологов и эмбриологов 1953 г.: "*...Пленум констатирует отставание морфологических исследований по сравнению со всей советской биологической наукой, успешно развивающейся на основе мичуринской теории развития органического мира, физиологического учения И.П. Павлова и новой материалистической клеточной теории*" (Архив АГЭ. 1954. Т 31, № 1. С. 90). Появился термин "мичуринско-павловский дарвинизм". Учившийся у И.П. Павлова член-корреспондент АМН СССР, директор ИЭМ, главный редактор "Физиологического журнала СССР" Д.А. Бирюков в 1955 г. опубликовал в своем журнале статью под названием "О единстве учения И.П. Павлова и И.В. Мичурина". В ней он писал: "*Несмотря на различие объектов исследования, привлечших внимание Мичурина и Павлова, и отсутствие непосредственного контакта между ними, единство их подхода к изучению организма совершенно очевидно*" (с. 721). Этот тезис Бирюков пытается обосновать ссылками на высказывания Мичурина и Лысенко. Далее он утверждает: "*...И.П. Павлов вполне определенно высказал убеждение о возможности наследственного закрепления некоторых приобретаемых форм временных связей*" (с. 728).

Действительно, в начале 20-х годов в лаборатории Павлова на мышах были получены результаты, которые дали повод Павлову в 1923 г. считать возможной передачу по наследству приобретенных условных рефлексов. Однако вскоре Павлов вынужден был отказаться от этого положения, и 13 мая 1927 г. в газете "Правда" было опубликовано его письмо, где он пишет: "*Первоначальные опыты с наследственной передачей условных рефлексов у белых мышей при улучшении методики и при более строгом контроле до*

сих пор не подтверждаются, так что я не должен причисляться к авторам, стоящим за эту передачу". Это письмо было широко известно биологам, так же как и многие опыты, выполненные как в коллективе Павлова (Е.А. Ганике), так и в других лабораториях, показавшие отсутствие наследственной передачи условных рефлексов.

Бирюков не мог не знать всего этого, но, желая укрепить монополию быковского лагеря союзом с лысенковщиной, пошел на заведомый подлог, приписав Павлову признание основного лженаучного положения мичуринской биологии - наследования приобретенных признаков. Впрочем, Бирюков в этом отношении лишь шел по стопам своего патрона К.М. Быкова, который двумя годами раньше точно так же сознательно искажил взгляды Павлова на эту проблему *. Учение Лысенко и теорию Лепешинской скрепляло то, что Лысенко положил в основу своей идеи о зарождении одного вида в недрах другого теорию Лепешинской о развитии клеток из неклеточного живого вещества.

* Этот вопрос подробно изложен в книге Л.Я. Бляхера "Проблема наследования приобретенных признаков" (М., 1971).

К "передовой мичуринско-павловской" биологии примыкал и Г.М. Бошьян, совершавший перевороты в микробиологии и иммунологии. Однако он не очень заботился о консолидации с основными направлениями передовой науки, полагаясь, по-видимому, на пробивную силу собственных открытий.

Совершенно очевидно, что идейные и организационные конструкции, созданные лидерами "передовой биологии", могли существовать лишь при вполне определенных условиях. Для этого требовалась постоянная действенная поддержка со стороны вышестоящих инстанций и бдительная,

надежная охрана от посягательств критиков. Поддержка была обеспечена тем, что на ответственные посты в учебных, научных, административных и партийных учреждениях, связанных с биологией, медициной и сельским хозяйством, были посажены люди, безоговорочно выполнявшие все предписания лидеров и их ближайшего окружения. От научной критики их охраняло официальное признание собственной методологической непогрешимости и идеологической порочности противников. Укреплению такого положения способствовала энергичная деятельность многих философов, подвизавшихся вокруг биологии (М.Б. Митин, Г.В. Платонов, Д.М. Трошин и многие другие).

До 1952 г. возможность гласной критики биологических направлений, официально признанных партийными и правительственными инстанциями в качестве единственных методологически правильных, была полностью исключена, так как на ее пути стоял надежный цензурный барьер. Такая критика расценивалась как идеологическая и политическая оппозиция и влекла за собой соответствующую кару. Важными охранительными мероприятиями были изъятие из библиотек и недопущение появления в печати всех книг, содержащих что-либо, противоречащее догмам мичуринской биологии, а также утрата связи с мировой наукой.

Если ко всему этому добавить огромную потерю квалифицированных специалистов, выгнанных с работы, и учесть, что у большинства уцелевших на работе психика была деформирована под влиянием страха и соблазна наживы, то к 1950-1951 гг. создалась, казалось бы, безысходная картина обреченности нашей биологии на полную деградацию. Однако как только начали расшатываться и ослабевать внешние опоры, поддерживающие лженауку, как только появля-

лась малейшая возможность, находились ученые, подававшие голос протеста. Это не обязательно были люди, сохранявшие бескомпромиссную верность науке. Таких вообще было очень немного. Среди вступавших в борьбу с лженаукой было немало ученых, которые в недавнем прошлом демонстрировали свою лояльность или даже приверженность догмам мичуринской биологии.

В невозможности процветания лженауки без мощной защиты извне первым должен был убедиться Бошьян. О нем было вкратце сказано в первой части записок, сейчас же следует привести некоторые подробности его бурного, но кратковременного взлета на научном поприще. До 1949 г. Бошьян заведовал отделом биохимии и микробиологии Всесоюзного института экспериментальной ветеринарии (ВИЭВ) под Москвой. Правильно оценив обстановку, сложившуюся в биологии в результате лысенковской деятельности, Бошьян с энергичной помощью директора ВИЭВ Н.А. Леонова решил пробиваться в лидеры микробиологии и иммунологии. Достижения Бошьяна, полностью отвергающие основы современной "буржуазной" науки, были вполне созвучны блестящим победам мичуринской биологии, и поэтому Леонову и Бошьяну быстро удалось заручиться безогдворочной поддержкой в Министерствах здравоохранения и сельского хозяйства СССР. В результате в 1949 г. вышло первое издание знаменитой книги Бошьяна "О природе вирусов и микробов" с предисловием Леонова, где он пишет, что открытие Бошьяна *"...означает подлинную революцию не только в микробиологии, но и во многих других областях биологической науки"* (с. 3). А уже 9 августа 1949 г. за подписью министра здравоохранения СССР Е.И. Смирнова был издан приказ, одобренный заведующим сельхозотделом ЦК КПСС А.И. Козловым, о создании в

Научно-исследовательском институте эпидемиологии и микробиологии им. Н.Ф. Гамалеи АМН СССР (НИИЭМ) лаборатории по изучению изменчивости микробов во главе с Г.М. Бошьяном. Лаборатория была создана, несмотря на возражения директора НИИЭМ В.Д. Тимакова. Штат ее состоял из 11 человек. Лаборатория была засекречена.

В связи с выходом книги Бошьяну были присуждены степень доктора медицинских наук и звание профессора.

Помимо основного эпохального открытия - превращения бактерий в вирусы, вирусов в кристаллы и обратно кристаллов в вирусы, вирусов в бактерии, Бошьян объявил об установлении ряда других сенсационных фактов. В частности, он утверждал, что бактерии выживают при двукратном автоклавировании при 120°C, при автоклавировании в серной кислоте, что они не убиваются щелочью и рядом антисептиков, что бактерии зарождаются в лечебных сыворотках и вакцинах, растворах антибиотиков, в гниющих остатках животных и растительных организмов. Все это вопиюще противоречило всему, что было известно науке.

В августе 1950 г. Бошьян оповещает министра здравоохранения СССР Е.И. Смирнова и А.И. Козлова об открытии им возбудителя рака. Против него выступили директор НИИЭМ Тимаков и ряд компетентных специалистов микробиологов, вирусологов и иммунологов. Они добились созыва комиссий по проверке его деятельности. Комиссии, в составе которых были крупные ученые, работали в октябре и декабре 1950 г., и обе пришли к резко отрицательным выводам в отношении работ Бошьяна. В конце октября 1950 г. состоялось заседание 6-й сессии АМН СССР, на которой Бошьяна жестоко критиковали многие видные ученые. По-

мимо Тимакова, против него выступили директор Института биологической и медицинской химии АМН СССР В.Н. Орехович, директор Института вирусологии АМН СССР М.П. Чумаков, действительный член АМН СССР Ф.Г. Кротков. Выступил против Бошьяна и академик ВАСХНИЛ С.Н. Муромцев.

Помимо выводов закрытых комиссий и выступлений на открытой 6-й сессии АМН СССР появилось несколько разгромных статей против Бошьяна в печати. Наибольшее значение имели статьи В.Н. Ореховича. В 1950 г. Орехович в журнале "Вопросы медицинской химии" дает календарь "открытий" Бошьяна, из которого читателю становится ясно, что они были выполнены не в колбах и пробирках, а на бумаге, ибо за приводимые Бошьяном сроки данные работы не могли быть осуществлены. Далее Орехович показал полную безграмотность Бошьяна, который утверждал зарождение бактерий в растворах антибиотиков, явно не зная, что данные антибиотики вообще не являются белками. Л.Н. Заманский и П.Я. Сивер однозначно показали (Вопросы медицинской химии. 1952. Т 4), что кристаллы, в которые, по Бошьяну, превращаются бактерии и из которых вновь рождаются бактерии, имеют неорганическую природу. Эти кристаллы выпадают в питательной среде под действием продуктов обмена бактерий. То же показал Орехович во второй своей статье. В ответ на критику Ореховича Бошьян разразился пространной статьёй в том же журнале (1952), содержащей невежественные вымыслы, прослоенные грубой бранью в адрес критиков.

Таким образом, уже в 1950 г. было показано, что "открытие" Бошьяна являются сплошной фикцией. Специалисту и вообще любому грамотному биологу это было совершенно

очевидно до всяких проверок. После работ авторитетных комиссий, а также выступлений специалистов, и устных, и в печати, в 1950 г. это уже стало ясно каждому, но потребовалось еще четыре года и еще две комиссии, чтобы прекратить бессмысленную дорогостоящую деятельность Бошьяна. Все же в декабре 1953 г. 8-я сессия АМН СССР в свое постановление внесла следующий пункт: *"В связи с отсутствием контроля со значительным опозданием была вскрыта бесперспективность работы лабораторий, руководимых Утенковым, Шкорбатовым, Глезером, Невядомским, Бошьяном"*. Прошло еще три месяца, и новый министр здравоохранения СССР М.Д. Ковригина направляет председателю Совета Министров Г.М. Маленкову письмо с просьбой разрешить ликвидировать лабораторию Бошьяна в НИИЭМ АМН СССР. 14 июля 1954 г. Ковригина издает приказ о ликвидации и рассекречивании лаборатории Бошьяна. Решением ВАКа он лишается степени доктора медицинских наук. После ликвидации этой лаборатории Бошьян нашел себе убежище в одном из ветеринарных учреждений.

Чем объяснить, что в "передовой советской биологии, противостоящей метафизической буржуазной науке", первой была прекращена деятельность Бошьяна? Ведь его учение о кристаллизации бактерий, о возникновении микробов из кристаллов, из лечебных сывороток и вакцин, из антибиотиков и т.д. не более абсурдно, чем проповедуемое О.Б. Лепешинской возникновение клеток высших организмов из кристаллов, из плазмы крови или других форм неклеточного "живого вещества". Бошьян, так же как и Лепешинская, отвергал одно из самых крупных достижений биологии прошлого века: доказанное Л. Пастером отсутствие в наше время самозарождения жизни из тел мертвой

природы. Вместе с тем на той же 6-й сессии АМН СССР 1950 г., где ряд ученых резко критиковал Бошьяна, никто не подал голоса против выступившей Лепешинской. Более того, многие выступавшие, включая министра здравоохранения СССР Е.И. Смирнова, отмечали выдающееся значение ее работ, а в постановлении сессии было сказано: "Материалистические представления о развитии клеток, разработанные профессором О.Б. Лепешинской... составляют основу изучения проблем эмбриологии, гистологии, цитологии, микробиологии и вводят идею развития в область медицинской биологии" (Вестник АМН СССР. 1951. №1. С. 23).

Дело в том, что Бошьян переоценил свои возможности и нарушил субординацию в сложившейся структуре мичуринской биологии. Ни в предисловии, ни во введении к книгам Бошьяна (1949, 1950) нет даже упоминания о мичуринской биологии или августовской сессии ВАСХНИЛ. В тексте находим лишь несколько блеклых ссылок на Лысенко и один-единственный раз упоминается фамилия Лепешинской, причем Бошьян скрыл, что ей принадлежит приоритет в "открытии" перехода клеток в кристаллы и обратно. По-видимому, Бошьян рассчитывал создать свой собственный бизнес, не идя под власть уже признанных лидеров мичуринской биологии. Тем самым он лишил себя защиты со стороны лысенковского стана.

Правоверный мичуринец С.Н. Муромцев опубликовал в 1951 г. статью (Журнал общей биологии. Т 12, №3), в которой странным образом сочеталась резкая критика измышлений Бошьяна о превращении одного вида микробов в другой с признанием лысенковского порождения одних видов растений в недрах других (лещина в грабе, ель в сосне

и т.д.). Признание ненаучным утверждения Бошьяна об обратимом превращении бактерий в кристаллы не мешало Муромцеву исповедовать новую клеточную теорию Лепешинской. Хотя по всем своим научным показателям Бошьян полностью вписывался в мичуринскую биологию, в лоно ее он не был принят. Лысенко в апреле 1956 г. на лекции в Одесском университете, отвечая на вопрос профессора И.И. Пузанова о его отношении к Бошьяну, сказал, что он Бошьяна вообще никогда не поминал.

В отличие от Лысенко и Лепешинской Бошьян не получил благословения Сталина. Сокрушая великого Пастера, он не мог опереться на авторитет какого-либо канонизированного ученого. В деятельности Бошьяна был еще один крупный изъян, помешавший ему задержаться на вершине славы. Его псевдонаучные изыскания в сущности не сулили каких-либо практически полезных результатов. Его утверждения, что микробов не убить ни автоклавированием, ни антисептиками, что микробы зарождаются в лечебных и профилактических сыворотках и вакцинах, что одни виды микробов могут превращаться в другие, делали очевидным для медиков, к каким страшным последствиям в практической медицине могло бы привести принятие фантастических измышлений Бошьяна. Кроме всего, он не был огражден от критиков достаточно высоким цензурным забором.

Процветание Бошьяна продолжалось менее пяти лет, но за это время он нанес существенный материальный ущерб и огромный моральный вред нашей стране. В справке от 1 июля 1954 г., подписанной директором и заместителем главного бухгалтера НИИЭМ, указано, что деятельность Бошьяна обошлась институту в 1331 тыс. рублей. Если к этому прибавить стоимость столь же бессмысленной рабо-

ты Бошняна и его сотрудников в ВИЭВ в течение 12 лет, а также стоимость многих тысяч голов скота, зря уничтоженных в опытах Бошняна и его последователей, то общий убыток будет немалый.

Если материальный урон можно покрыть рублями, то чем можно компенсировать урон моральный? В то же самое время, когда специалисты микробиологи разоблачали Бошняна, глашатаи передовой мичуринской биологии прославляли ее в специальной и общей печати как новое великое достижение. Об этом было сказано в первом разделе записок. Здесь добавлю, что в 1950 г. лишь один А.Н. Студитский опубликовал о книге Бошняна три статьи: в журнале "Огонек", в "Московском пропагандисте", в газете "Красный флот". Последняя статья называлась "Блестящее открытие биологической науки". Хвалебными публикациями о достижениях Бошняна, кроме Студитского, успели себя скомпрометировать президент АН БССР Н.И. Гращенков, вице-президент АМН СССР Н.Н. Жуков-Вережников, профессор И.Н. Майский и многие другие. Вздорные идеи Бошняна в качестве последних достижений науки подносились студентам в ряде вузов. Бошняновскими измышлениями были инфицированы социалистические страны, где его идеи широко пропагандировались не только в специальной печати, но и в газетах. В Чехословакии нашлись ученые, занявшиеся подтверждением бошняновских работ.

К сожалению, "открытия" Бошняна стали известны и в капиталистических странах, о них писалось в коммунистических изданиях, во Франции вышел перевод его книги. Творчество Бошняна внесло свой вклад в антисоветскую пропаганду.

В заключение хотелось бы для себя уяснить, в какой мере глубоко было невежество Бошьяна, чтобы признать его искренне верующим в научную ценность своих открытий, и в какой мере его деятельность стимулировалась лишь желанием добиться успеха любыми средствами, включая прямой подлог. О бесчестности Бошьяна, помимо разоблачений, сделанных В.Н. Ореховичем, говорят и его отношение к критике, и препятствия, которые Бошьян пытался ставить при проверке его работ. В частности, бюро Отделения гигиены, микробиологии и эпидемиологии АМН СССР предложило Бошьяну произвести проверку "втемную" его утверждения о возможности выделения специфического возбудителя из любого бактериального препарата, т.е. при условии передачи ему препаратов без уведомления его об их природе. Однако от такой надежной проверки Бошьян категорически отказался.

Бошьяновская эпопея могла возникнуть и какое-то время процветать лишь на почве, возделанной Лысенко, при полном игнорировании мнения ученых микробиологов, вирусологов и иммунологов со стороны министерских чиновников и соответствующих партийных инстанций.

Расцвет и угасание Лепешинской

В 1950-1951 гг. наряду со статьями, превозносившими открытия Бошьяна, были допущены к опубликованию и статьи с резкой критикой его деятельности. Это, однако, отнюдь не свидетельствовало о том, что во мраке, окутавшем советскую биологию после августовской сессии ВАСХ-НИЛ 1948 г., появился какой-то просвет. По-прежнему научная и общая печать была переполнена хвалебными гимнами в честь "передовой мичуринско-павловской биоло-

гии" и ее вождей - Лысенко, Лепешинской, Быкова. Ни одна критическая строчка не могла преодолеть цензурный барьер, не говоря уже о том, что писание подобных строчек было связано с большим риском. И вдруг в шестом номере "Ботанического журнала" за 1952 г. появляются две статьи, в которых подвергается разносу сам Трофим Денисович Лысенко. Это было полной неожиданностью для биологов обоих лагерей.

Обе статьи обрушивались на одну из двух теоретических основ, на которых покоилась лысенковская передовая мичуринская биология, - на его "новое учение о виде". Оно должно было заменить дарвиновский "плоский эволюционизм", якобы не признающий качественных изменений в процессе биологической эволюции. Одна статья называлась "Дарвинизм и новое учение о виде", автор - Н.В. Турбин, вторая - "О новом учении Т.Д. Лысенко о виде", автор - Н.Д. Иванов. Обе статьи обвиняли Лысенко в полной несостоятельности его критики дарвинизма, указывали на его противоречия со взглядами Мичурина и категорически отвергали приводимые Лысенко и его сотрудниками данные по скачкообразному зарождению одного вида в недрах другого. После ряда лет подобострастного восхищения всеми высказываниями Лысенко странно и совершенно непривычно было читать в научном журнале такие фразы:

"...Никак нельзя согласиться с утверждением академика Т.Д. Лысенко, что эволюционная теория Ч. Дарвина в своей основе метафизична" (Турбин, с. 801).

"Новое учение о виде, новая теория видообразования составляет все эти факты (факты, объяснимые дарвинизмом. - В.А.) без объяснения" (Турбин, стр. 807).

"...Представленные данные Т.Д. Лысенко никак не могут служить основанием для построения новой теории видообразования, ибо, если исходить из них, то, как мы видели, непременно попадешь в заколдованный круг идеалистов и теологов"(Иванов, стр. 831).

"Итак, новое учение о виде не соответствует взглядам И.В. Мичурина на видообразование и поэтому оно не может быть названо мичуринским" (Турбин, с. 808).

"...Оснований для замены эволюционной теории дарвинизма... новой теорией видообразования, выдвинутой академиком Т.Д. Лысенко, нет" (Турбин, с. 818).

В обеих статьях показывается противоречие лысенковского учения о виде теории диалектического материализма.

Непонятно было, как могли появиться в открытой печати подобные статьи, что произошло с цензурным барьером?

Н.В. Турбин сообщил мне следующую историю опубликования этих статей. В начале 1952 г. на заседании редколлегии "Ботанического журнала", в состав которой входил Турбин, рассматривался вопрос о присланной в журнал рукописи Н.Д. Иванова. Фамилия автора биологам до этих пор известна не была. Выяснилось, что он зять М.И. Калинина и имеет звание генерала, как-то связан с лесоведением и работает в аппарате АН СССР. Статью Иванова редколлегия признала в профессиональном отношении слабоватой, но главный редактор журнала академик В.Н. Сукачев настаивал на том, что "Ботанический журнал" должен отреагировать на антидарвиновское учение Лысенко о виде. Решено было статью Иванова опубликовать и, кроме того, поместить в том же номере статью на эту же

тому, но профессионально более высокого качества. Сукачев предложил написать ее Турбину, на что тот согласился и вскоре представил свою рукопись.

Это было очень смелое предприятие, но почти без шансов на его осуществление. И действительно, как и следовало ожидать, цензура эти статьи не пропустила. Тогда Турбин послал секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову письмо, в котором сообщал, что теория видообразования Лысенко роняет престиж советской науки, и просил снять запрет на публикацию критических статей. Вскоре секретарь Ленинградского обкома ВКП (б) Ф.Р. Козлов сообщил, что рукопись Турбина была просмотрена Сталиным, и вождь сказал, что у него впечатление, что в этом вопросе товарищ Лысенко ошибается и нам надо его поправить. Прошел также слух, вероятно обоснованный, что до Сталина дошла одна из многочисленных жалоб на Лысенко, по поводу которой он подал реплику: *"...товарища Лысенко нужно научить уважать критику"*.

Создалось впечатление, что отношение Сталина к Лысенко вновь изменилось. Ведь антилысенковская позиция Ю. Жданова, занятая им весной 1948 г., не могла не быть санкционирована А. Ждановым и Сталиным, так же как через несколько месяцев Сталиным была санкционирована августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. По логике же вещей Сталин должен был сокрушить Лысенко. Ведь он не мог мириться с существованием рядом деятеля, возглавлявшего собственную державу, слава которого становилась хоть мало-мальски сопоставимой с его собственным величием. Презент на кафедре дарвинизма ЛГУ восклицал: "Я слушаюсь только двоих - Сталина и Лысенко". Возможно, расправа Сталина с Лысенко была бы ускорена, если бы "Бо-

танический журнал" пожелал и смог напечатать присланную Лепешинской рукопись, содержащую фразу: "*Лысенко - это Сталин в биологии*". Так что весьма вероятно, что если бы Сталин прожил дольше, то Лысенко постигла бы участь многих слишком выдвинувшихся деятелей. Во всяком случае важно то, что статьи Турбина и Иванова прорвали цензурную преграду и тем самым открыли путь к потоку критических статей, разоблачавших лысенковскую лженауку.

Кроме самого факта появления антилысенковских статей большое удивление вызвало их авторство. Как было сказано выше, фамилия Иванова до появления его статьи вообще была неведома биологам. Фамилия же Турбина известна была очень хорошо. Ведь в одном и том же приказе министра высшего образования СССР С.В. Кафтанова от 23 августа 1948 г. деканом биологического факультета Московского университета был назначен главный и самый злобный идеолог лысенковского стана И.И. Презент, а деканом Ленинградского - Н.В. Турбин. У Лысенко были основания доверить Турбину столь ответственный пост. Еще до августовской сессии в Ленинградском университете он читал курс, в котором излагал элементарные основы классической генетики, нейтрализуя их критикой с позиций мичуринской биологии. Еще до сессии он выступал в печати, солидаризуясь с лысенковским отрицанием наличия в природе внутривидовой борьбы за существование. Исследовательские работы Турбина вполне укладывались в рамки мичуринской биологии.

Взгляды Турбина того времени, надо думать, были вполне искренними. Они, видимо, отражали весьма скромное биологическое образование, которое он получил в Воронеж-

ском сельскохозяйственном институте, а также последовавшую за этим работу в прольсенковском коллективе, возглавлявшемся академиком Б.А. Келлером. После августовской сессии Лысенко имел все основания считать, что выбор декана биофака Ленинградского университета был им сделан правильно. Биофак был очищен от морганистов-менделистов, Турбин и в докладах, и в печати бескомпромиссно осуждал идеалистическую буржуазную генетику и признавал единственно методологически правильной мичуринскую биологию. В 1950 г. он выпускает учебник "Генетика с основами селекции", допущенный Министерством высшего образования СССР для преподавания в университетах. В этом учебнике никаких следов классической генетики не было. Подзаголовки первой главы гласят: "Менделизм-морганизм - порождение реакционной идеологии империалистической буржуазии", "Мичуринская генетика - теоретическая основа современной материалистической биологии". В книге отрицается существование особого материала наследственности - генов, положенных в основу "менделевско-моргановской генетики". Казалось бы, что все в порядке, однако на этот раз Лысенко ошибся. Повидимому, у Турбина в результате биологического самообразования вскоре начало изменяться отношение к мичуринской биологии. К 1952 г., убедившись в ложности новой теории видообразования Лысенко, Турбин проявил большую смелость и выступил против нее; при этом ему удалось прорвать цензурный кордон.

Хотя Турбин и Иванов ограничивались лишь критикой лысенковского видообразования и не посягали на другие разделы мичуринской биологии, их статьи вызвали со стороны лысенковских приспешников - Нуждина, Студитского, Лепешинской, Дмитриева и других - яростные, подчас грубые

нападки в печати. Турбин на страницах "Ботанического журнала" и в других изданиях давал им соответствующую отповедь. Опубликованы были также статьи ряда крупных ученых (В.Н. Сукачева, П.А. Баранова, Е.М. Лавренко и других), присоединившихся к разоблачению лысенковского "нового учения о виде". В своих полемических статьях 1954 г. Турбин подчеркивал: *"...выступление против теории видообразования, выдвинутой Т.Д. Лысенко, ни в какой степени не означает моего отказа от основных положений мичуринской биологии, от критики вейсманизма-морганизма..."*. Однако это, по-видимому, было не совсем так. Имеются признаки, что у Турбина и отношение к лысенковской теории наследственности тоже начало "расшатываться". У него на кафедре генетики ЛГУ с начала 50-х годов доцент В.С. Федоров организовал чтение специального курса по классической менделевско-моргановской генетике для узкого круга сотрудников и специализировавшихся студентов. А в 1957 г. Турбин в статье "О современной концепции гена" вопреки основному тезису мичуринской генетики об отсутствии особого вещества наследственности переходит на позиции классической генетики и утверждает, что термин "ген" "нельзя квалифицировать как идеалистический и метафизический".

Итак, появление в конце 1952 г. в "Ботаническом журнале" статей Иванова и Турбина ознаменовало снятие цензурного запрета на критику не только антидарвинского лжеучения Лысенко, но и других аспектов "передовой мичуринской биологии", включая "новую клеточную теорию" Лепешинской. Это означало перелом в судьбе советской биологии. Как сжатая пружина, она начала расправляться по мере ослабления наложенного на нее гнета. Никогда не утихавшая борьба за оздоровление нашей биологии наконец смогла

выйти из подполья. Она была трудной, затажной, шла с переменным успехом, отголоски ее не утихали вплоть до последнего времени.

Переходя к рассказу об очищении советской биологии от живого вещества Лепешинской, следует вернуться к некоторым сторонам ее деятельности. Это нужно для того, чтобы попытаться понять психологию людей, принесших столько бед, материальных и моральных, нашей науке. Внутренние силы, побуждавшие деятельность Лепешинской, отличались от тех, которые выдвинули на короткий срок Бошьяна в новаторы науки.

Ольга Борисовна Лепешинская родилась в 1871 г. в богатой купеческой семье. В 1894 г. она примкнула к революционному движению, вышла замуж за профессионала-революционера П.Н. Лепешинского, с ним побывала в ссылке в Сибири, а затем в эмиграции, где Лепешинские тесно общались с В.И. Лениным. В партию Лепешинская вступила в 1898 г. Она получила фельдшерское образование. В энциклопедических (словарях указано, что в 1915 г. Лепешинская еще окончила медицинский факультет Московского университета, однако дальнейшая ее деятельность с этим утверждением плохо вяжется.

Первый выход Лепешинской на большую научную арену состоялся в 1925 г., на втором Всесоюзном съезде зоологов, анатомов и гистологов в Москве. В это время она работала в Биологическом институте им. Тимирязева Коммунистической академии. Лепешинские жили в то время в Кремле, в Кавалерском корпусе. Доклад Лепешинской на съезде назывался "Развитие кости с диалектической точки зрения". Он вызвал бурную отрицательную реакцию гистологов не

только своими теоретическими измышлениями, но и крайне низким качеством микроскопических препаратов, которыми Лепешинская иллюстрировала свой доклад. В следующем году Лепешинская выпускает брошюру "Воинствующий витализм". Она посвящена критике очень интересной нестандартной книги проф. А.Г. Гурвича "Лекции по общей гистологии", вышедшей в 1923 г.

К научной деятельности Лепешинская приступила, когда ей было уже около 50 лет. Она не получила воспитания в какой-либо научной школе и, как показали ее дальнейшие труды, не понимала, какие условия нужно соблюдать, ведя исследовательскую работу вообще и в цитологии в частности. Вместо этого она внесла в науку весь пыл и тактику революционной деятельности, считая цитологию лишь новым поприщем классовой борьбы. В связи с этим своих научных оппонентов она рассматривала как идеологических и политических противников, борьбу с которыми можно вести любыми средствами. Заканчивая свою брошюру, посвященную критике книги Гурвича, она пишет:

"В наше время весьма обостренной и все более обостряющейся классовой борьбы не может быть безразличным то обстоятельство, какую позицию займет тот или иной профессор советской высшей школы, работая даже в какой-нибудь очень специальной отрасли знаний. Если он станет "по ту сторону", если он кормит университетскую молодежь идеалистическими благоглупостями, если он толкает научное сознание этой молодежи в сторону той или иной разновидности идеализма, он должен быть во имя классовых интересов пролетариата призван к порядку..." (с. 76).

Лепешинская подарила экземпляр этой книги директору Тимирязевского института академику С.Г. Навашину с надписью: *"Глубокоуважаемому Сергею Гавриловичу Навашину от автора, ненавидящего врагов рабочего класса"*. Это было в 1926 г., а в 1955 г. в ответ на возражение профессора С.И. Щелкунова по поводу превращения желточных шаров в клетки она ответила, что всякая критика связана с классовой борьбой. Как видим, позиция Лепешинской по вопросу классовой борьбы в цитологии была движущей силой на протяжении всей ее "научной" деятельности.

Революционное прошлое Лепешинской не только определяло стимулы и характер ее научной деятельности. Оно имело решающее значение для ее продвижения в монопольные лидеры советской цитологии, так как обеспечило поддержку высоких партийных деятелей, со многими из которых, включая Сталина, она находилась в личном контакте. Не менее важное значение имел ее союз с Лысенко. В организации продвижения Лепешинской к славе и в борьбе с ее противниками неоценимую услугу оказывали два ее главных толкача - вице-президент АМН СССР Н.Н. Жуков-Вережников и профессор И.Н. Майский, директор Института экспериментальной биологии АМН СССР, куда Лепешинская перешла после ликвидации Тимирязевского института. Наряду со стремлением громить классового врага на цитологическом фронте поступательное движение Лепешинской стимулировалось честолюбием и властолюбием ее и ее толкачей. Можно себе представить, какую радость и убаготворение испытала эта биологически безграмотная женщина, долгие годы бывшая объектом резкой, подчас пренебрежительной критики, когда в мае 1950 г. на совместном совещании двух

Академий - биоотделения АН СССР и АМН СССР - пред ней склонились крупнейшие представители нашей биологии и медицины.

По мере продвижения к общему принудительному признанию ее научная фантазия разгоралась. Ей казалось, что исходя из ее единственно методологически правильной материалистической теории можно раскрыть любые тайны живой природы. Со второй половины 40-х годов в печати стали появляться сообщения Лепешинской, ее сотрудников и многочисленных прихлебателей с чудовищными открытиями: клетки начали образовываться не только из желточных шаров и растертой гидры. Клетки стали возникать из "кристаллов" плазмы крови, из кровяной зернистости, из гомогенатов разных тканей, из сока алоэ, из сенного настоя. Инфузории превращались в кристаллы, кристаллы обратно в инфузории. Из неклеточного живого вещества образовывались яйцевые клетки, раковые клетки, целые кровеносные сосуды с их содержимым. Растительные клетки превращались в животные, животные в растительные. В числе авторов этих фантастических открытий далеко не всегда были безграмотные люди, среди них часто фигурировали и титулованные ученые, хорошо понимавшие, что они занимаются подлогом. Проводя теоретические исследования, Лепешинская и ее подручные заботились о внедрении их в практику.

С начала 30-х годов Лепешинская занималась изучением оболочек эритроцитов. Она сообщила, что со старостью они становятся плотнее и хуже проницаемыми, а сода их смягчит. Отсюда был сделан смелый вывод - сода может тормозить развитие старости. Чтобы сохранить молодость, нужно принимать содовые ванны. Это средство было ши-

роко распропагандировано по всей стране (вплоть до газеты "Ленинский водник"), и в результате сода стала исчезать из продажи. В 40-х и 50-х годах сода помимо омоложения стала выполнять еще ряд важнейших функций. В 1953 г. в статье "О принципе лечения содовыми ваннами" (Клиническая медицина. №1) Лепешинская сообщает, что сода может *"сыграть большую роль и в вопросе борьбы со старостью, с гипертонической болезнью, склерозом и другими заболеваниями"* (с. 31). И еще оказалось, что если впрыснуть соду в оплодотворенные яйца курицы, то содовые цыплята проявляют необычайную прожорливость и перегоняют в росте контрольных цыплят; а кроме того, в отличие от контрольных, содовые не гибнут от ревматизма. Особенно замечательные результаты были получены Лепешинской в растениеводстве. Замоченные в соде семена свеклы дали корнеплоды, весящие на 40 % больше. Лепешинская через журнал "Молодой колхозник" предложила молодежи провести подобные опыты в открытом грунте, и школьники и юннаты не замедлили сообщить о повышении урожайности разных культур.

Открытие превращения кровяной зернистости в клетки дало Лепешинской основание рекомендовать для более быстрого заживления ран прибавление к ним крови. Сразу же нашлось немало медицинских деятелей, подтвердивших целебные свойства предложенного метода. Так, например, А.А. Сафронов в статье "Лечение ран в свете учения О.Б. Лепешинской" писал: *"Привлечение в рану живого вещества, создание необходимых условий для его развития - вот наиболее правильный путь к решению проблемы лечения ран"* (Сб. "Неклеточные формы жизни". 1952, с. 187).

Теоретические и практические труды Лепешинской и ее окружения заполнили специальные журналы, книги, учебники. О них сообщалось в вузовских курсах и общедоступных лекциях, в политических и художественных изданиях и газетах. Они рекламировались по радио, в кино (фильм "У истоков жизни"), в театрах.

После майской сессии 1950 г., утвердившей лидерство Лепешинской в цитологии, в апреле 1952 г. последовало 2-е совещание, посвященное творчеству Лепешинской, о котором упоминалось выше. В промежутках между совещаниями многие биологи, желая укрепить или улучшить свое служебное положение, приезжали в Отдел живого вещества на поклон к Лепешинской. В 1951 г. по проблеме развития живого вещества разрабатывалось более 60 тем, на 1952 г. была намечена разработка более 70 тем. 1951-1952 годы были вершиной научной карьеры Лепешинской. Эта вершина была достигнута в условиях полностью заглушенной критики. Но вот в конце 1952 г., т.е. еще до смерти Сталина, цензурная преграда была взломана. С трибун и со страниц журналов на учение Лепешинской начал обрушиваться нарастающий поток критики. К сожалению, в тех условиях для разоблачения лженауки Лепешинской нельзя было ограничиваться лишь словесной критикой. Для опровержения приводившихся ею данных приходилось бессмысленно тратить время на постановку опытов, результаты которых были самоочевидны. Уже в 1953 г. критика нанесла Лепешинской серьезный удар. Журнал "Клиническая медицина", опубликовавший в январском номере "содовую" статью Лепешинской, в сентябрьском номере того же года напечатал статьи А.Я. Могилевского и Е.А. Лившица с показом всей вздорности "содовой" деятельности Лепешинской. По поводу ее работ по действию соды на цыплят и голова-

стиков Могилевский, в частности, пишет: *"Подобные опыты вообще не могут быть основанием для каких-то выводов и тем более для перенесения их на человеческий организм... Статья полна фразами, смысл которых непонятен ... Лучше было бы ведущему медицинскому журналу не печатать подобных статей, чтобы не вызывать недоумения у широких кругов медицинской общественности"* (с. 78). В мартовском журнале "Клинической медицины" за 1954 г. Лепешинская помещает ответную статью с совершенно беспомощной попыткой нейтрализовать впечатление от разгромной критики Могилевского и Лившица.

В 1953 г. в печати появились и первые разоблачения работ по образованию клеток из неклеточного живого вещества. Когда из лаборатории Лепешинской сообщили, что клетки, якобы, могут возникать из плазмы крови, лишенной клеточных элементов, то сразу нашлись услужливые биохимики - М.Г. Крицман, А.С. Конинова, Ц.Д. Осипенко (Биохимия. 1952. Т 17), которые описали включение аминокислот в белки плазмы крови, т.е. доказывали способность бесклеточной жидкости синтезировать белки. На следующий год в том же журнале появилась статья В.Н. Ореховича с сотрудниками, в которой было показано, что данные Крицман и других являются грубой ошибкой. Так как опыты велись ими не в стерильных условиях, то аминокислоты включались в белки бактерий, загрязнявших плазму крови.

Еще один удар по данным Лепешинской был нанесен в том же 1953 г. Т.И. Фалеевой (см. Доклады АН СССР. Т 91, №1). Лепешинская утверждала, что при развитии икры севрюги ядро яйцеклетки рассеивается и она переходит в доклеточную безъядерную стадию. Затем ядро вновь возникает из протоплазматической зернистости. Эти превращения

Лепешинская расценивала как пример рекапитуляции, т.е. как воспроизведение в развитии яйца этапа, сходного с тем, который имел место на заре филогенеза, когда клетки рождались из доклеточного вещества. То, что при созревании яйцеклеток ядро и хромосомы присутствуют на всех его стадиях, давно было доказано и известно каждому мало-мальски грамотному биологу, так что для опровержения ложных данных Лепешинской зря тратить время на переисследование этого вопроса было ни к чему. Однако нужно было еще убедить в этом невежественных людей, которые имели то или иное касательство к судьбе биологии, а также молодежь, начинающую знакомиться с этой наукой по учебникам, напичканным идеями Лепешинской. Поэтому труд, затраченный Фалеевой на показ источника ошибки Лепешинской, приходится считать оправданным. Икринка севрюги по сравнению с ядром огромна. Для микроскопирования требуются срезы толщиной около 7 микрон. Фалеева показала, что для разложения икринки севрюги нужно изготовить более двухсот срезов. Ядро же обнаруживается лишь на одном или двух срезах. Лепешинская просто не удосужилась просмотреть достаточное количество срезов.

В 1954 и 1955 гг. продолжают появляться в научных журналах статьи с опровержением данных Лепешинской и ее многочисленных приспешников. Большую роль в сокрушении "новой клеточной теории" сыграли Л.Н. Жинкин и В.П. Михайлов. В докладах и обзорных статьях, опубликованных в ведущих научных журналах (Успехи современной биологии. 1955. Т 39, №2; Архив анатомии, гистологии и эмбриологии. 1955. Т 32, №2), они дали уничтожающую критику всем основным "фактам" и теоретическим выводам, на которых была построена эта псевдореволюционная

теория. Важно было еще и то, что Михайлов не пожалел времени для экспериментального опровержения образования клеток из неклоточного живого вещества. Так он опроверг ошибочные данные Л.В. Полежаева (Журнал общей биологии. 1950. Т 9, №4), который пытался доказать, что при регенерации отрезанной конечности головастика лягушки клетки образуются не только делением, но и возникают из живого вещества (Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1954. №8). Е.В. Дмитриева доказала, что утверждение А.Н. Студитского об образовании ядер из живого вещества при регенерации мышечной ткани ошибочно: новые ядра, как и следовало ожидать, появляются в результате деления предсуществовавших ядер (Доклады АН СССР. 1955. Т 100, №5). Тогда же совместно с Г.Н. Ворониным (Доклады АН СССР, Т 94, №3) Михайлов доказал, что описанные М.Д. Скобельским в 1952 г. "плазмосферы", выпадающие из плазмы крови при ее "культивировании" и будто бы превращающиеся в "клеткоподобные образования", являются мертвыми кристаллическими структурами, никакого отношения к образованию клеток не имеющими. Для понимания того, что творилось в биологии и для правильной оценки поведения людей следует учесть, что работы Михайлова выполнены были в его лаборатории, входившей в состав Отдела экспериментальной гистологии Всесоюзного института экспериментальной медицины. Этот отдел в 1950 г. избежал ликвидации лишь благодаря унижительному раскаянию в своих ошибках и признанию, как с трибуны, так и в печати, научного значения открытий Лепешинской заведующим этим Отделом действительным членом АМН СССР Н.Г. Хлопиным. Весной 1952 г. Отдел Хлопина был обследован комиссией, и она в своих выводах указала, что *"Научная деятельность Отдела также перестраивается в направлении идей О.Б. Лепешинской"*.

"Новая клеточная теория" к 1954 г. начала давать трещины. Становилось ясно, что при снятии запрета на критику ей не уцелеть. Понял это и член-корреспондент АМН СССР П.В. Макаров, один из наиболее рьяных проповедников всех творческих достижений Лепешинской. Выше уже было показано, какую удивительную маневренность проявил Макаров в декабре 1950 г. на конференции Физиологического института им. А.А. Ухтомского. И на этот раз он показал должную расторопность и опубликовал в "Вестнике ЛГУ" за 1954 г. совместно с В.Е. Козловым статью, где экспериментально показал, что один из главных аргументов Лепешинской в пользу теории возникновения клеток из живого вещества, полученный ею в опытах с кашицей из растертой гидры, основан на недоразумении. Возможно, из-за меньшей расторопности издательство Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний в том же году выпустило брошюру П.В. Макарова "Новые принципы в клеточной теории и разоблачение реакционной сущности вирховианства", где автор, в частности, пишет: *"Большое значение имело также широкое признание прогрессивных идей О.Б. Лепешинской в области развития живого вещества и новообразования клеток"* (с. 5) и далее, излагая опыты Лепешинской по зарождению клеток из живого вещества, без тени сомнения пишет: *"Процесс новообразования клеток был описан ею и в веществе, выделенном из тела гидр при их растирании в кашцу"* (с. 7).

Не все клеветы Лепешинской проявили должную предусмотрительность. Многие, или не поняв ситуацию, или по невежеству веря в прогрессивность учения Лепешинской, продолжали обогащать его своими трудами.

Шумное впечатление произвела вышедшая в 1954 г. небольшая книжка заслуженного деятеля науки, члена Ученого совета Министерства здравоохранения РСФСР, профессора В.Г. Шипачева "Об исторически сложившемся эволюционном пути развития животной клетки в свете новой диалектико-материалистической клеточной теории". На обратной стороне титульного листа значится: *"Работа выполнена под руководством Ольги Борисовны Лепешинской"*. Далее следует предисловие Ольги Борисовны, а затем авторский текст, которому предпосылается эпиграф из И.П. Павлова: *"Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мои силы, прежде всего моему Отечеству"*. Чем же Шипачев послужил своему Отечеству? Он собакам, кошкам, кроликам, мышам, лягушкам всаживал в брюшную полость *"проросшие семена высших растений, преимущественно злаковых..."* (с. 49). Через несколько дней или месяцев имплантированный материал вырезался и изучался на гистологических препаратах под микроскопом. В результате этих изысканий Шипачев под руководством Лепешинской сделал открытие, подобного которому не знала вся история биологии. Он обнаружил, что в брюхе животных растительные клетки преобразуются в животные, в свою очередь животные клетки начинают меняться в сторону растительных. Свою работу Шипачев расценивал как доказательство истинности "закона Лепешинской-Мичурина-Лысенко".

Труду Шипачева я посвятил статью под названием "К вопросу о превращении растительной клетки в животную и обратно". Она была напечатана в "Ботаническом журнале" (1955. №2). Шипачев не имел ни малейшего представления ни о технике изготовления гистологического препарата, ни о расшифровке того, что видно в микроскопе. Так, напри-

мер, он описывает лимфатические сосуды и утверждает, что лимфа животного превращается в растительные клетки. В действительности же он принимал за лимфатические сосуды просто трещины на плохо сделанном препарате. В результате разбора книжки Шипачева мне пришлось прийти к выводу, что "фактический материал" в работе Шипачева *"...представляет собой пародию на науку"* (с. 247). Я также позволил себе в статье пожурить О.Б. Лепешинскую за нескромность: она не сочла нужным указать Шипачеву, что в книге с ее предисловием не очень уместны такие выражения, как *"учение корифеев науки Лепешинской-Мичурина-Лысенко"* или *"О.Б. Лепешинская размахом своей гениальной мысли вплотную подошла к правильному пониманию сущности жизни"* и т.д. Свою статью, посвященную Шипачеву, я послал в декабре 1955 г. Н.С. Хрущеву с письмом, в котором писал: *"Эта статья является одной из иллюстраций того нетерпимого состояния, до которого доведена наша биология благодаря деятельности группы руководящих ученых, которые, преследуя личные цели, в течение нескольких лет внедряли в науку под видом передового революционного учения так называемую новую клеточную теорию О.Б. Лепешинской"*. До этого, в мае 1954 г. Д.Н. Насонов направил Н.С. Хрущеву обстоятельное резкое письмо о положении, создавшемся в цитологии, с указанием на неотложные меры, которые необходимо предпринять для оздоровления нашей науки. Оба письма остались без ответа.

Положение Лепешинской явно ухудшалось. Главный покровитель Сталин умер, Хрущев, по-видимому, вообще не проявлял интереса к цитологии, открытой защиты со стороны Лысенко уже не было, у него были свои заботы. В мае 1953 г. состоялось 3-е и последнее совещание по живому

веществу, созданное Отделением биологических наук АН СССР и АМН СССР. Вступительное слово произнес тот же академик-секретарь биоотделения АН СССР А.И. Опарин. По составу 3-е совещание было скромнее предыдущих, а в постановлении Президиума АН СССР от 12 июня 1953 г. прозвучали уже новые нотки: *"...конференция выявила некоторые недочеты в разработке проблемы изучения неклеточных форм живого вещества, выразившиеся в недостаточно критической оценке вновь получаемых результатов и увлечении теоретическими схемами, иногда не подкрепленными фактическими доказательствами"*. На этот раз труды совещания отдельной книгой опубликованы не были.

Между тем, критика теоретических и практических построений Лепешинской нарастала как на страницах журналов, так и на конференциях, совещаниях, семинарах. Наибольшую активность в борьбе с "новой клеточной теорией" проявляли ленинградские ученые. Особенно большое значение имели заседания Общества анатомов, гистологов и эмбриологов (АГЭ) в Ленинграде, созываемые для обсуждения положения, создавшегося в цитологии. Они собирали огромную, весьма реактивную аудиторию. Присутствовали студенты и аспиранты, приезжали цитологи из Москвы и других городов. Заседания проходили бурно. Не очень приятные чувства должны были при этом испытывать ученые, серьезно дискредитировавшие себя активной поддержкой Лепешинской. Вопрос о возврате в лоно нормальной науки решался ими по-разному: одни торопились, другие не спешили, третьи, вроде профессора Студитского, сохраняли верность "новой клеточной теории" и тормозили оздоровление нашей науки.

Интересно проследить, как менялась атмосфера и поведение людей на заседаниях Ленинградского общества АГЭ с годами. В декабре 1953 г. оно началось докладом А.Г. Кнорре. Это был весьма способный, биологически широко образованный эмбриолог. Он являлся инициатором письма тринадцати, опубликованного в "Медицинском работнике" в июле 1948 г. Об этом письме, в котором давалась уничтожающая критика деятельности Лепешинской, см. стр. 40. Чтобы уцелеть в науке, Кнорре принял участие во 2-м совещании по живому веществу, состоявшемся в апреле 1952 г., и выступил с докладом *"К вопросу о процессах развития яйцевых клеток у птиц и амфибий"*. Доклад начинался фразой: "Работы Лепешинской явились могучим толчком к развитию новых исследований в различных областях биологии и медицины" (Новые данные по проблеме развития клеточных и неклеточных форм живого вещества: Труды конференции. 1954. С. 108). Далее речь шла о желточных шарах, которые, по Лепешинской, превращаются в клетки, но из текста доклада Кнорре сделать какой-либо вывод по этому вопросу невозможно. Вместе с тем Кнорре описывал рассеяние ядерного вещества при дроблении яйцеклетки.

Через год после этого в указанном выше докладе на собраниях общества АГЭ он восхваляет принципы *"...советского творческого дарвинизма, т. е. мичуринского и павловского учений"*, ведет борьбу с вирховианством и отдает должное *"передовому учению о развитии живого вещества Лепешинской"*, но наряду с этим он позволяет себе высказать в довольно изощренной форме то, что еще год-полтора назад в официальной обстановке он позволить себе не мог. В разосланных тезисах доклада он, в частности, пишет: *"Некритически пропагандируя любое, в том числе не-*

удачное или ошибочное утверждение О.Б. Лепешинской, такие работники дают лишний козырь противникам передового учения, создавая ложное впечатление, будто учение о развитии живого вещества строится целиком или главным образом на недостоверных фактах и ошибочных наблюдениях" (с. 16). Кнорре несомненно сознавал, что "передовое учение" целиком строится на несуществующих фактах, но высказывать это гласно он считал для себя еще несвоевременным. Кнорре обвиняет "столь высококвалифицированных гистологов и цитологов, как Г.К. Хрущов, П.В. Макаров и др...", оказывающих "медвежьёю услугу передовому учению... восхваляя все подряд положения и наблюдения О.Б. Лепешинской".

Через полгода, в апреле 1954 г. Ленинградское общество АГЭ вновь обсуждало живое вещество. Аудитория ломилась, много молодежи, вопрос насущен: как читать цитологию студентам, чему их учить. С докладом выступил П.В. Макаров. В совместной работе с В.Е. Козловым они опровергают данные Лепешинской о зарождении клеток в кашице из гидр. Затем последовали бурные прения, перешедшие во всестороннюю критику "новой клеточной теории"; лишь немногие выступавшие пытались ее защитить. В.П. Михайлов рассказал о своей работе, показавшей ошибочность данных Полежаева, упомянутых выше. Кнорре же сообщил, что его трехлетние попытки обнаружить возникновение клеток из желтка (главный аргумент Лепешинской) результатов не дали. Макаров на этом заседании вряд ли чувствовал себя уютно. Ведь у него на губах еще не обсохло живое вещество, и об этом ему напоминала аудитория. Раздавались выкрики: "Куда девать Вашу книгу?" Речь шла об его учебнике "Основы цитологии" объемом в 531 страницу. Все эти годы он был и долго еще оставался

единственным учебником по цитологии для биолого-почвенных факультетов университетов. В учебнике помещено 5 портретов - М.В. Ломоносова, И.П. Кулибина, в XVIII в. улучшившего микроскоп, К.М. Бэра, псевдосоздателя клеточной теории П.Ф. Горянинова и О.Б. Лепешинской. Весь учебник пронизан идеями и данными Лепешинской, богато иллюстрирован ее рисунками. После заседания Макаров, подойдя ко мне и потирая руки, сказал: "Я в своем учебнике перелепешил, перелепешил" *.

* В январе 1955 г. деканат биолого-почвенного факультета ЛГУ пригласил меня принять участие в обсуждении программы курса цитологии, который читал П.В. Макаров. К ЛГУ я отношения не имел, но на совещание пошел. В представленной Макаровым программе никаких следов живого вещества уже не было. С профессиональной точки зрения в ней был ряд крупных недочетов, которые подверглись критике. В своем выступлении я высказал следующее банальное соображение: профессор должен не только учить студентов, но и воспитывать их. Он должен привить студентам честное отношение к науке. Исходя из этого Макарову нельзя поручить чтение курса цитологии независимо от его программы. И все же Макаров заведовал кафедрой и читал курс цитологии в ЛГУ вплоть до своей смерти в 1967 г.

Заседание Общества заключил председательствовавший гистолог профессор С.И. Щелкунов. Он резко критически высказался о работах Лепешинской и рассказал, что, приехав в Москву, посетил Отдел живого вещества Лепешинской с намерением пообщаться с ее сотрудниками и посмотреть препараты, но в этом ему было отказано.

Третье заседание Ленинградского общества АГЭ, посвященное творчеству Лепешинской и ее окружения, состоялось в мае 1955 г. и продолжалось два дня. Оно открылось основным докладом Л.Н. Жинкина и В.П. Михайлова на тему "Критический анализ современного состояния учения о клетке". Докладчики неопровержимо доказали отсутствие каких-либо достоверных данных в пользу возможности возникновения клеток из живого вещества, лишенного ядер

и других атрибутов клетки. Из доклада всем стала ясна полная необоснованность "новой клеточной теории" Лепешинской. В прениях выступили 13 человек. Остановлюсь на некоторых. Одним из первых выступил профессор С.И. Щелкунов, который годом раньше, будучи в Москве, неудачно пытался познакомиться с трудами Отдела развития живого вещества Лепешинской. Перед самым собранием АГЭ он вернулся из Москвы, но на этот раз ему повезло, и он в отделе Лепешинской три рабочих дня *"проверял всю фактическую документацию..."*. Рассказав о том, что он видел, Щелкунов пришел к заключению, что отдел *"...не располагает фактическим материалом, который бы поддерживал концепцию учения Ольги Борисовны о живом веществе и новообразовании живой клетки"*. А.Г. Кнорре, взяв слово, уже отбросил маскировку и приветствовал критику Лепешинской Жинкиным и Михайловым, но счел ее лишь началом, так как *"...не только научная, а вообще широкая советская общественность серьезно дезориентирована в вопросах развития клеток, живого вещества и т.д."*. Я в своем выступлении, по-видимому, преждевременно призывал прекратить трату сил и времени на бесплодную полемику вокруг "новой клеточной теории" и направить усилия на экспериментальную разработку цитологических проблем, в чем мы очень отстали.

Профессор З.С. Кацнельсон, специально занимавшийся историей цитологии, разоблачил псевдопатриотов, приписывавших во главе с Макаровым создание клеточной теории вместо Теодора Шванна П.Ф. Горянинову. Он сказал: *"В действительности ни о каких клетках Горянинов понятия не имел"*.

На этом совещании защищать Лепешинскую в открытую уже никто не решался. Заседания Ленинградского отделения АГЭ имели огромное оздоровительное значение для науки не только в Ленинграде, но и в масштабе всей страны. Московские цитологи в эти годы сколько-нибудь значительной активности в борьбе с лепешинковской лженаукой не проявляли. Среди них многие увязли в живом веществе, и выбраться им из него по разным мотивам было не очень просто. Для некоторых крах "новой клеточной теории" был связан с потерей ведущего положения в науке, и они всячески пытались тормозить оздоровление биологии. На упомянутом 3-м заседании Общества АГЭ перед докладом Жинкина и Михайлова было зачитано присланное из Москвы пространное письмо профессора Студитского в ответ на посланные ему тезисы доклада. Студитский отвергал доводы Жинкина и Михайлова и в полном объеме защищал "новую клеточную теорию". Член-корреспондент АН СССР Г.К. Хрущов в книге "Достижения советской биологической науки" (1954) продолжал воспевать достижения Лепешинской. Цепко держался за эти позиции и заведующий кафедрой гистологии 1 Медицинского института в Москве В.Г. Елисеев.

Да и в Ленинграде имелось немало деятелей, которые утратили способность дышать чистым воздухом. В этом можно было убедиться на том же заседании АГЭ. Во время прений по докладу Жинкина и Михайлова произошел следующий эпизод. Анатом В.В. Куприянов спросил Жинкина: *"...как Вы относитесь к утверждению ряда ученых нашей страны - Аничкова, Абрикосова, Струкова (это действительно крупнейшие ученые нашей страны. - В.А.) - они считали, что не только концепция Лепешинской правильна, но и фактический материал безупречен, они об этом писали в*

газете «Медицинский работник»? Жинкин ответил: "Думаю, что признание такого рода явилось результатом тех ненормальных условий в науке, которые создались после 1948 г., и думаю, что здесь многие из ученых говорили не то, что думали (аплодисменты)". Ответ Жинкина сразу же вызвал окрик блюстителя нравов каждой данной эпохи (ведь дело было до XX и XXII съездов партии) председателя Всесоюзного общества АГЭ члена-корреспондента АМН СССР Д.А. Жданова: "Лев Николаевич, вероятно, оговорился, заявив, что такое, по его мнению, неправильное отношение к учению Лепешинской со стороны ряда видных ученых зависело от, якобы, ненормальной обстановки, в которой развивалась наша наука, начиная с 1948 г. Я думаю, что это заявление было опрометчиво и в заключительном слове профессор Жинкин уточнит то, что он думал". Осуждающую реплику Жданова поддержал в своем заключительном слове председатель собрания член-корреспондент АМН СССР Б.А. Долго-Собуров: "Я не согласен с замечанием Л.Н. Жинкина о каких-то неправильных путях нашей науки с 1948 г. ...историческая сессия ВАСХНИЛ помогла нам решительно искоренить идеи вейсманизма-морганизма... везде, где есть наши друзья за рубежом, там везде борются за торжество идей советской науки, потому что она самая передовая, самая прогрессивная наука в мире".

Пользуясь отсутствием запрета на критику Лепешинской, преодолевая сопротивление тех, кому было невыгодно крушение "новой клеточной теории", постепенно удавалось очищаться от насаждавшейся ею псевдонауки. Это находило отражение и в отношении к Лепешинской редакций, которые после 1950 г. беспрекословно печатали любой под-

сунутый ею вздор, а также в отношении аппарата АМН СССР к работе ее Отдела.

В начале 1955 г. Лепешинская совместно с Т.С. Павловой написала книгу "Опыты по применению живого вещества и соды на практике в медицине". Рукопись этой книги была направлена в Медицинское издательство. На рецензию она попала к В.П. Михайлову, который дал о ней резко отрицательный отзыв. Книга свет не увидела, заступиться уже было некому. В 1957 г. "Архив анатомии, гистологии и эмбриологии" после моей рецензии вернул Лепешинской и В.Г. Крюкову рукопись статьи "По поводу некоторых работ, пытающихся опровергнуть факты новообразования клеток из доклеточного вещества".

Как постепенно увядала слава Лепешинской, можно проследить по ежегодным отчетным сессиям АМН СССР. Напомню, что после триумфа Лепешинской на майском совещании 1950 г. ее скромная лаборатория в Институте экспериментальной биологии (ИЭБ) АМН СССР была преобразована в обширный отдел. Директором ИЭБ был профессор И.Н. Майский, который на пару с вице-президентом АМН СССР Н.Н. Жуковым-Вережниковым организовал продвижение Лепешинской в лидеры цитологии и учинял расправу с ее оппонентами. Уже в декабре 1953 г. на 8-й сессии АМН СССР Лепешинская жалуется, что создание ее отдела проходило неорганизованно, что комиссия, обследовавшая ее отдел, со своими результатами ее не ознакомила, что в отчете за 1953 г. среди достижений отдела отмечена лишь разработка нового метода киносъёмки куриных зародышей. На 9-й сессии в марте 1955 г. Лепешинская уже была вынуждена отбиваться от критики ее работ в печати, в частности от возражений В.П. Михайлова. На 11-й сессии АМН

СССР в апреле 1957 г. Лепешинская выступает с претензией: *"В отчете ничего не сказано по вопросу о живом веществе. Между тем это чрезвычайно важная проблема для всей нашей страны, для всего мира, имеющая практическое приложение в медицине и сельском хозяйстве"*. Эту цитату я извлек из "Вестника АМН СССР" (№3 за 1957 г.) из раздела прений по отчетному докладу академика-секретаря АМН СССР В.Ф.Тимакова. В "Вестнике" прения изложены в сокращенном виде. Профессор Ю.М. Васильев, присутствовавший на этой сессии, передал мне не попавшие в печать слова Лепешинской: она выразила удивление, что ни слова о ее работах не сказали присутствующие здесь авторитетные ученые академики Н.Н. Аничков, И.В. Давыдовский и др., которые еще недавно говорили о ее работах то-то и то-то, а теперь молчат. Этот ее демарш вызвал аплодисменты присутствующих. Все же в план работ ИЭБ на 1956-1960 гг. вошло *"...изучение роли живого вещества в развитии клеток и тканей"*. Однако в отчете работы ИЭБ за 1957 г. сказано: *"...недостаточно продуктивной была работа цитологической группы в Отделе развития живого вещества ..."*. В ноябре 1957 г. в "Медицинском работнике" было сообщено, что Отдел Лепешинской сокращается и вместо него остается лаборатория цитологии во главе с Лепешинской.

Чувства И.Н. Майского к Лепешинской явно охладели. В его совместной с М.С. Ломакиным статье, помещенной в "Вестнике АМН СССР" за 1959 г., хотя и имеется раздел "Проблемы регенерации и регуляции клеточного размножения", ни Лепешинская, ни живое вещество не упоминаются. Сведения о том, как изменилось отношение Майского к живому веществу, мы можем почерпнуть из письма дочери О.Б. Лепешинской Ольги Пантелеймоновны. Пись-

мо это она прислала в редакцию журнала "Знание - сила" в конце 1987 г. В нем она пишет: *"С единомышленниками О.Б. Лепешинской расправлялись административно: либо переходи на другую тематику, либо тебя уволят. Например, меня и В.Г. Крюкова (муж О.П. - В.А.) после смерти О.Б. Лепешинской (она умерла в 1963 г. -В.А.) директор Института экспериментальной биологии И.Н. Майский за нежелание отказаться от ее учения через 2 дня после разговора с нами уволил без предупреждения"*.

Откровенно говоря, понять Майского можно. Авторы "новой клеточной теории" утратили всякое чувство меры. В Сборнике трудов конференции Государственного казахского педагогического института, вышедшего в Алма-Ате в 1962 г., О.П. Лепешинская и В.Г. Крюков опубликовали 4 статьи. В одной из них, озаглавленной "Крахмальные зерна как возможный источник новообразования клеток эпидермиса в изолированной семядоле фасоли", авторы пишут: *"Особенно интенсивный переход крахмальных зерен в клетки наблюдался в местах возникновения каллюсов * ..."* (с. 139). В это время отвечать за подобную дикость, исходящую из руководимого им Института экспериментальной биологии АМН СССР и за причиняемый этим огромный вред, было уже опасно. Ведь чушь, проповедуемая столичными академическими учеными, на местах многими принималась всерьез. В том же сборнике находим статьи сотрудников Казахского педагогического института: З.А. Мукашев и Н.И. Суворов (кафедра философии и кафедры ботаники) "Философские вопросы новой клеточной теории"; В.И. Комарова и Н.И. Суворов (кафедра ботаники) "Преподавание новой клеточной теории в педагогическом институте".

* Каллюс - наплыв ткани на месте поражения растения.

Так со смертью О.Б. Лепешинской в 1963 г. был уничтожен основной очаг, распространявший по всей стране абсурдные идеи "новой клеточной теории" и вытекавшие из них бессмысленные практические рекомендации. Однако потребовалось еще немало времени и сил, чтобы ликвидировать все последствия многолетней вредоносной деятельности Ольги Борисовны Лепешинской. Эпопея Лепешинской иллюстрирует мысль, которую я высказал в последней своей монографии 1985 г. ("Реактивность клеток и белки"): *"Научные идеи не могут не стареть, не стареют лишь лженаучные - они гибнут, минуя фазу старения"* *.

* К сожалению, они иногда воскресают (*прим. ред.*).

Закат Лысенко

В предыдущих разделах записок было рассказано о том, как удалось избавиться от шарлатанства Бошьяна, на короткий срок вынырнувшего на поверхность лысенковской мути. Больше времени и усилий потребовало очищение биологии от "новой клеточной теории" Лепешинской, ставшей интегральной частью мичуринской биологии.

Монополия в физиологии К.М. Быкова (путь к которой проторила августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г., учрежденная совместной сессией АН СССР и АМН СССР в 1950 г.) и деятельность созданного тогда же инквизиторского "Научного совета по проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова" были сурово осуждены VIII Всесоюзным съездом физиологов в августе 1955 г. в Киеве. Вскоре "павловский совет" был ликвидирован. Затем последовал ряд мер, направленных к нормализации положения в физиологии. Из них наиболее существенной была организация в марте 1956 г. в Ленинграде Института эволюционной физиологии во главе с академиком

Л.А. Орбели, который несколько лет был главным объектом травли со стороны Быкова и его приспешников.

Значительно более трудной была борьба с самой лысенковщиной. Она растянулась на многие годы, поглотила массу сил, отвлекла истинных ученых, наделенных гражданской совестью, от созидательного научного труда. Задачей борьбы была ликвидация диктата Лысенко, изгнание из исследовательской и учебной сфер псевдомичуринской лженауки, очистка учреждений, ведающих наукой, от ставленников Лысенко и выведение биологии на путь нормального развития. Предстояла коренная "перестройка" в пределах одной науки. Ее масштаб несоизмерим с перестройкой всех сторон жизни страны, происходящей в наши дни.

Перестройка биологии в 50-70-е годы шла снизу и должна была преодолевать в первую очередь сопротивление высоких руководящих инстанций, теперешняя же перестройка страны, начатая сверху, проводится по инициативе самых высоких инстанций и часто натывается на сопротивление снизу. Несмотря на такие существенные различия, изучение борьбы на биологическом фронте выявляет черты, которые могут быть полезны для понимания того, что происходит в стране в настоящее время. Наличие сходных элементов в столь разных процессах предопределено в основном человеческой природой, представленной во все времена многообразием типов - от людей, способных на самопожертвование ради правого дела, до готовых пожертвовать любым общим делом ради собственного блага, от отважных до панически трусливых.

Борьба с лысенковщиной, начавшаяся с середины 30-х годов, шла непрерывно, но формы ее менялись в зависимости

от обстановки. На первых этапах шла открытая борьба на различных научных собраниях и в печати. Она уже тогда требовала от биологов мужества и готовности к жертвам, так как партийное и советское руководство стояло на защите набирающей силу мичуринской биологии, а сами лысенковцы на научную критику нередко отвечали политическими доносами, что во многих случаях приводило к арестам и физическому уничтожению

их оппонентов. После августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г., на которой мичуринская биология была объявлена платформой партии, а борьба с ней расценивалась как политическая оппозиция, открытая критика, устная или в печати, стала невозможной. Цензурный кордон был непреодолим. Так продолжалось до 1952 г., когда еще при жизни Сталина "Ботаническому журналу", как уже было сказано, неожиданно удалось пробить в нем брешь и опубликовать статьи Турбина и Иванова с резкой критикой измышлений Лысенко о зарождении одного вида в недрах другого.

Совершенно неоспоримо, что без вмешательства партийного руководства в спор биологов, сельскохозяйственных ученых и практиков с Лысенко никакая лысенковщина не могла бы состояться, так как антинаучность его "теоретических" построений в области физиологии растений, генетики и эволюции была очевидной; необоснованность его практических предложений своевременно выявилась бы, и их пагубное действие было бы предотвращено. Стало ясно, что победа в борьбе с Лысенко может быть одержана лишь в том случае, если удастся доказать партийному руководству ошибочность его позиции. На протяжении всего периода борьбы с лысенковщиной в этом направлении делались двоякого рода попытки. Во-первых, ученые не пере-

ставали обращаться с настойчивой просьбой к руководству партии и правительства принять представителей биологии для обсуждения положения, сложившегося в этой науке. Ни Сталин, ни Хрущев, ни Брежнев такой просьбы ни разу не уважили. Во-вторых, многие биологи писали в разные инстанции заявления, в которых приводили хорошо обоснованные доказательства огромного вреда, причиняемого стране Лысенко и его приспешниками. И эти послания оставались без ответов. Возникали сомнения, доходят ли они до адресатов, поэтому изыскивали различные окольные пути для вручения их высокопоставленным лицам, помимо официальных каналов. Так, например, известный генетик В.С. Кирпичников пытался доставить свое и А.А. Малиновского письмо Сталину через жену Молотова П.С. Жемчужину, Хрущеву - через М.А. Шолохова. Обе эти, как и другие, попытки оказались тщетными. Посылка донесений с критикой Лысенко, особенно при жизни Сталина, была далеко не безопасным делом.

Одним из наиболее неутомимых и отважных борцов за советскую биологию несомненно был генетик В.П. Эфроимсон. Его арестовывали дважды. В 1932 г. за участие в каком-то философском кружке он милостиво получил лишь трехгодичную ссылку. Во второй раз в 1949 г. он как "социально опасный элемент" был приговорен к 8 годам лагерей. Находясь в Дзержинском лагере, Эфроимсон в 1954 г. пишет заявление генеральному прокурору СССР. Причем он пишет вовсе не о пересмотре своего дела, а просит прокурора вызвать его для дачи показаний по делу государственной важности о вредительстве в сельском хозяйстве во всесоюзном масштабе. До его освобождения в 1955 г. реакции на эту просьбу не последовало, но в июле того же года он был приглашен к заместителю генерально-

го прокурора Салину. Эфроимсон вручил ему рукопись на 140 страницах, где было показано, как деятельность Лысенко подрывает сельское хозяйство страны, какой урон нанесен советской науке. После ознакомления с документом Эфроимсону ответили, что состава преступления в деятельности Лысенко не усматривается. Это не охладило Эфроимсона, он продолжал разоблачать Лысенко, посылая заявления в директивные органы и используя при любой возможности открытую печать *.

* Рукопись Эфроимсона "О Лысенко и лысенковщине", представленная в 1955 г. в прокуратуру СССР, лишь в 1989 г. начала публиковаться в журнале "Вопросы истории естествознания и техники". Этот документ, насыщенный непроверяемыми, убийственными для лысенковщины фактами, показывает абсолютную глухоту официальных инстанций того времени к какой бы то ни было критике Лысенко.

В попытках открыть глаза руководству партии и правительства на то, к чему приводит монополия Лысенко в биологии и сельскохозяйственной практике, особое место занимает деятельность профессора А.А. Любищева, человека удивительных моральных и интеллектуальных качеств. Его узкой специальностью была сельскохозяйственная энтомология, однако широта интересов, феноменальная трудоспособность (см. повесть о Любищеве Д.А. Гранина "Эта странная жизнь"), огромная эрудиция, острый критический ум дали ему возможность внести много ценного в понимание не только ряда биологических проблем, но и вопросов, далеко выходящих за пределы естественных наук. К сожалению, очень многое из написанного Любищевым до настоящего времени еще не увидело свет. С 1953 г. он, отложив другие дела, садится за большой труд, в котором дает критический разбор идейных позиций и практических предложений Лысенко, основанный на глубоком знании фактов, связанных с разрушительным действием этих

предложений. Созданная им рукопись "Монополия Лысенко в биологии" состоит из пяти больших глав. По мере их написания законченные главы и отдельные статьи на эти же темы Любищев отсылает в ЦК КПСС, в Министерство сельского хозяйства, в редакции центральных газет и отдельным лицам. Служебное положение Любищева в это время - заведующий кафедрой зоологии Ульяновского педагогического института, с 1955 года - пенсионер.

Направляя свои записки в сельскохозяйственный отдел ЦК, Любищев общается с инструктором отдела В.П. Орловым, и между ними с 1956 г. затевается удивительная переписка, в которой Любищев пытается переубедить Орлова, честного работника, озабоченного тяжелым состоянием нашего сельского хозяйства, но искренне верящего в непогрешимость всех указаний, исходящих из высших инстанций. Орлов внимательно относится к письмам Любищева, многие из которых представляют собой обширные трактаты по разным вопросам сельскохозяйственной практики. Приведу отрывки из их эпистолярной полемики.

Из письма Орлова от 19 ноября 1957 г.:

"Как же можно говорить Вам, высокообразованному человеку, о том, что помехой в развитии сельхознауки является партия? Да разве здравомыслящий человек может согласиться с Вами? Конечно, нет! Партия никому науку не дает на откуп, она стояла, стоит и будет стоять во главе ее, партия - наука... И если Вы видите мой недостаток в том, что я «являюсь выразителем того мнения, что партия может с успехом вмешиваться в научные вопросы», то еще раз: партия наша - это наука, и они между собой неразделимы. Наука - классовая... Я исключаю спор

на эту тему между нами... ибо эта истина не требует каких-либо доказательств для коммуниста-ленинца... Наша сельхознаука - передовая в мире, лучшие ее нет".

Это письмо Орлов заканчивает так:

"На Вашей совести лежит решение - продолжать ли нам дальше переписку или «прекратить ее, как бесполезную». К последней оценке я, конечно, не присоединяюсь".

На эту железобетонную позицию Орлова, точно отражавшую официальные установки того времени, Любищев ответил в длинном письме от 28 ноября 1957 г. Вот выдержки из него:

"Утверждение «партия - это наука» напоминает старое изречение Людовика XIV: «Государство - это я». Как известно, наука существует уже несколько тысяч лет, партия же около пятидесяти... Точные науки все время развивались в тесном контакте стран с самой различной идеологией и никакого влияния партии на свое развитие не ощущали. Классовым является употребление науки, а не сама наука... в таком вопросе, как влияние удобрений на поля, классовый элемент отсутствует... Я к партии сыновьих чувств не питаю, хотя был момент во время гражданской войны, когда я чуть-чуть не вступил в партию. Я питаю сыновьи чувства к более длительным организациям: России, общечеловеческой культуре и всему человечеству".

Завершая письмо, Любищев отвечает на концовку Орлова:

"Продолжать опровергать письма, подобные Вашему последнему письму, действительно пустая трата времени. Если я на нее пошел, то только потому, что в Вас я вижу некоторую щель в башне из слоновой кости, и через эту щель я и хочу пропустить мою цидулу".

Переписка не прервалась, она продолжалась до конца 1971 г. Если в начале переписки Орлов твердо отстаивает свои позиции, то в дальнейшем он явно поддается влиянию

логики, фактической аргументации и бескомпромиссной, смелой, ничем не маскируемой идеологии Любищева. Тон писем был взаимно уважительным, и Орлов неоднократно обращался к Любищеву как к своему учителю. Новосибирский журнал "ЭКО" сделал доброе дело, опубликовав во 2-м и 3-м номерах за 1988 г. материалы этой интереснейшей переписки, подготовленные Р.Г. Баранцевым и М.Д. Голубовским. Озаглавлены они словами из одного письма Любищева - *"Неприлично молчание мне..."*.

Многие послания, адресуемые власть предержащим инстанциям, тиражировались самиздатовским способом. Так как пользоваться этой литературой и хранить ее было далеко не безопасно, она расходилась преимущественно среди единомышленников и тем самым в значительной мере уподоблялась агитации о вреде табака среди некурящих. Лысенковская эпопея породила расходившуюся по рукам сатирическую литературу в прозе и стихах. Большой популярностью пользовались едкие остроумные поэмы одесского зоолога профессора И.И. Пузанова.

Новый этап в борьбе за биологию наступил в 1952 г., когда был снят запрет на публикацию в научных журналах статей с критикой мичуринской биологии. Этим широко воспользовались в первую очередь "Ботанический журнал" и "Бюллетень Московского общества испытателей природы (МОИП)". Главным редактором обоих журналов был академик В.Н. Сукачев. Ему, а также заместителю главного редактора "Ботанического журнала" члену-корреспонденту АН СССР Е.М. Лавренко и директору Ботанического института АН СССР члену-корреспонденту АН СССР П.А. Баранову многим обязана наша биология, боровшаяся за свое очищение от лженауки. На страницы этих журналов хлынули ста-

ты с критикой разных сторон лысенковской теории и практики. Лишь в 1953 г. в "Ботаническом журнале" было опубликовано 20 таких статей. В этом деле большую помощь оказывал инструктор Отдела науки ЦК КПСС А.М. Смирнов, по специальности физиолог растений. Особенно активное участие в разоблачении лысенковщины на страницах "Ботанического журнала" принимали сотрудники Ботанического института АН СССР во главе с Барановым. Институт превратился в "антилысенковское гнездо", за что и стал мишенью для разных обследующих комиссий. Сторонники лысенковского лагеря, в свою очередь, в разных газетах и журналах обрушивались на своих критиков в присущем им стиле.

Но вот 5 марта 1953 г. умер Сталин. Это событие одни восприняли как величайшее горе - не стало "отца родного, вождя всего передового человечества, корифея всех наук", в других это вселило надежду на избавление от кровавой тирании. Однако все с глубокой тревогой ждали, что же будет дальше. Ждали и биологи, не зная, как новое партийное руководство отнесется к тому, что делалось в нашей науке. Если судить по страницам авторитетных органов ЦК КПСС - газеты "Правда" и журнала "Коммунист", то первые знаменья были благоприятными.

В передовой статье "Правды" от 16 июня 1953 г. президиум ВАСХНИЛ, возглавляемый Лысенко, обвинялся в слабом руководстве научно-исследовательскими институтами и опытными станциями; в "Правде" от 13 апреля 1954 г. в статье профессора В.И. Эдельштейна "Насущные задачи науки в борьбе за высокие урожаи овощей" имя Лысенко не упоминается. Раньше такого быть не могло. В "Правде" от 21 августа 1954 г. публикуется статья академика

Н.В. Цицина с критикой повсеместного применения травопольной системы Вильямса, широко пропагандируемой Лысенко.

В журнале "Коммунист" (1954. №5) передовая статья прямо нацелена против монополии Лысенко: *"Монополизация науки приводит к тому, что творческое обсуждение вопросов подменяется администрированием, отсекаются инакомыслящие, глушится живая научная мысль. Это проявилось, например, во Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина"*. Далее в передовице сообщается, что после опубликования в "Ботаническом журнале" статьи Турбина с критикой Лысенко журнал "Успехи современной биологии" и "Журнал общей биологии" поместили статьи Студитского и Нуждина, *"в которых вместо делового обсуждения вопросов, поднятых тов. Турбиным, ему приклеили ярлыки вейсманиста-морганиста, вульгаризатора марксизма-ленинизма и т.д. и т.п."*

Читая подобное осуждение лысенковщины на страницах органа ЦК КПСС и сообщение о том, что Февральско-мартовский пленум ЦК КПСС подверг *"острой критике проявление догматизма в сельскохозяйственной науке"*, все мы были уверены, что высшее партийное руководство круто изменило свое отношение к Лысенко. Появилась надежда, что с лысенковщиной в скором времени будет покончено. Этот оптимизм подкреплялся эпизодом, который произвел в то время большое впечатление на биологов. В "Правде" от 26 марта 1954 г. появилось письмо профессора Московского университета С.С. Станкова, написанное по совету А.М. Смирнова, к которому он обратился за помощью.

Вот суть дела, изложенная в "Правде". Станкову прислали на рецензию диссертацию докторанта Института генетики АН СССР (директор Лысенко) В.С. Дмитриева, посвященную порождению культурными растениями своих собственных сорняков: коостер порождается рожью, овсюг - овсом, подсолнечная заразица - подсолнечником и т.д. Станков дал отрицательный отзыв. Экспертная комиссия вернула Дмитриеву его диссертацию "на доработку", а президиум ВАКа 13 февраля ее отклонил. 20 февраля собрался пленум ВАКа, на котором Лысенко решительно взял под защиту своего докторанта. Его поддержали некоторые участники пленума, в том числе и академик А.И. Опарин.

В результате пленум решил присудить Дмитриеву степень доктора биологических наук. Последняя фраза письма Станкова: *"Ведь то, о чем я сообщаю в этом письме, нельзя рассматривать иначе, как глумление над советской наукой"*. Результат: пленум ВАКа вновь рассмотрел дело Дмитриева и отменил свое прежнее решение.

В это же время в разных научных журналах продолжают публиковаться десятки статей, вскрывающих антинаучность лысенковских догм, безграмотность в постановке опытов, несостоятельность практических рекомендаций. В ряде случаев выявляется прямая фальсификация данных. Если в начале критика была направлена главным образом на вздорные публикации о зарождении одного вида в недрах другого и на извращение дарвинизма, то вскоре последовала критика остальных разделов мичуринской биологии.

В отрицании лысенковцами роли генов и хромосом в передаче наследственных свойств центральное место занимала

так называемая вегетативная гибридизация, о которой говорил Лысенко в своей речи на августовской сессии 1948 г. Главный лысенковский генетик Н.И. Фейгинсон в книге "Корпускулярная генетика" (1963) пишет: *"...исключительное значение имеют результаты экспериментов по вегетативной гибридизации, которые показывают, что передача наследственных признаков и свойств может осуществляться через пластические вещества, без участия ядра"* (с. 29).

Основным деятелем по вегетативной гибридизации был ближайший соратник Лысенко И.Е. Глущенко. Вегетативной гибридизацией лысенковцы называли якобы существующую при прививках растений передачу от подвоя к привою признаков, которые затем наследуются семенными потомками привоя без проникновения в клетки привоя хромосом подвоя. Признавалась также и обратная наследуемая передача признаков, от привоя к подвою. Считалось, что с помощью вегетативной гибридизации можно выводить новые сорта растений - так же, как путем полового скрещивания. Глущенко ставил опыты преимущественно на разных видах и сортах томатов. Возможность изменения свойств привоя или подвоя под влиянием проникающих в их клетки продуктов обмена веществ от партнера прививки была широко известна. Однако передача приобретенных таким путем свойств семенным потомкам с позиций классической генетики непредставима.

В том же Институте генетики, где трудился Глущенко, в конце 30-х годов, еще при Н.И. Вавилове, работал известный генетик Ю.Я. Керкис. Он также ставил опыты по вегетативной гибридизации томатов, но получал четкие отрицательные результаты, за что и был изгнан Лысенко из Ин-

ститута. В своих воспоминаниях, посмертно опубликованных в журнале "Природа" (№ 5 за 1988 г.), Керкис изобличает Глущенко в грубом подлоге. Глущенко в своей книге "Вегетативная гибридизация растений" (1948) поместил фотографию, взятую у Керкиса. На ней снята кисть привоя томата с пятью плодами, из которых два изменены под влиянием подвоя. Глущенко же под этим снимком (рис. 53) дал подпись: *"Растение пятого семенного поколения от прививки томата Гумберт на синий баклажан Деликатес"*.

Обширные работы по проверке опытов Глущенко были предприняты президентом Академии сельскохозяйственных наук ГДР Гансом Штуббе. Результаты работ, проведенных на многих тысячах растений томатов, ни в одном случае не выявили передачу приобретенных привоем признаков его семенным потомкам. В ГДР итоги этих исследований были опубликованы в 1954 г., а в 1955 г. Д.В. Лебедев изложил их в №4 "Ботанического журнала" и привел вывод Штуббе: *"Исследования по проблеме вегетативной гибридизации растений, проведенные на большом материале в течение длительного времени, не дали никаких доказательств существования этого явления"*. Такие же отрицательные результаты были получены другим немецким генетиком, Г. Беме, а также учеными Венгрии, Чехословакии, Польши, Англии.

К 1955 г. сложилась следующая обстановка. В "Ботаническом журнале", в "Бюллетене МОИП" и в некоторых других научных изданиях публикуются десятки статей крупных специалистов, вскрывающих антинаучность теоретических построений Лысенко и показывающих, какой огромный урон приносит насильственное внедрение его не-

обоснованных практических предложений. На различных собраниях и совещаниях многие биологи и практики выступают с жесткой критикой лысенковщины. В руководящие партийные и правительственные инстанции продолжают поступать заявления с требованиями покончить с монополией Лысенко в биологии и сельскохозяйственной науке и практике.

Однако, несмотря на все это, никаких существенных перемен в реальной действительности не происходит. Из печатных органов ЦК КПСС критика деятельности Лысенко вскоре исчезла. Вновь начали появляться статьи во здравие. В "Правде" от 17 января 1955 г. академик К.И. Скрябин пишет: "Наша сельскохозяйственная наука развивается теперь на единственно правильной - материалистической основе путем творческого развития учения И.В. Мичурина и И.П. Павлова". В постановлении Январского пленума ЦК КПСС 1955 г. указано: *"Учитывая, что посе́вы кукурузы гибридными семенами являются мощным средством повышения урожайности, организовать производство этих семян с тем, чтобы в ближайшие два-три года перейти на посев только гибридными семенами"*.

Речь идет о пропагандируемом Лысенко использовании межсортовых гибридов. Этот метод, бессмысленный с точки зрения генетики, но вытекающий из лысенковских представлений о "жизненности", приносил лишь вред. Однако Лысенко его противопоставлял американскому методу посева кукурузы семенами от двойных гибридов самоопыленных линий, который действительно повышал урожай на 25-30%. В апрельском номере "Правды" и майском номере "Известий" за этот же год были помещены большие статьи Лысенко и Глущенко, где в связи с хрущевским кукуруз-

ным бумом они ратовали за свой метод межсортовых гибридов.

В №3 биологической серии "Известий АН СССР" за 1955 г. был помещен доклад академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР А.И. Опарина. В нем глава академических биологов отчитывается за работу биологических учреждений АН СССР, выполненную в 1954 г., и пишет:

"Августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. и объединенная сессия АН СССР и АМН СССР оказали огромное влияние на развитие советской биологической науки. Они явились поворотным моментом, после которого все разделы биологии в нашей стране стали развиваться на основе материалистических принципов мичуринской биологии и павловской физиологии... Наш долг и в дальнейшем оберегать биологическую науку от влияния чуждых нам реакционных концепций морганизма и витализма" (с. 3).

Лысенко продолжает возглавлять ВАСХНИЛ и Институт генетики АН СССР. Его ставленники в исследовательских институтах и учебных заведениях, заменившие на руководящих постах представителей настоящей науки, остаются на своих местах. В подавляющем большинстве это люди безграмотные или беспринципные, а чаще совмещающие оба этих качества. Изгоняя неугодных сотрудников, они заполняли штаты кадрами, подобранными по своему образу и подобию.

Во многих лабораториях продолжали вести бессмысленные работы вроде порождения одного вида в недрах другого; в лаборатории Лепешинской рядом с вертящимся диском электростатической машины ставился стакан с молоком в

надежде обнаружить в нем зарождение жизни и т. д. Продолжался обман государства на полях страны. В вузах и школах вместо биологических наук в головы молодого поколения внедрялась чудовищная смесь измышлений под названием мичуринской биологии. От них напрочь скрывались огромные успехи, которые в разных областях биологии достигла зарубежная наука. Во многих исследовательских институтах и учебных заведениях продолжали наказывать выступавших против догм мичуринской биологии.

В 1955 г. исполнилось 100 лет со дня рождения И.В. Мичурина. К этому событию энергично готовились. Главным докладчиком был намечен Лысенко. С протестом против этого П.А. Баранов обратился в ЦК КПСС. Были основания опасаться, что мичуринские торжества выльются в новое торжество лысенковщины. В противовес этому по инициативе того же Баранова "Ботанический журнал" и "Бюллетень МОИП" опубликовали статьи, посвященные взаимоотношениям И.В. Мичурина с только что реабилитированным Н.И. Вавиловым.

В то время как наша биология, пораженная лысенковским маразмом, находилась в состоянии тяжелого кризиса, "загнивающая буржуазная" наука невиданными темпами приближалась к раскрытию молекулярных механизмов двух самых кардинальных биологических процессов: наследственной передачи признаков и синтеза белка. Стало ясно, что суть наследственной передачи состоит в обеспечении нового организма способностью воссоздавать, когда это нужно, все сорта белков, присущих особям данного вида. Это осуществляется по прописи, заложенной в оплодотворенной яйцеклетке, дающей начало организму. Каждый сорт белка, а их десятки тысяч, состоит из полипептидной

цепочки, составленной из множества аминокислот. Имеется 20 разных аминокислот, и они в каждом белке содержатся в определенном количестве и нанизаны в совершенно определенной уникальной последовательности. К этому времени было уже окончательно доказано, что материальным носителем этой прописи, или генетической информации, является дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК), сосредоточенная в хромосомах ядра. В 1953 г. Уотсон и Крик расшифровали молекулярную структуру ДНК, и этим был открыт путь к выяснению структуры генов, к вскрытию механизмов их самовоспроизведения и их предопределяющего влияния на синтез белков.

Лысенко же и его единомышленники продолжали категорически отрицать существование генов и вообще каких бы то ни было специальных материальных основ наследственности. В 1955 г. выходит книга Н.И. Фейгинсона "Основные вопросы мичуринской генетики" тиражом 10 000, на 19-й странице которой читаем: *"Будучи построена на ненаучной основе, хромосомная теория наследственности опровергнута данными мичуринской генетики"*. Эта книга подверглась в 1956 г. разгромной критике в "Вестнике ЛГУ" Д.В. Лебедевым, М.С. Навашиным, Ю.М. Оленовым и на страницах "Бюллетеня МОИП" Б.Н. Васиным, Т.К. Лепиным и В.П. Эфроимсоном. Закрывая свою обстоятельную статью, последние авторы писали: *"Надо высказать глубокое сожаление по поводу того, что книга, написанная в основном на уровне знаний прошлого века, заполненная заведомо искаженным изложением современной генетики и подтасованными, неверными данными, издана Московским университетом"* (с. 105). Однако комиссия в составе трех почтенных профессоров (М.П. Наумов, М.В. Горленко, В.В. Попов) и одного доцента Московского

университета, ознакомившись с этими статьями и другими критическими выступлениями, в своем заключении о книге Фейгинсона пишет: *"1) Она написана с позиций партийности в науке, в борьбе за материалистическую генетику против идеалистических извращений в генетике; 2) В ней дано изложение важнейших теоретических положений и практических достижений мичуринской генетики"*. Указав на ряд "существенных" недостатков книги, комиссия МГУ советует при ее переиздании все эти недостатки устранить. Этот эпизод дает хорошее представление о той научной атмосфере, которой дышали на биолого-почвенном факультете МГУ в середине 50-х годов.

За рубежом вошли в научный обиход новые методы исследования, которые у нас почти не применялись: электронная микроскопия, различные способы использования радиоактивных изотопов в биохимии и цитологии, рентгеноструктурный анализ и т.д. Они давали возможность проникнуть в ранее недоступные области биологии.

Удивительные достижения зарубежной биологии - результат создания совместными усилиями физиков, химиков и биологов новой отрасли науки - молекулярной биологии. А у нас в Одесском университете в актовом зале 7 апреля 1956 г. академик Лысенко в своей лекции возвещает: *"Наследственность - это дело биологов, а не химика, хороший химик не будет биологическую сущность выражать химическим языком - он будет понимать, что биология это не химия и не физика. Каждый человек чувствует, что в чужие разделы науки - носа не совать!"*.

Было ясно, что нашей биологии грозило полное одичание. Изменить положение могло лишь энергичное вмешательств-

во руководящих инстанций. Вместе с тем ни открытая критика в печати и в устных выступлениях, ни письма отдельных ученых, адресованные верхам, сколько-нибудь существенных результатов не давали. Стало очевидно, что необходимо предпринять какие-то экстраординарные действия.

В те времена считалось патриотичным направлять властям коллективные обращения в поддержку проводимых мероприятий, с поздравлениями, с вызовом на соцсоревнование, с требованием суровых наказаний находящимся под судом "врагам народа" и т.д. Коллективные же послания, содержащие критику происходящего до того, как это было сделано властями, решительно осуждались. Подозревалось, что за таким посланием может скрываться какая-то оппозиционно настроенная группировка. Исходя из этого по инициативе сотрудника Ботанического института АН СССР члена КПСС Д.В. Лебедева было решено попытаться впечатлить партийное руководство, направив в Президиум ЦК КПСС подробный обвинительный акт против Лысенко, собрав под ним как можно больше подписей, по возможности наиболее крупных ученых. Авторами этого акта были Лебедев, опальный генетик член КПСС Ю.М. Оленов и я - беспартийный. Писание втроем такого ответственного документа - дело трудное. Мы ожесточенно между собой спорили, советовались с друзьями, многократно переделывали, но в конце концов создали послание объемом в 21 машинописную страницу.

В документе было охарактеризовано положение в нашей биологии, показан неисчислимый вред от внедрения в практику лысенковских сельскохозяйственных мероприятий и от препятствий, чинимых им в использовании достижений современной генетики, апробированных мировой

практикой. В частности, мы привели американские данные о том, что использование семян от гибридизации самоопылявшихся линий кукурузы повысило за несколько лет урожай на сумму, покрывшую расходы по разработке атомной бомбы. Хотя у нас работы по применению этого метода благодаря инициативе Н.И. Вавилова проводились еще в начале 30-х годов, усилиями лысенковцев их полностью ликвидировали, так как они не укладывались в теоретические построения мичуринской биологии. Кроме того, мы показали, как лысенковцы, прикрываясь именем Мичурина, извратили учение об эволюции органического мира и под названием творческого дарвинизма создали свои догмы, несовместимые с учением Дарвина. Показали также, что лысенковцами отвергнута целая наука генетика, которую они заменили измышлениями, не имеющими ничего общего с действительностью. Далее мы продемонстрировали, как деятельность лысенковцев питает зарубежную антисоветскую пропаганду.

Документ завершался перечислением следующих особенно важных мероприятий, которые необходимо предпринять для нормализации положения в нашей науке и сельском хозяйстве.

"1. Гласное заявление руководящих организаций, что взгляды Т.Д. Лысенко, высказанные им в докладе на августовской сессии ВАСХНИЛ, являются его личными взглядами, а не директивой партии.

2. Восстановление в СССР современного дарвинизма, генетики и цитологии - как в селекционной и научно-исследовательской работе, так и в преподавании в вузах и средней школе.

3. Подготовка кадров, владеющих современными методами биологического исследования, особенно в области генетики и цитологии, в таких масштабах, которые обеспечивают скорейшее преодоление нашего отставания от мировой науки.

4. Смена руководства ВАСХНИЛ и превращение ВАСХНИЛ в действительно научное коллегиально управляемое учреждение.

5. Смена руководства Отделения биологических наук АН СССР и Института генетики АН СССР.

6. Пересмотр состава редакционных коллегий биологических и сельскохозяйственных журналов, а также биологической редакции "Большой Советской Энциклопедии" *.

В конце нашего заявления * было написано: "С чувством боли и горечи подписываем мы этот документ о состоянии советской биологии. Однако еще сильнее чувство нашей ответственности перед советским народом и Коммунистической партией, которым мы обязаны сказать всю правду..."

* Текст этого документа в несколько сокращенном виде был опубликован в газете "Правда" 13 января 1989 г. Разъяснения к нему даны в "Правде" от 27 января 1989 г. в статье "Это было «Письмо трехсот»".

После окончания работы над текстом предстояло начать сбор подписей. Коллективное подписание документов - процесс сугубо кооперативный (о научном значении этого термина смотри сноску). Приведу пример, сообщенный мне академиком Б.Л. Астауровым. В начале 60-х годов академику Х была направлена на подпись бумага, касавшаяся наших многострадальных биологических дел. Академик категорически отказался подписать этот документ. Через

несколько дней по недоразумению ему опять принесли ту же бумагу, но на ней уже стояли подписи В.А. Энгельгардта и Астаурова. Увидя их, академик подмахнул ее без всяких разговоров. Большое значение имел тот факт, что первыми подписали те лица, имена которых могли стимулировать к подписанию остальных товарищей. Первым подписался член-корреспондент АН СССР директор Ботанического института АН СССР член КПСС П.А. Баранов, вторым - член-корреспондент АН СССР и действительный член АМН СССР Д.Н. Насонов, третьим - секретарь парторганизации Зоологического института доктор биологических наук А.С. Трошин. Это предопределило успех нашей кампании по сбору подписей, число которых перекрыло все наши ожидания и дошло до 297. Подписали крупнейшие биологи Ленинграда, Москвы и некоторых других городов. Среди них академики и члены-корреспонденты АН СССР, действительные члены и члены-корреспонденты ВАСХНИЛ и АМН СССР, секретари парторганизаций ряда биологических учреждений.

Мы редко наталкивались на отказ в подписи. Среди подписавших было немало лиц, которые еще недавно активно участвовали в насаждении мичуринской биологии. Был случай, когда профессор, подписавший наш документ, через несколько дней спохватился и попросил вычеркнуть его фамилию. Просьбу его уважили, однако секрета из этого не сделали.

На протяжении всех лет борьбы с лысенковщиной с большим сочувствием к нашей беде относился ряд выдающихся физиков, химиков и математиков. Они охотно согласились приложить в поддержку к нашему документу краткое заявление, в котором, в частности, было написано:

"Естествознание едино, и то тяжелое положение, в котором в течение многих лет находится советская биология, сказывается отрицательно на смежных дисциплинах и на общем уровне науки в целом. Огромный ущерб нанесен международному престижу советской науки".

Это заявление подписали 24 ученых, из них 13 академиков АН СССР, 8 членов-корреспондентов АН СССР и 3 доктора наук, в том числе П.Л. Капица, А.Д. Сахаров, И.Е. Тамм, Л.Д. Ландау, Я.Б. Зельдович, Г.Н. Флеров и другие. По инициативе А.А. Ляпунова и С.Л. Соболева 13 крупнейших математиков страны также направили в ЦК КПСС краткое письмо с протестом против лысенковской монополии.

Осенью 1955 г. сбор подписей был окончен и документы передали в Президиум ЦК КПСС. Это был беспрецедентный случай обращения в высшую партийную инстанцию массового протеста против того, что происходит в стране при участии и поощрении партии и правительства. Если при Сталине это кончилось бы лишь жестокими репрессиями против подписавших, то при хрущевском режиме мы рассчитывали на то, что подобная акция заставит руководителей страны коренным образом пересмотреть свое отношение к Лысенко с его мичуринской биологией и побудит их предпринять действенные меры для нормализации положения в нашей биологии.

К сожалению, результат нашего протеста был более скромным. В сущности из шести наших требований он коснулся лишь двух. Через некоторое время Лысенко все же покинул пост президента ВАСХНИЛ. Однако это положение дел ничуть не меняло, так как его место занял П.П. Лобанов, ярый лысенковец, чиновник, не имевший отношения к биологии. Это он председательствовал на августовской сессии

ВАСХНИЛ, сокрушившей в 1948 г. нашу биологию. На президентском посту Лобанов сидел с 1956 по 1961 г., делая все возможное для сохранения лысенковской империи, а вернувшись в президентское кресло, которое он занимал с 1965 по 1978 г., ничем не способствовал оздоровлению науки.

Действительно полезным результатом нашего протеста была замена на посту академика-секретаря А.И. Опарина (о его позорной деятельности неоднократно упоминалось в данных записках) крупным ученым биохимиком В.А. Энгельгардтом, не запятнавшим себя сотрудничеством с Лысенко. По-видимому, в значительной степени благодаря нашему коллективному протесту во второй половине 50-х годов удалось добиться осуществления ряда мероприятий, имевших существенное значение для возобновления нормальной исследовательской работы в погрязших разделах биологии. Несомненно, положительный результат нашего действия состоял в консолидации антилысенковских сил, в активизации помощи со стороны физиков, химиков и математиков и показе директивным органам, какой мощный слой ученых противостоит лысенковскому стану.

После нашего демарша в Президиум ЦК КПСС поступило еще одно коллективное заявление с критикой деятельности Лысенко как президента ВАСХНИЛ, с разоблачением бесплодности его системы органо-минеральных удобрений и ошибочности ее теоретического обоснования. Заявление подписали 26 крупных агрохимиков, почвоведов и агрономов.

Индивидуальные и коллективные протесты, поток статей в научных журналах с критикой Лысенко и его приспешни-

ков, информация о достижениях зарубежной биологии, по-видимому, изменили отношение официальных инстанций к генетике, но при этом, как ни странно, их отношение к лысенковщине осталось неизменным.

Чем же объяснить глухоту руководящих партийных и правительственных органов, не слышащих или не желающих слышать голоса сотен ученых и практиков, призывающих понять, в каком катастрофическом положении оказались наша биология, сельскохозяйственная наука и практика в результате бесконтрольной, вредоносной деятельности Лысенко?

Чтобы понять это, следует вернуться на полтора года назад. Мы видели, что весной 1954 г., как и весной 1948 г., обстановка для Лысенко складывалась неблагоприятно. Но и на этот раз он проявил свой незаурядный талант очковтирателя-афериста. Летом 1954 г. ему удалось организовать посещение первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым экспериментального хозяйства ВАСХНИЛ "Горки Ленинские". Здесь сотрудники Лысенко на полях и фермах осуществляли идеи своего руководителя. Этот визит произвел на Хрущева огромное и необратимое впечатление. Он неоднократно вспоминал о нем в своих речах на совещаниях работников сельского хозяйства разных районов нашей страны, где его постоянно сопровождал Лысенко. 8 апреля 1957 г. в Горьком Хрущев говорил:

"...три года назад я был в «Горках Ленинских». Тов. Лысенко показывал мне поля, на которых были заложены опыты с органо-минеральными смесями. Мы много ходили по полям, я видел поразительные результаты..."

Из речи к работникам нечерноземной зоны 30 марта 1957 г.:

"Года три назад я был в экспериментальном хозяйстве, где Т.Д. Лысенко показывал мне посевы на полях, удобренных по новому методу. И я знаю, что он не подведет, потому что за плохое не возьмется. Я считаю, что мало кто из ученых так понимает землю, как товарищ Лысенко (аплодисменты)".

3 апреля, во время этого же турне, в Воронеже Хрущев говорит работникам сельского хозяйства:

*"Академик Лысенко рассказывает, что у него в экспериментальном хозяйстве есть коровы, которые при скрещивании с быком джерсейской породы дают молоко жирностью в 6 процентов. Вот каких коров нам нужно разводить!" **

Посещение Хрущевым "Горок Ленинских", по-видимому, круто изменило отношение партийного руководства к Лысенко. Во всяком случае прямые упреки в его адрес со страниц органов ЦК исчезли.

* Как организовывалась и во что обходилась показуха, созданная в "Горках Ленинских", будет видно дальше, из рассказа о ревизии этого хозяйства в 1965 г.

Публикация в "Правде" в 1954 г. письма Станкова против Дмитриева была сделана по указанию Хрущева, но до его визита в "Горки Ленинские". Кроме того, здесь вообще не было связи с отношением Хрущева к идеям Лысенко о порождении одного вида в недрах другого. Подоплека была совсем иная. Дмитриев до прихода Хрущева к высшей власти был начальником Управления планирования сельского хозяйства Госплана СССР. Когда Хрущев работал первым секретарем Коммунистической партии Украины, у него сложились конфликтные отношения с Дмитриевым по вопросам планирования сельского хозяйства. Став первым секретарем ЦК КПСС, Хрущев отстранил Дмитриева от работы в Госплане, и его приютил Лысенко в Институте гене-

тики, где ему изготовили докторскую диссертацию. Когда письмо Станкова попало на стол Хрущева, он с удовольствием дал ему ход. Ввиду персонального мотива история Дмитриева не отразилась на отношении Хрущева к лысенковской науке.

11 июля 1962 г. состоялся второй визит Хрущева в "Горки Ленинские". Его сопровождали члены Президиума ЦК КПСС и представители Совета Министров. И на этот раз впечатления его были восторженные. "Правда" от 12 июля сообщает:

"В ходе беседы Н.С. Хрущев отметил, что крупные достижения мичуринской биологической науки в области создания высокоурожайных сортов пшеницы, кукурузы, подсолнечника, сахарной свеклы, гороха, бобов и других культур, выведения высокопродуктивного и жирномолочного скота должны стать достоянием всех совхозов и колхозов страны".

Хрущев высоко оценил результаты гнездовых посадок деревьев, многократно отвергнутые практиками-лесоводами (см., например, статью В.Я. Колданова в журнале "Лесное хозяйство". 1954. №3).

Зять Хрущева А.И. Аджубей в мемуарах, опубликованных в июльском номере "Знамени" за 1988 г., дает интересные сведения об отношении Хрущева к Лысенко. Однажды на дачу к Хрущеву приехал И.В. Курчатов, которого он очень ценил. На этот раз их длительная беседа кончилась раздором. После ухода обиженного Курчатова Хрущев мрачно сказал: *"Борода (так называли Курчатова. - В.А.) лезет не в свое дело. Физик, а пришел ходатайствовать за генетиков. Чертовщина какая-то, нам хлеб нужен, а они мух разво-*

дят". Попытки членов семьи поддержать Курчатова после его ухода *"вывели Хрущева из равновесия"*.

Таким образом, Хрущев безоговорочно уверовал в Лысенко, в то, что предлагаемые им мероприятия в ближайшее время подымут наше больное сельское хозяйство, и никакие доводы не могли его сдвинуть с этой позиции. Он знал, что многие ученые и практики решительно протестуют против лысенковских методов, но всякую критику в адрес Лысенко безоговорочно отметал. На упомянутом выше совещании в апреле 1957 г. в Горьком Хрущев обрушился на постановление, принятое бюро секции агропочвоведов и агрохимиков ВАСХНИЛ в январе 1957 г. о научной необоснованности лысенковского метода органоминеральных удобрений. В этом постановлении, в частности, было сказано: *"Широкая пропаганда этих рекомендаций мешает рациональному использованию органических и минеральных удобрений"*. Приведя полный текст постановления бюро, Хрущев не только голословно его осудил, но и перечислил фамилии всех 12 ученых, которые принимали эту резолюцию. Расчет был, видимо, на то, что их призовут к порядку или они сами испугаются начальственного окрика. В этой же речи он сказал: *"Некоторые ученые очень много изощрялись в обвинении тов. Лысенко во всех грехах... Говорили... будто он не терпит возражений, мнений других не принимает в расчет и т.д."* - и именно эту черту Лысенко Хрущев признал положительной, нормальной. Судя по его отношению к Лысенко, такая особенность характера в полной мере была присуща и самому Хрущеву.

Среди людей конститутивно представлены все градации устойчивости к иным мнениям. Одни готовы отказаться от собственного мнения при столкновении с малейшим несо-

гласием или даже сомнением *, на других не действуют никакие самые убедительные доводы **. Первые менее опасны, так как вряд ли могут сколько-нибудь продвинуться по карьерной лестнице. Вторые по ней взбираются легко. В науке они, как правило, вредны, в политике могут быть страшны.

* Пример из анекдота. Разговор влюбленных. Он - "Дорогая, жизнь - это фонтан!" Она - "Милый, почему фонтан?" Он - "Ну, так, не фонтан".

** Пример из собственного опыта. Научный журнал как-то прислал мне на рецензию статью профессора Х. В ней были описаны структуры ядра, заведомо искаженные применением негодной методики. Я должен был написать отрицательный отзыв, но до этого хотел объясниться с автором. Когда мы с ним встретились, первая его фраза была: "Вы все равно меня ни в чем не убедите". Он оказался прав, он был иммунен к каким бы то ни было возражениям.

Как видим, борьба за перестройку биологии начиная с 1954 г. вплоть до осени 1964 г. шла в условиях, когда глава партии, Хрущев, неотступно верил в то, что деятельность Лысенко необходима для преуспевания нашего сельского хозяйства. Тормозящее влияние этого обстоятельства на нормализацию биологии нарастало по мере того, как набирала силу власть Хрущева. Постепенно формировался культ Хрущева со всеми вытекающими отсюда последствиями. Его личные высказывания и реплики приобретали все более обязательный, директивный характер.

Наряду с этим борьба за биологию наталкивалась на трудно преодолимое сопротивление всех, кому нормализация биологии грозила ударом по личному благополучию. Это прежде всего были лысенковские кадры, заменившие на исследовательских, педагогических и административных постах специалистов, заклеянных бранными словами: менделист, морганист, вейсманист, вирховианец. За время разгула лысенковщины были сняты с работы несколько тысяч

биологов, и вновь пришедшие понимали, что в случае падения Лысенко они окажутся не соответствующими своим должностям. Конечно, не были заинтересованы в ликвидации лысенковщины и те специалисты-биологи, которые, подобно Опарину, Нуждину, Студитскому, пошли на прямое предательство своей науки и стали ярыми защитниками мичуринской биологии во всех ее диких проявлениях.

Движущей же силой перестройки биологии были ученые, сохранившие сознание своего профессионального и гражданского долга. Те, кто понимал, к каким разрушительным последствиям в биологии, медицине, сельском хозяйстве и других областях теории и практики приводит деградация истинной науки и замена ее изобретенной лысенковцами мичуринской биологией. Эти ученые видели, какие удивительные открытия в это же время делаются в капиталистических странах в области генетики, биохимии, цитологии, как создается молекулярная биология. Они знали, что в назревающий атомный век первостепенное значение должны получить и для мирных, и для оборонных целей радиационная биология и медицина и их главный раздел - радиационная генетика.

Усилия ученых концентрировались в двух направлениях.

Во-первых, требовалось вернуть право и реальные возможности вести исследовательскую работу в области генетики и в других разделах биологии, разгромленных лысенковщиной.

Во-вторых, необходимо было добиться прекращения вредоносной деятельности лысенковцев в преподавании, в научной и практической деятельности.

В хрущевский период, т.е. до осени 1964 г., в первом направлении удалось добиться существенных результатов. Опасность дальнейшего устранения советских ученых от разработки ряда важнейших проблем биологии начала постепенно осознаваться в руководящих сферах. Существенной при этом была помощь, которую оказывали борющимся биологам многие выдающиеся физики и химики, включая президента АН СССР А.Н. Несмеянова, но возможности президента были очень ограничены. В отношении второго направления - ликвидации лысенковщины - продвижение было крайне медленным, так как она находилась под защитой Хрущева. Изгнание биологов с занимаемых ими мест и замещение их лысенковскими ставленниками происходило при полном игнорировании всех законов и правил, чисто автоматически. Смещение же лысенковцев, не соответствующих занимаемым должностям, наталкивалось на непреодолимые формальные препятствия и расценивалось как недопустимый "реваншизм". Так как заменять лысенковцев нормальными учеными было практически невозможно, то приходилось добиваться организации новых институтов, кафедр, лабораторий, вакантных мест.

Первым важным событием в борьбе за биологию было решение Президиума АН СССР от 22 июня 1956 г. об организации в Институте биологической физики АН СССР лаборатории радиационной генетики во главе с членом-корреспондентом АН СССР Н.П. Дубининым. Это был результат многократных настойчивых попыток Дубинина убедить ЦК КПСС, Совет Министров СССР и Президиум АН СССР в необходимости возрождения генетики и изучения действия радиации на наследственность. Чтобы добиться разрешения на создание лаборатории радиационной генетики, понадобилось три года упорной борьбы и снятие

тормозившего дело Опарина с поста академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР. Организация лаборатории дала возможность Дубинину привлечь к исследовательской работе большое число генетиков, изгнанных после 1948 г. из разных учреждений и пребывавших в это время без работы или работавших не по специальности.

В 1957 г. был организован Институт цитологии АН СССР в Ленинграде во главе с Д.Н. Насоновым. Это частично компенсировало ликвидацию Отдела общей морфологии Института экспериментальной медицины АМН СССР, возглавлявшегося Насоновым и закрытого в 1950 г. К сожалению, руководство Насонова длилось всего несколько месяцев. В декабре 1957 г. он скоропостижно скончался. Жизнь его несомненно укоротило все пережитое за последние годы.

Первостепенно важным для возрождения генетики и цитологии в нашей стране было принятое в мае 1957 г. постановление Совета Министров СССР об организации Сибирского отделения АН СССР и строительстве вблизи Новосибирска научного городка, включавшего Институт цитологии и генетики.

В 1959 г. академик Энгельгардт добился создания Института физико-химической и радиационной биологии АН СССР, в дальнейшем сменившего свое камуфляжное название на более откровенное - Институт молекулярной биологии.

В начале 1958 г. в Институте атомной энергии (ИАЭ) по инициативе академиков И.В. Курчатова, И.Е. Тамма и А.П. Александрова начинает работать биофизический се-

минар, на котором выступают приглашенные из других учреждений генетики и цитологи. Семинар должен был подготовить создание в ИАЭ Отдела молекулярной биологии, защищенного от всяких посягательств Лысенко авторитетом высокой физики. В 1958 г. там была организована лаборатория генетика С.И. Алиханяна, в 1959 г. - генетика-биохимика Р.Б. Хесина. Лаборатории и их штаты множились, и в 1961 г. в ИАЭ был учрежден радиобиологический отдел (в 1970 г. защитную частичку "радио" отбросили). Этот отдел, душой которого был Р.Б. Хесин, сыграл выдающуюся роль в борьбе с одичанием нашей биологии. С января 1978 г. он был превращен в самостоятельный Институт молекулярной генетики АН СССР с одиннадцатью лабораториями.

Роман Бениаминович Хесин

В недрах Института химической физики АН СССР при поддержке его директора академика Н.Н. Семенова группа генетиков под руководством И.А. Рапопорта в 1958 г. начала развертывать работу по получению на пшенице мутаций с помощью физических и химических агентов. В некоторых не прекращавших своего существования институтах и на

кафедрах оживлялись генетические и цитологические исследования.

У нас всегда не хватало журналов для публикации научной продукции, поэтому большим подспорьем было создание двух новых журналов - "Биофизика" (1956) и "Цитология" (1957). В состав редколлегии этих журналов не был включен ни один лысенковец, в декларациях о задачах обоих журналов не было сказано ни слова о мичуринской биологии.

Для работы новых исследовательских центров в области генетики, цитологии, молекулярной биологии требовались кадры. Уцелевших старых специалистов было мало. В 1955 г. началось массовое освобождение из тюрем, лагерей и реабилитация репрессированных. Однако реабилитация - не живая вода, она могла вернуть доброе имя репрессированному, но не жизнь. В нашу науку не вернулись Вавилов, Левитский, Карпеченко, Левит, Агол, Мейстер и многие другие талантливые биологи. Вузы выращивали людей, напичканных мичуринской биологией. Я уже говорил, какая обстановка царила на биофаке МГУ в середине 50-х годов, на периферии же было много страшнее. Очень важно было создать центры подготовки специалистов-генетиков. В связи с этим приобретал важное значение вопрос о замещении в Ленинградском университете должности заведующего кафедрой генетики и селекции, освободившейся в 1956 г. после ухода М.С. Навашина.

На вакантное место подали заявления два кандидата: Д.Ф. Петров и М.Е. Лобашев. Первый кандидат был явно слабее, и Ученый совет биолого-почвенного факультета ЛГУ предпочел кандидатуру Лобашева, воспитанника уни-

верситета. Это вызвало бурную отрицательную реакцию со стороны ряда видных московских генетиков и цитогенетиков. За подписью девяти ученых был направлен протест ректору ЛГУ члену-корреспонденту АН СССР А.Д. Александрову. Возражения против избрания Лобашева послали в ЛГУ один из наших ведущих генетиков Б.Л. Астауров и директор Ботанического института АН СССР П.А. Баранов. Я, как ленинградский биолог, получил от московских друзей генетиков несколько тревожных писем по этому же поводу.

Причина такого отношения к кандидатуре Лобашева заключалась в следующем. Лобашев, очень одаренный человек, в 1948 г. заведовал в ЛГУ кабинетом генетики животных и был деканом биолого-почвенного факультета. После августовской сессии ВАСХНИЛ его, естественно, из университета выгнали. Приютил Лобашева в Колтушах в Институте физиологии им. И.П. Павлова его директор Л.А. Орбели. Здесь Лобашев, вынужденный прекратить генетические исследования, с успехом начал заниматься сравнительной физиологией. В самые тяжелые годы он, как и многие биологи, отдавал словесную дань мичуринской биологии, но на сотрудничество с лысенковщиной никогда не шел. Однако в декабре 1954 г., когда главные страхи были уже позади, он отколол непонятный номер. В связи с хлопотами Дубинина по организации лаборатории радиационной генетики Отделение биологических наук АН СССР разослало записку о задачах предполагаемой лаборатории ряду специалистов с просьбой высказать свое отношение к этому документу. Подавляющее большинство ответов было вполне положительным. И вот оказалось, что среди отрицательных пришел отзыв генетика Лобашева. Больше всего поразила мотивировка - она была написана с

чисто лысенковских позиций, со ссылкой на благостное значение августовской сессии. Это, естественно, возмутило всех, кто надеялся, что после многолетнего запрета, наконец, возобновится исследовательская работа в области генетики.

Несмотря на протесты, присланные в ЛГУ, заведующим кафедрой в январе 1957 г. был избран Лобашев. Каков же был результат этого казуса?

Став во главе кафедры, Лобашев прежде всего начал читать курс классической генетики на современном ее уровне. Со свойственной ему энергией и организационным талантом он собрал вокруг себя отличный коллектив молодых одаренных людей и развернул бурную исследовательскую работу. Основной трудностью в создании кадров было полное отсутствие учебников по генетике, вообще книги по генетике были изъяты из библиотек, вместо этого циркулировала печатная продукция лысенковцев с передачей по наследству приобретенных свойств, с вегетативной гибридизацией, с "расшатыванием" наследственности и прочими измышлениями. И вот Лобашев на основе читаемого им курса пишет учебник по общей генетике.

После длительной упорной борьбы, в которой большую помощь оказывал ректор ЛГУ А.Д. Александров, удалось в издательстве ЛГУ выпустить в свет в 1963 г. "Генетику" Лобашева объемом 489 страниц и тиражом около 10 000 экз. Книга мгновенно разошлась и вызвала негодование в лысенковском лагере, так как несомненно угрожала его благополучию. Особенно свирепствовал профессор Ленинградского сельскохозяйственного института М.М. Лебедев, занимавшийся бессмысленной попыткой

вывести новые породы кур путем переливания крови из одной породы в другую - одна из форм вегетативной гибридизации. Лебедев громил "Генетику" Лобашева в журнале "Животноводство" (1964. №2), в газете ЦК КПСС "Сельская жизнь" (1964, 10 марта) и с трибуны февральского пленума ЦК КПСС 1964 г. В "Сельской жизни" он пишет, что книга "Генетика" - *"...новая попытка воскресить в биологической науке старые идеалистические, метафизические вейсмановско-мендель-моргановские идеи генетики"*. Попытки дать в прессе отповедь лысенковским наскокам на книгу Лобашева, предпринятые профессором Ф.Х. Бахтеевым, членом-корреспондентом АН СССР Б.Л. Астауровым и другими, не увенчались успехом.

Таким образом, М.Е. Лобашев создал первую после разгрома биологии кафедру, выпускавшую грамотных генетиков, собрал большой коллектив молодых исследователей, начавших активно и плодотворно работать над рядом генетических проблем. Благодаря ему после 25-летнего перерыва вышло первое руководство по общей генетике. Чем объяснить странную выходку в отношении плана создания лаборатории радиационной генетики Дубинина, сложным ли характером Михаила Ефимовича или сложными ситуациями того времени, я не берусь судить. Во всяком случае, ясно одно: Лобашев внес огромный вклад в оздоровление нашей биологии. Ленинградский университет в этом деле оказался прав.

Все же до решения кадровой проблемы было еще очень далеко. Преподавание эволюционного учения, генетики, цитологии, особенно на периферии, проводилось по порочным учебникам, состряпанным лысенковцами, и педагогический персонал, как правило, вполне им соответствовал.

Новоиспеченные биологи не знали классической генетики и последних достижений молекулярной биологии. У широких слоев интеллигенции, интересующейся естествознанием, было превратное представление о том, что творилось в нашей биологии, многие верили, что правда на стороне Лысенко.

В этих условиях очень важно было наладить просветительскую работу, необходимо было ознакомить людей с замечательными достижениями западных ученых. Эти сведения доходили до нас с большим трудом и были доступны узкому кругу специалистов. Интерес же к такой информации, особенно у молодежи, был огромный. Создавались научные и научно-популярные семинары, читались спорадические лекции.

8 февраля 1956 г. в Институте физических проблем АН СССР под председательством академика П.Л. Капицы состоялось заседание, на котором выступили с лекциями Н.В. Тимофеев-Ресовский, рассказывавший о своих работах по мутагенному действию радиации, и физик И.Е. Тамм, который прореферировал опубликованную в 1954 г. работу эмигрировавшего в Америку нашего физика Г. Гамова; в ней делалась первая попытка разгадать генетический код ДНК. Из письма ко мне профессора Г.Г. Винберга, присутствовавшего на этом семинаре:

"Аудитория ломилась. Я простоял два часа, обливаясь потом, не в состоянии шевельнуть рукой из-за давки. В соседнем зале толпа слушала доклады из репродукторов".

Нужно отметить, что была сделана попытка запретить чтение этих лекций, но Капице удалось это предотвратить. При открытой в 1956 г. лаборатории радиационной генети-

ки Дубинин организовал семинар. Заседания проводились в конференц-зале Биоотделения АН СССР при большом стечении народа. В Ленинграде по инициативе сотрудника Ботанического института АН СССР Э.И. Слепяна в 1957 г. был создан "Межинститутский семинар по генетике, цитологии и биофизике для молодых специалистов". Заседания семинара проходили в одной из больших аудиторий Ленинградского университета. Они собирали очень много слушателей всех возрастов. Было много и небиологов. Лекторами, кроме ленинградцев, выступили крупные ученые из других городов, и на этом семинаре И.Е. Тамм рассказывал о штурме генетического кода. Большое познавательное значение имели прекрасные лекции цитогенетика А.А. Прокофьевой-Бельговской. С интересом слушались лекции видных генетиков Б.Л. Астаурова, В.В. Сахарова, М.Е. Лобашева и многих других.

Ко второй половине 50-х годов в биологии сложилась весьма странная обстановка. С одной стороны, снят был запрет на публикацию в научных журналах, в случае согласия редколлегии (на что не все осмеливались), статей с критикой научных положений и практических предложений, исходящих из лысенковского лагеря. Однако публицистические, политические и литературно-художественные газеты и журналы никакой критики в адрес мичуринской биологии не принимали. Кое-где при лояльном отношении дирекции возобновились работы по общей и радиационной генетике и цитогенетике, и их результаты можно было излагать в специальных журналах. С трудом, но все же удавалось добиться открытия новых лабораторий и институтов, научных журналов, возглавлявшихся явными антилысенковцами. В некоторых вузах на биологических кафедрах вновь начали учить истинной науке.

С другой стороны, все это сосуществовало с продолжающейся активной деятельностью лысенковцев, которые при неизменном покровительстве главы КПСС Н.С. Хрущева прочно сохраняли за собой завоеванные позиции. В ответ на научную критику они отвечали бранью, извращая взгляды своих противников, обвиняли их в идеологических грехах, открытия в области молекулярной биологии расценивали как крах менделизма-морганизма и при этом продолжали восхвалять теоретические и практические "достижения" Лысенко и его окружения. Свои полемические произведения они печатали в редактируемом Лысенко журнале "Агробиология", в ряде других научных биологических и прикладных сельскохозяйственных журналов, а также в общей прессе, куда вход их оппонентам был напрочь закрыт. В научных учреждениях на захваченных ими местах продолжалась бесплодная деятельность, основанная на ложных теоретических предпосылках мичуринской биологии, вроде упомянутых работ профессора М. Лебедева. Лысенковцы в вузах насаждали свои псевдонаучные догмы. В беспросветном состоянии находилось преподавание в периферийных вузах. Не лучше обстояло дело и в средней школе. Хрущев на встречах с работниками сельского хозяйства в разных районах страны горячо ратовал за внедрение в практику ряда необоснованных лысенковских предложений. Так воцарилось сосуществование науки и мракобесия. Такое сосуществование не могло быть мирным, ибо одно с другим несовместимо.

Без надежной защиты от научной критики лысенковская лженаучная конструкция должна была рухнуть. Это было ясно. Особенно досаждали Лысенко журналы, возглавляемые академиком В.Н. Сукачевым. В большой статье "Теоретические успехи агрономической биологии", занявшей в

газете "Правда" от 8 декабря 1957 г. три подвала, Лысенко пишет:

"Выходящие под его (В.Н. Сукачева. - В.А.) редакцией «Ботанический журнал» и «Бюллетень Московского общества испытателей природы», начав под флагом якобы материалистической биологии весьма далекую от науки критику моих работ и согласных с ними научных работников, докатились до прямого отрицания всей концепции материалистической биологии".

Одновременно эта статья была напечатана и в "Известиях". Чашу терпения Лысенко, видимо, переполнила статья, написанная Д.В. Лебедевым, но опубликованная без подписи - в качестве редакционной - в августовском номере "Ботанического журнала" за 1958 г. (в десятилетний юбилей августовской сессии ВАСХНИЛ).

Статья содержала неотразимую, убойную критику основных аспектов деятельности Лысенко и его сподручных. Используя слова Хрущева, произнесенные им в защиту Лысенко, о том, что научные споры следует решать на полях, автор статьи подчеркивал, что именно на полях эти споры и были уже решены: на полях доказана огромная эффективность посева кукурузы семенами гибридов самоопыленных линий, чему так сопротивлялся Лысенко,

"на полях решен вопрос о ветвистой пшенице, которую он и его сторонники рекламировали на сессии ВАСХНИЛ в 1948 году, и в первые годы после нее как культуру, которая произведет революцию в растениеводстве... и с которой перестали теперь работать даже на опытных станциях. Она как была, так и осталась совершенно бесперспективной. На скольких гектарах применяется теперь метод

яровизации, отвергнутый, как агроприем сельскохозяйственной практики?

На каких полях, в каких колхозах применяется теперь метод внутрисортového скрещивания, предложенный Т.Д. Лысенко? Кто помнит теперь об очередной революции в сельском хозяйстве - «посев по стерне» по методу Т.Д. Лысенко... Какие площади занимают сорта, выведенные при помощи вегетативной гибридизации, которой 20 лет занимались наши селекционеры?... Каждое из этих предложений сулило как будто нашему сельскому хозяйству необыкновенные успехи, но все они отменялись жизнью после испытания на полях" (с. 1144).

Подобные разоблачения в печати грозили самому существованию лысенковского лагеря. Ведь Хрущев мог в конце концов внять голосу ученых, а это привело бы Лысенко к краху. Но этого не произошло. 14 декабря 1958 г. в "Правде" появляется пространная редакционная статья "Об агробиологической науке и ложных позициях «Ботанического журнала»". В ней, вопреки всему, воспеваются деятельность Лысенко, его вклад в поднятие нашего сельского хозяйства, клеймятся зарубежные и отечественные антимичуринцы, главная же тема - вред, наносимый деятельностью "Ботанического журнала" и "Бюллетеня МОИП" на примере редакционной статьи августовского номера "Ботанического журнала". О ней сказано:

"Эта статья, пропитанная духом вражды к мичуринской материалистической агробиологии, представляет пасквиль на советскую биологическую науку... так называемая дискуссия, которая в течение ряда лет ведется на страницах «Ботанического журнала», не помогает развитию

материалистической биологии, наоборот, наносит ущерб науке".

Заканчивалась статья вопросом:

"Сможет ли редколлегия в ее нынешнем составе поставить работу журнала на прочные основы материалистической агробиологии?"

Ответ на этот риторический вопрос не замедлил последовать. На следующий день после появления статьи в "Правде" 15 декабря открылся пленум ЦК КПСС. В прениях до доклада Хрущева выступил секретарь ЦК КП Азербайджана И.Д. Мустафаев. Он сослался на статью в "Правде" о "Ботаническом журнале" и сказал, что некоторые наши ученые *"вместо того, чтобы по-деловому, по-научному друг друга критиковать и указывать на недостатки, переходят на оскорбительный тон, на унижение"* (Пленум ЦК КПСС. 15-19 дек. 1958 г.: Стенограф, отчет. М., 1958. С. 233). В этом месте речь Мустафаева была прервана репликой Хрущева: *"Надо кадры посмотреть. Видимо, в редакцию подобраны люди, которые против мичуринской науки. Пока они там будут, ничего не изменится. Их надо заменить, поставить других, настоящих мичуринцев. В этом коренное решение вопроса"*. На этом же пленуме ЦК выступил Лысенко с критикой Академии наук СССР за отрыв биологии от жизни. Ответственность за это он возложил на руководство, которое его совершенно не устраивает: *"Больше того, и президент Академии наук академик А.Н. Несмеянов и академик-секретарь биологического отделения АН СССР В.А. Энгельгардт, как мне кажется, не считают наукой те наши теоретические и биологические положения, из которых вытекают различные агротехнические и зоотехнические практические действия"* (с. 336).

На аргументированную научную критику мичуринской биологии "Ботанический журнал" получил ответ административный, причем быстрый, без всякой ведомственной бюрократической волокиты. Пленум проходил в середине декабря 1958 г., а уже январский номер "Ботанического журнала" 1959 г. вышел под новой редакцией. Из 21 члена прежней редакции осталось двое. В новый состав не вошли ни Сукачев, ни Баранов. В редакции появилось одиннадцать явных лысенковцев и лиц, известных своим покорным выполнением всех идущих свыше указаний. В №2 за 1959 г. новая редколлегия, как положено, поместила передовую статью с осуждением прошлых грехов журнала и с обещанием *"...строить свою работу на основе оригинального пути, намеченного гениальным русским ученым И.В. Мичуриным"*.

Хотя В.Н. Сукачев остался главным редактором "Бюллетеня МОИП" и уцелел его основной помощник профессор В.И. Цалкин, из этого журнала, как и из "Ботанического", критические статьи в адрес мичуринской биологии полностью исчезли. Цензурный кордон был восстановлен, но все же не в полном виде. Можно было писать о генах, о хромосомах, нельзя было опровергать Лысенко.

Другим печальным результатом пленума была замена академика-секретаря Отделения биологических наук АН СССР. Вскоре В.А. Энгельгардта на этом посту сменил член-корреспондент Н.М. Сисакян, через год ставший академиком. Эта кандидатура вполне устраивала Лысенко преданностью мичуринской биологии и беспрекословным чиновничьим послушанием.

Так как борьба против антилысенковцев с помощью научных аргументов была невозможна, то ее продолжали вести административными методами. 2 июля 1959 г. в "Правде" и "Известиях" была опубликована речь Хрущева, произнесенная 29 июня на пленуме ЦК КПСС. В ней Хрущев по поводу назначения Н.П. Дубинина директором вновь созданного в Новосибирске Института цитологии и генетики сказал, что он является противником мичуринской теории и далее:

"Работы этого ученого принесли очень мало пользы науке и практике. Если Дубинин чем-либо известен, так это своими статьями и выступлениями против теоретических положений и практических рекомендаций академика Лысенко. Не хочу быть судьей между направлениями в работе этих двух ученых. Судьей, как известно, является практика, жизнь. А практика говорит в защиту биологической школы Мичурина и продолжателя его дела академика Лысенко... Если он (Дубинин. -В.А.), работая в Москве, не принес существенной пользы, то вряд ли он принесет ее в Новосибирске или Владивостоке".

Этим судьба дубининского директорства была предрешена. Попытки руководителя Сибирского отделения АН СССР академика М.А. Лаврентьева и секретаря Новосибирского обкома КПСС Ф.С. Горячева отстоять Дубинина на посту директора ни к чему не привели. В январе 1960 г. Дубинин вынужден был подать в отставку.

Совершенно очевидно, что выступления Хрущева на Декабрьском пленуме ЦК 1958 г. и на Июньском 1959 г., а также последовавшие за этим акции - разгон редколлегии "Ботанического журнала" и снятие с директорского поста Дубинина были восприняты послушными чиновниками от

науки с должным пониманием, и опять усилился нажим на начавшую воскресать генетику.

В 1959 г. вынужден был прекратить свое существование Ленинградский межинститутский семинар по генетике, цитологии и биофизике. По инициативе кафедры генетики Ленинградского университета под эгидой Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР 31 января 1961 г. в Ленинграде предстояло открытие 5-дневной "Межвузовской конференции по экспериментальной генетике". В программу конференции, изданную в 600 экземплярах, были включены 211 докладов, представленных из 23 городов, по всем разделам теоретической и прикладной генетики, цитогенетики, селекции. Одновременно должны были работать 5-6 секций. Много докладов было представлено по радиационной генетике. Предстоял смотр уцелевших сил.

При знакомстве с программой поражало, как много было сделано за несколько последних лет, когда генетические исследования перестали считаться антисоветской деятельностью. Лысенковское направление было представлено лишь несколькими работами. Однако за три дня до открытия конференции, когда многие иногородние участники уже прибыли в Ленинград, из Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР пришла телеграмма, запрещающая проведение конференции. Так была сорвана первая после разгрома биологии крайне важная встреча генетиков, которая, несомненно, послужила бы большим стимулом для восстановления этой науки в нашей стране.

Оживилась литературная деятельность лысенковцев. Опять в центральной прессе начали появляться статьи маститых приспособленцев. Крупнейший паразитолог генерал-лейтенант медицинской службы академик Е.Н. Павловский, директор Зоологического института АН СССР, помещает в "Правде" от 24 ноября 1959 г. статью, посвященную "Происхождению видов" Ч. Дарвина, в которой воспеваются мичуринская биология и деятельность Лысенко. Авторство этой статьи никого не удивило. Павловский с энтузиазмом встретил августовскую сессию 1948 г. и откликнулся на нее рядом позорных работ, выполненных на руководимой им кафедре общей биологии и паразитологии Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова. В них он в соавторстве с Г.С. Первомайским пытался доказать передачу по наследству изменения шерсти кроликов, на спине которых паслись иксодовые клещи.

Победы, одержанные в 1959 г., воодушевили Лысенко, и он предпринял, для укрепления своих позиций, новый поразительный маневр. В "Правде" от 30 июля 1961 г. публикуется проект новой Программы Коммунистической партии Советского Союза, которую предстояло принять на XXII съезде в октябре. В отношении биологии и медицины в проекте было сказано следующее:

"Интересы человечества выдвигают перед этими науками в качестве главных задач выяснение сущности явлений жизни, овладение и управление жизненными процессами, в частности обменом веществ и наследственностью организмов".

Беспартийный Лысенко решил вмешаться в подготовку Программы партии и за четыре дня до открытия съезда 13

октября в "Правде" предложил дополнить текст о биологии фразой:

"Шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира, и на этой основе впервые в теории и на практике доказана возможность направленного изменения наследственности".

Предложение Лысенко было принято с некоторым сокращением. В утвержденной Программе, которая формально оставалась действенной до XXVII съезда (1986), значится:

"Шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке, которое исходит из того, что условия жизни являются ведущими в развитии органического мира" (с. 127).

В 1948 г. Лысенко, проводя августовскую сессию ВАСХ-НИЛ, смог добиться официального признания ЦК ВКП(б) своей теоретической и практической деятельности и получил санкцию на разгром своих противников. В 1961 г. ему снова удалось связать свою мичуринскую биологию с программой партии. Однако общая ситуация теперь стала иной, и этот ловкий шаг мог лишь укрепить охрану Лысенко от гласной критики со стороны его недругов, но в отличие от 1948 г. не мог прекратить их научную деятельность. Слишком впечатляющими были успехи генетики и молекулярной биологии за рубежом. В 1961 г. Ниренберг и Маттеи в США, применив методику синтеза полипептидов вне клетки, расшифровали генетический код первой аминокислоты - фенилаланина, а к 1963 г. уже были открыты хранящиеся в ДНК коды всех 20 аминокислот, входящих в состав белков.

Руководящие инстанции начинали понимать, что практическое использование атомной энергии, полеты в космос без знания генетических последствий радиации и ее допустимых доз опасны. Доходили сведения и о практических достижениях зарубежных генетиков. Главное же - в 1961 г. против инакомыслящих ученых нельзя было применить методы 1948 г., обычные в условиях сталинского беззакония. В результате, с одной стороны, создаются новые институты и лаборатории для развития генетики, цитологии, молекулярной биологии, с другой - благодаря диктаторскому произволу Хрущева, его непроницаемости для критики лысенковщины программа партии призывает: *"Шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке..."*, которое отрицает наличие генов, отрицает роль в наследственности хромосом, содержащих ДНК, проповедует несовместимые с современной наукой вегетативную гибридизацию и передачу по наследству приобретенных свойств и т. д.

Это абсурдное сосуществование науки и лженауки было узаконено постановлением ЦК КПСС и Советом Министров СССР "О мерах по дальнейшему развитию биологической науки и укреплению ее связи с практикой", опубликованным в "Правде" 25 января 1963 г. В нем, в частности, было сказано: *"Советские биологи мичуринского направления достигли больших успехов и занимают ведущее место в мире в области генетики, селекции и семеноводства..."*. Далее перечисляются основные "успехи" мичуринской биологии, включая направленное изменение наследственности (т.е. наследование приобретенных свойств), вегетативную гибридизацию, внутрисортное скрещивание, подменявшее гибридизацию самоопыленных линий, выведение жирномолочной породы скота, оказавшееся фикцией,

и т.д. Указывается, что *"вопросами теоретической биологии мичуринского направления занимается совершенно недостаточное число научных учреждений и научных работников, в частности в биологическом отделении Академии наук СССР и академиях наук союзных республик. Кадры ученых, владеющих этими теоретическими положениями биологии, готовятся неудовлетворительно"*. И в этом же постановлении в число основных биологических проблем включены: *"...физические свойства, химическое строение и физиологические функции белков, нуклеиновых кислот и других биологически важных соединений..."*. Указывается на необходимость улучшить преподавание биологии, создать в двухгодичный срок учебники по генетике, биохимии, биофизике, цитологии, *"отвечающие современному уровню науки"*. Не уточнено, учебники по какой науке - признающей менделизм-морганизм или отрицающей его. По-видимому, признающей, так как далее Издательству иностранной литературы и другим вменяется в обязанность *"увеличить издание переводов учебников, монографий и обзоров по перечисленным дисциплинам"*. В числе перечисленных - общая биология, генетика, биохимия, биофизика, цитология. Непонятно, как эти переводные книги сделают *"удовлетворительным"* подготовку ученых, владеющих теоретическими положениями мичуринской биологии. (Это постановление напоминает шуточный стишок: *"На углу Большой Морской и Тучкова моста шел высокий господин маленького роста..."*).

При всей своей удивительной нелепости этот документ все же имел положительное значение. Он утверждал право развивать генетику, цитологию, молекулярную биологию в современном понимании и легализовал издание таких книг, которые еще несколько лет назад сжигались лысенков-

цами. Чтобы нельзя было усмотреть в постановлении от 25 января какого-либо ущемления интересов Лысенко, через четыре дня "Правда" и "Известия" уделили по две полных полосы его докладу на научной конференции ВАСХ-НИЛ, где повторялись все догмы мичуринской биологии, включая порождение одного вида в недрах другого и отрицание роли ДНК в наследственности.

Таким образом, ученым биологам разрешалось изучать хромосомы, ДНК, белки, употреблять ранее считавшееся антисоветским неприличное слово из трех букв "ген", но запрещено было выступать в печати против тех, кто отрицал все достижения современной генетики и молекулярной биологии и вместо этого проповедовал какие-то чудовищные измышления. Все же молчать биологи не могли, и в середине 1962 г. появляется и начинает ходить по рукам рукопись Ж.А. Медведева, воспитанника и старшего научного сотрудника Тимирязевской сельскохозяйственной академии (ТСХА), брата известного советского историка Роя Медведева. Рукопись озаглавлена "Биологическая наука и культ личности (Очерки по истории тридцатилетней биолого-агрономической дискуссии)". В первоначальном варианте ее объем составлял около 200 машинописных страниц, в дальнейшем она перерабатывалась и увеличилась вдвое. Рукопись Медведева представляет собой очень компетентное, объективное, исчерпывающее документированное изложение борьбы Лысенко против советской биологии. В ней показано, какими преступными методами - ложью, фальсификацией и демагогией - пользовались Лысенко, Презент и их приспешники для сокрушения своих научных оппонентов, как в эту борьбу вовлекались карательные органы, что нередко приводило к физическому уничтожению защитников истинной науки. Подробно рассказано, как на-

вязывались нашему сельскому хозяйству порочные мероприятия, как чинились препятствия применению методов, проверенных мировой практикой, и какие огромные убытки принесло все это нашей стране.

Это был обличительный документ неотразимой силы. Медведев послал рукопись в ЦК КПСС, АН СССР и другие инстанции с просьбой содействовать ее опубликованию. Реакция на появление рукописи Медведева была быстрой. 30 июля 1962 г. партком ТСХА признал ее *"ненаучной, клеветнической, антисоветской и вредной"*, а несколько позже решил *"считать нецелесообразным дальнейшее пребывание Ж.А. Медведева на должности ст. научного сотрудника агрохимической опытной станции ТСХА"*, что и было реализовано. Так как рукопись тиражировалась и продолжала открывать глаза на суть лысенковщины, то на Июньском пленуме ЦК КПСС 1963 г. первый секретарь Московского горкома КПСС Н.Г. Егорычев в своем выступлении изругал Медведева, а через год президент ВАСХНИЛ М.А. Ольшанский в газете "Сельская жизнь" от 29 августа 1964 г. разразился против Медведева статьей, в которой явно в тревоге писал: *"В последнее время ходит по рукам составленная Ж. Медведевым объемистая «записка», полная грязных измышлений о нашей биологической науке"*. Далее Ольшанский, не располагая фактическими или логическими доводами, ограничивается бранью и клеветой.

О публикации рукописи Медведева не могло быть и речи. Все пути для выхода с критикой мичуринской биологии в открытую - даже в специальную научную - печать были надежно перекрыты. При таком положении дел крайнее удивление, радостное у одних, гневное у других, вызвало появление в мартовском номере 1963 г. журнала "Нева"

статьи Ж. Медведева и В. Кирпичникова "Перспективы советской генетики". Авторы поставили своей задачей ознакомить с достижениями современной генетики широкую публику, отравленную назойливой лысенковской пропагандой, использующей все средства информации, включая радио, театр и кино. С этой задачей Медведев и Кирпичников справились блестяще. В начале статьи авторы показали, что кроется за лысенковским, к сожалению, цензурным ругательством "менделизм-морганизм", рассказали о становлении в науке понятия "ген", затем перешли к изложению экспериментальных работ, раскрывших биохимическую природу гена и роль ДНК в передаче наследственной информации. Два раздела были посвящены достижениям советских и зарубежных генетиков в медицине и сельском хозяйстве. Весь материал изложен в великолепной, доступной и увлекательной форме.

Статья, несмотря на полное отсутствие полемического задора и специальной дискуссионной направленности, не могла не убедить читателя во вздорности всего того, чем затуманивали его голову проповедники лысенковской науки. Было непонятно, как такая статья могла в 1963 г. появиться в печати, да еще в литературном журнале. По-видимому, главный редактор "Невы" С.А. Воронин и член редколлегии А.И. Хватов, по инициативе которых была опубликована статья Медведева и Кирпичникова, не очень были ориентированы в обстановке, сложившейся в то время вокруг биологии. Ведь в марте того же года в органе ЦК КПСС журнале "Коммунист" (№4) была напечатана статья Ольшанского "Биологическая наука и сельскохозяйственное производство", где в год расшифровки генетического кода руководитель сельскохозяйственной науки Советского Союза пишет черным по белому: "...для биологов-

мичуринцев нет вопроса об особых материальных носителях наследственности, так же как в науке сейчас нет вопроса об особых материальных носителях жизни" (с. 15).

Статья Медведева и Кирпичникова вызвала большой переполох в лысенковском стане. Хрущеву она была показана во время его пребывания в Югославии, и уже оттуда последовал нагоняй первому секретарю Ленинградского обкома КПСС В.С. Толстикову. В разных журналах начали появляться публикации, клеймящие Медведева и Кирпичникова. Наиболее яростной была статья Ольшанского, помещенная 18 августа в "Сельской жизни". Тон ее был выдержан в лучших традициях августовской сессии 1948 г.: *"Широкая научная общественность с недоумением встретила опубликованную в журнале «Нева» клеветническую статью Ж. Медведева и В. Кирпичникова ...".* Вывод: статью в "Неве" *"...надо считать ошибочной и вредной для нашей науки"*. За этим последовали оргвыводы: ряд членов редколлегии и работников журнала "Нева" были уволены (инициаторы публикации главный редактор Воронин и Хватов уцелели), а в №9 "Невы" редакция журнала поместила покаянное письмо, в котором признала, что, опубликовав статью Медведева и Кирпичникова, она *"допустила грубую ошибку"*, статью считает ошибочной и вредной, а посему вслед за письмом перепечатывает статью Ольшанского из "Сельской жизни", *"в которой дана развернутая справедливая критика идеалистических позиций авторов статьи "Перспективы советской генетики""*.

На этом история со статьей Медведева и Кирпичникова не окончилась. В октябре 1963 г. на расширенном заседании Президиума АН СССР выступил секретарь ЦК КПСС академик Л.Ф. Ильичев с докладом, который был напечатан в

начале 1964 г. в сборнике "Методологические проблемы науки". Ильичев указывает на необходимость *"...всемерно поддерживать и развивать мичуринское направление в биологической науке ..."* (с. 100). О статье Медведева и Кирпичникова он пишет: *"Авторы статьи неверно истолковывают указания партии и правительства по вопросам развития биологической науки... статья ни своим духом, ни содержанием не может способствовать развитию исследования в биологии"* (с. 100). Подобная оценка руководящего партийного деятеля стимулировала проведение новых "мероприятий" в связи со злобредной статьей. 14 апреля 1964 г. в Ленинграде был созван Ученый совет ГосНИОРХа * для проработки заведующего лабораторией этого института Кирпичникова. К участию в заседании совета было привлечено несколько генетиков, цитологов и философов со стороны.

* Государственный научный институт озерного и речного рыбного хозяйства.

Довелось и мне в нем участвовать. Совет шел под присмотром секретаря райкома партии и представителя обкома. Присутствовало много сотрудников института и других научных учреждений. В аудитории была давка. После вступительного слова директора ГосНИОРХа, в котором он сослался на Ильичева, с докладом выступил Кирпичников, затем начались прения. Философы, также ссылаясь на слова Ильичева, обвиняли Кирпичникова в том, что он "умалчивает" о партийности в науке и игнорирует достижения Лысенко. Член-корреспондент АН СССР (будущий академик-секретарь Отделения общей биологии АН СССР) Б.Е. Выховский заявил, что статья в "Неве" *"...принесла вред советской генетике и советской науке"* (с. 69). К сожалению, и некоторые уважаемые биологи, по-видимому, подчиняясь партийной дисциплине, не удержались от уп-

реков в адрес авторов статьи. Однако генетик Ю.М. Оленов, будучи членом партии, решительно стал на их защиту. Некоторые выступавшие обвиняли авторов в том, что их статья вызвала положительные отклики в зарубежной буржуазной печати.

Возражая критикам Кирпичникова, я сказал, что исходя из такой логики следовало бы разогнать балетную труппу Большого театра и ансамбль Моисеева. Заседание длилось около четырех часов. Многие выступавшие говорили о больших заслугах Кирпичникова в выведении новых пород карпов - аудитория явно сочувствовала обвиняемому. Разумное и достойное поведение Кирпичникова в значительной мере предрешило относительно благополучное завершение Ученого совета. Организационных выводов не последовало, однако в резолюцию было включено обвинение в "объективистском" подходе *"В.С. Кирпичникова к зарубежным работам в области генетики, биохимии, биофизики, вирусологии и цитологии..."*. Современному читателю трудно понять, какой грех скрывается в "объективистском" подходе к науке, а в то время это был расхожий термин, обвинявший в беспристрастном, лишенном "большевистской принципиальности" рассмотрении научного вопроса. Кирпичников был единственным членом Ученого совета, протестовавшим против такой формулировки.

Резолюция была принята при одном голосе против. Заседание Ученого совета ГосНИОРХа точно отражало дух того времени. В сталинское время оно кончилось бы трагично, в наше время оно вряд ли могло состояться. Противоестественное сосуществование мичуринской биологии с медленно, но неотвратимо развивающимися генетикой, цитологией и молекулярной биологией, при одностороннем праве

мичуринцев на гласную критику, все же не устраивало обе стороны. Развитию нормальной биологии мешало то, что во многих учебных, научных и научно-административных учреждениях штаты были зачищены лысенковцами. Лысенковцев же страшило возобновление научной деятельности их противников. В августовском номере журнала "Вестник сельскохозяйственной науки" в 1964 г. сказано, что *"пропаганда классической генетики и критика учения Т.Д. Лысенко находятся в вопиющем противоречии с политикой Коммунистической партии и Советского правительства"*.

Как развивалось бы положение дел в биологии и в сельскохозяйственной науке, если бы руководящая деятельность Хрущева с его безоговорочной, непоколебимой поддержкой Лысенко продолжалась и дальше? На это ответить трудно. Вопрос о роли личности в истории в общей форме лишен смысла. Если правитель добился возможности снимать головы с тех, кто с ним не согласен, - его роль обычно велика. Если он в силах лишь снимать их с работы, она поменьше. Оценивать роль личности правителя в жизни государства можно задним числом по тем переменам, которые наступают после его ухода со сцены.

14 октября 1964 г. Пленум ЦК КПСС снял Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС. Среди предъявлявшихся Хрущеву обвинений числилась и поддержка им деятельности Лысенко. Сразу после ухода Хрущева в нашей биологии произошли разительные перемены. Прежде всего генетикам открылся доступ в широкую прессу, и они не замедлили этим воспользоваться. 2 октября "Сельская жизнь" публикует статью П. Шелеста, где об учебнике "Генетика" Лобашева сказано: *"Книга эта - образец открытой пропа-*

ганды идеалистической формальной генетики, негодная попытка замолчать достижения своей отечественной, мичуринской биологической науки", а уже через 20 дней эта же газета помещает большую статью генетика И.А. Рапопорта "Химический мутагенез". В этой статье приведен огромный фактический материал, в основном отечественный, показывающий, как с помощью физических и химических агентов, вызывающих мутации генов, удается получать новые формы низших и высших организмов, имеющие первостепенное практическое значение. Эта статья довела до сведения широкого читателя данные, скрывавшиеся от него в течение десятков лет усилиями лысенковцев. Хотя никакой критики лысенковцев в статье не было, читателю становилось очевидно, какие материальные потери понесла наша страна в результате удушения генетики.

А через месяц, 22 ноября, "Правда", на страницах которой еще недавно Лысенко громил генетиков, обвиняя их во всех смертных научных, идеологических и политических грехах, где он свободно проповедовал свое научное средневековье, появилась статья директора Новосибирского Института цитологии и генетики СО АН СССР Д.К. Беляева. В ней мы читаем:

"Произвол в отношении генетики особенно проявился в 1948 году. После известной августовской сессии ВАСХНИЛ генетика была объявлена буржуазной лженаукой, идеализмом, метафизикой и т.д. Нет ничего ошибочнее этих утверждений. Наука, изучающая материальные структуры, явления и процессы, вскрывающая законы, ими управляющие, использующая эти законы для практики, не может быть ни идеалистической, ни метафизической".

В ноябре же в "Комсомольской правде" В. Губарев ругает редактируемый Лысенко журнал "Агробиология" за оскорбления генетиков и восхваления своего редактора. А 4 февраля 1965 г. в "Правде" публикуется выступление президента АН СССР М.В. Келдыша с решительным осуждением Лысенко, августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и административных мер, которые за ней последовали. Большую убеждающую силу имела статья химика, будущего нобелевского лауреата, академика Н.Н. Семенова, появившаяся в апрельском номере журнала "Наука и жизнь" за 1965 г. Он подверг уничтожающей критике научно-практическую деятельность Лысенко и дал его точную характеристику как ученого, принадлежащего *"...не к XX веку, а к далекому прошлому науки..."*.

Начиная с первого номера 1965 г. "Ботанический журнал" начал выходить под новой редакцией. В ее состав были возвращены 15 членов, изгнанных из редколлегии в конце 1958 г.

До последнего времени деятельность Лысенко сопровождалась дружным хором философов во главе с академиком М.Б. Митиным, воспевавшим мичуринскую биологию как единственно правильное, основанное на диалектическом материализме учение. Воспевали, несмотря на совершенно очевидный натурфилософский стиль всего лысенковского творчества, несмотря на явную телеологичность теории самоизреживания, на которой был построен порочный метод гнездовых посадок, несмотря на отрицание идеи развития и признание имманентной целесообразности в учении о зарождении одного вида в недрах другого и в фактическом игнорировании естественного отбора и т.д. Теперь раздались новые голоса. Уже в первом номере "Нового мира" за

1965 г. появилась статья философа Б.М. Кедрова, направленная против Лысенко. Автор пишет: *"...я со всей ответственностью утверждал и утверждаю: нет, современная научная генетика - это не идеализм, а подлинный материализм"* (с. 234).

Наряду с потоком антилысенковских публикаций, направленных в разные издания, усилились обращения в директивные органы отдельных лиц и коллективов с разными предложениями по нормализации положения в биологии. Часть их в дальнейшем была реализована.

Важнейшим этапом в ликвидации лысенковщины было создание в январе 1965 г. комиссии АН СССР по проверке деятельности научно-экспериментальной базы "Горки Ленинские", где Лысенко проводил работы по доказательству эффективности своих методов удобрения органоминеральными смесями и навозно-земляными компостами, и где он создавал с помощью джерсейских быков жирномолочную породу коров. Напомню, что Хрущев, посещая дважды "Горки Ленинские", приходил в восторг от лысенковских изобретений и энергично внедрял их в колхозы нашей страны. "Горки Ленинские" были переданы АН СССР в 1956 г., до этого они находились в системе ВАСХНИЛ. В комиссию АН СССР под председательством члена-корреспондента ВАСХНИЛ А.И. Тулупникова входили ведущие специалисты в области сельского хозяйства. Стенографический отчет о работе комиссии опубликован в 11-м номере "Вестника АН СССР" за 1965 г.

Комиссия работала полтора месяца и досконально обследовала все стороны деятельности лысенковской базы. Выводы ее были крайне отрицательными:

"Невероятно, но факт, что такое широко рекламированное в стране хозяйство в течение длительного времени фактически топчется на одном месте или делает даже шаг назад в отношении урожайности ряда важнейших культур (с. 31). Опыты по определению эффективности органо-минеральных смесей проводились в производственных условиях экспериментального хозяйства с нарушением элементарных основ методики полевого опыта (с. 32). Комиссия не могла получить никаких данных, прямо или косвенно подтверждающих экономическую эффективность рекомендуемого использования органо-минеральных смесей и навозно-земляных компостов... скрещивание коров с быками джерсейской породы, хотя и привело к значительному повышению жирности молока, но резко снизило молочную и мясную продуктивность коров, по сравнению с уровнем, имевшимся в этом хозяйстве до начала скрещивания (с. 31). Крупным недостатком постановки и ведения животноводства в хозяйстве «Горки Ленинские» является высокий расход кормов на единицу продукции" (с. 33).

Эти заключения были подробно аргументированы обнаруженными фактами и цифрами, приведенными в 30 таблицах.

Результаты работы комиссии были переданы Лысенко, и он дал на них пространный ответ. Читая ответ, начинаешь понимать важные стороны психики этого человека, принесшего столько горя нашей стране. Первая фраза ответа: *"Считаю необходимым начать свои возражения с ответа на злостную клевету, возведенную на меня в докладе комиссии"* (с. 57). Затем идут возражения на 10 страницах. Из них ясно, что Лысенко не способен внять никаким совершенно очевидным фактам, если они несовместимы с его

утверждениями. Говорят, факты упрямая вещь, но еще упрямее те, кто не желают с ними считаться. Лысенко фактам противопоставляет путаницу слов, голословные, ничем не подкрепленные опровержения, местами откровенную ложь. Заканчивает он свой ответ так: *"Как правило, они (замечания комиссии. - В.А.) направлены не на выяснение истины, а на ее затуманивание, на охаивание моих теоретических работ и практических результатов"* (с. 64).

2 сентября 1965 г. состоялось совместное заседание Президиума АН СССР, коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и Президиума ВАСХНИЛ. Присутствовали министр сельского хозяйства В.В. Мацкевич и президент ВАСХНИЛ П.П. Лобанов, тот самый, который председательствовал на августовской сессии 1948 г.

Вел заседание президент АН СССР М.В. Келдыш. Открывая его, Келдыш прочел письмо Лысенко с его отказом участвовать в этом заседании. Затем последовал доклад председателя комиссии, после чего началось обсуждение проекта постановления, включавшего все выводы комиссии. Выступило 9 человек, все они полностью поддержали проект. Среди них академик-секретарь Отделения общей биологии АН СССР Б.Е. Быховский, который год назад на Ученом совете ВНИОРХа клеймил авторов статьи в "Неве". Он счел предложения комиссии совершенно справедливыми и подчеркнул, что *"наиболее важно предложение, предусматривающее немедленное прекращение порчи породного скота, которая происходит еще и сейчас"* (с. 108). Академик-секретарь перестроился. Келдыш предложил выступить Лобанову и Мацкевичу, но они отказались. Из руководящих работников "Горок Ленинских" никто не пожелал

выступить, лишь под нажимом Келдыша взял слово директор базы Ф.В. Каллистратов, но он был бессилён что-либо противопоставить выводам комиссии.

Завершилось совещание принятием от имени Президиума АН СССР, Коллегии Министерства сельского хозяйства СССР и президиума ВАСХНИЛ постановления, в котором говорится:

"...комиссия дала вполне объективную оценку работы базы и вскрыла ряд грубых нарушений методики научных исследований и ведения экспериментального хозяйства... Утверждение академика Т.Д. Лысенко о создании им в «Горках Ленинских» такого метода повышения жирномолочности скота, при котором высокая жирность молока передается по наследству независимо от кровности по джерсейской породе, не подтвердилось. Считать недопустимым использование помесных быков из «Горок Ленинских» в племенных хозяйствах... Нет достоверных данных об эффективности применения органо-минеральных смесей" (с. 127-128).

То же сказано и о навозно-земляных компостах. Постановлено было материалы комиссии опубликовать в журналах "Вестник АН СССР", "Вестник сельскохозяйственной науки", "Агробиология". Несмотря на то что комиссией были вскрыты вопиющие безобразия и сознательные подлоги, ни научный руководитель "Горок Ленинских" Т.Д. Лысенко, ни директор базы Ф.В. Каллистратов, ни научный сотрудник С.Л. Иоанисян, руководивший жирномолочной аферой, отстранены от работы не были.

Обследование "Горок Ленинских" явилось переломным моментом в борьбе за ликвидацию лысенковщины. Ведь со

времени, когда она начала разрушать нашу биологию и наносить вред сельскому хозяйству, это был первый случай официального гласного разоблачения и осуждения Лысенко и было оно сделано на уровне двух академий и Министерства СССР. Началось оно уже через три с половиной месяца после отстранения Хрущева от власти. До сих пор критика Лысенко исходила лишь от людей, лишенных какой-либо административной власти, притом гласность критики с 1959 г. стала наказуемой.

Результаты комиссии, обследовавшей "Горки Ленинские", естественно ставили вопрос об официальном отречении от августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. И действительно, Келдыш решил организовать контравгустовскую акцию на общем собрании АН СССР 1965 г. и поручил основной доклад сделать физиологу растений академику А.Л. Курсанову.

Курсанов до этого не участвовал в борьбе с лысенковщиной, и можно было рассчитывать, что такое поручение будет выполнено объективно и компетентно. И действительно, доклад Курсанова на 50 машинописных страницах, выдержанный в спокойных тонах, содержал подробный разбор теоретической и практической деятельности Лысенко и точно рисовал ее катастрофические последствия. До его зачитания на общем собрании АН СССР доклад Курсанова обсуждался на совещании у Келдыша в присутствии нескольких министров и был принят с некоторыми поправками. Однако антиавгустовская сессия не состоялась. На ее проведение пришел запрет из ЦК КПСС. Попытка Курсанова опубликовать текст доклада в печати тоже ни к чему не привела. Этим была упущена возможность благотворно повлиять на процесс оздоровления нашей науки. Ведь во мно-

гих местах, особенно на периферии, было много очагов, где педагогической и исследовательской деятельностью занимались люди, искренне верившие в незыблемость истин мичуринской биологии.

Президиум АН СССР продолжал предпринимать меры по нормализации биологии. Выше было сказано, что Ж.А. Медведев написал обширный труд "Биологическая наука и культ личности" и обратился в разные инстанции, включая АН СССР, с просьбой помочь его опубликованию. Теперь же, в 1967 г. Президиум создал комиссию из пятнадцати человек для рассмотрения этого вопроса. Председателем комиссии был назначен академик Н.Н. Семенов, в нее входили Б.Л. Астауров, Ю.И. Полянский, М.Е. Лобашев, Б.Е. Быховский, М.Н. Хаджинов и другие. После ознакомления с рукописью Медведева комиссия единодушно решила, что опубликовать ее необходимо, и для исправления некоторых неточностей рекомендовала сформировать редакционную коллегию. И на этот раз из высокой партийной инстанции на публикацию книги был наложен запрет. В 1969 г. книга Медведева под названием "Rise and Fall of T.D. Lysenko" была наконец выпущена в свет научным издательством Колумбийского университета.

Несмотря на то что разоблачение лысенковщины притормаживалось указаниями, исходящими из ЦК КПСС, процесс перестройки биологии продолжал прогрессировать. Перечислю основные меры, которые были предприняты для выведения нашей биологии из состояния глубокого кризиса. В 1966 г. было создано Всесоюзное общество генетиков и селекционеров, получившее имя Н.И. Вавилова. Первым его президентом был избран академик Б.Л. Астауров, пользовавшийся огромным научным и мо-

ральным авторитетом. Академия наук СССР организовала Научный совет по проблемам генетики и селекции под председательством академика Н.П. Дубинина. Начал издаваться журнал "Генетика".

Важнейшим событием был провал Лысенко при очередном переизбрании на должность директора Института генетики АН СССР на общем собрании Отделения общей биологии АН СССР в январе 1965 г. Этот пост он занял в 1940 г., после ареста директора института Н.И. Вавилова. За переизбрание голосовало 3 члена Отделения, против 15. Очевидно, что если бы академики заседали на несколько месяцев раньше, до ухода Хрущева, результат голосования был бы иным. В феврале 1966 г. Президиум АН СССР постановил ликвидировать Институт генетики, и Лысенко перевели на место заведующего лабораторией в "Горки Ленинские". Одновременно был учрежден Институт общей генетики АН СССР, директором которого избрали Дубинина.

В 1966 г. закончил свое двадцатилетнее существование редактировавшийся Лысенко журнал "Агробиология", на страницах которого публиковались труды лысенковцев и полемические статьи, полные брани в адрес оппонентов. Вскоре Лысенко вынужден был оставить и кафедру генетики в Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

Крайне необходимо было повысить уровень знаний исследователей, преподавателей вузов и школ в области генетики, цитологии и молекулярной биологии, осведомляя их о последних достижениях западных ученых. В этом отношении большую роль сыграли монографии биофизиков М.В. Волькенштейна "Молекулы и жизнь" (1965), С.Е. Бреслера "Введение в молекулярную биологию" (

1966), а также начавшие ежегодно появляться еще с 1962 г. под редакцией Г.М. Франка сборники переводов статей по цитологии и молекулярной биологии из первоклассного научно-популярного журнала "Scientific American".

Исследования в области молекулярной биологии и генетики на современном уровне требовали совместных усилий специалистов разных дисциплин - биологов, физиков, химиков, а для организации таких комплексных работ нужно было взаимное знакомство и взаимопонимание. Для выполнения этой важной задачи по инициативе биофизиков из Института высокомолекулярных соединений АН СССР в 1965 г. была собрана первая "Зимняя школа по молекулярной биологии". Поначалу приютили школу у себя в Дубне гостеприимные физики Объединенного института ядерных исследований. Собралось около 300 "школьников" всех возрастов, разных специальностей из многих городов страны. Лекторы, они же "школьники", знакомили собравшихся с последними результатами изучения белков, нуклеиновых кислот, с новейшими методами биохимических и биофизических исследований. Огромное значение имели личные контакты и дискуссии между представителями смежных дисциплин. Молекулярные школы начали собираться ежегодно, первое время они длились по 12-14 дней. В 1985 г. в Мозжинке под Москвой школа отмечала свое 20-летие. Трудно преуменьшить ее значение для овладения знаниями современной биологии и для развития молекулярной биологии в нашей стране. Фактически главой школы, ее научным руководителем был замечательный ученый и человек Р.Б. Хесин. Характерной чертой школы было сочетание серьезной науки с шутками и юмором. Лозунг ее был - "От ложного знания к истинному незнанию".

А вот со средней школой дело обстояло совсем плохо. Здесь вплоть до 1966 г. биология преподавалась по учебникам "Дарвинизма", содержащим концентрат бредней мичуринской биологии, и обучали ей преподаватели, большая часть которых понятия не имела о чем-либо ином. Наконец в №4 журнала "Биология в школе" за 1965 г. публикуется проект "Программы по общей биологии для X класса средней школы". Здесь же были помещены статьи генетиков о Г. Менделе (В.В. Сахаров), о значении мутаций (М.Г. Оганесян) и обобщающая статья М.Д. Голубовского "О развитии генетики в нашей стране и научной истине" с суровой критикой лысенковщины. В 1966 г. появилось "Пособие по общей биологии" коллектива авторов под редакцией профессора Ю.И. Полянского, где давалась нормальная биология. В 1969 г. пособие было преобразовано в учебник, который школы используют по настоящее время. Но это еще не решало вопрос. Необходимо было подготовить новых учителей биологии или переучить старых, что было, пожалуй, еще труднее.

Лысенковская империя, оказавшаяся без активной поддержки высоких инстанций, лишенная цензурного щита, начала рушиться. Однако лысенковцы продолжали занимать захваченные ими места в научных, учебных и научно-административных учреждениях. Часть из них начала перестраиваться в меру своих способностей на новый лад, но большинство отстаивало право на существование мичуринской биологии и добивалось какого-то компромисса с наступавшей генетикой и молекулярной биологией. Это был существенный отход от позиции 1948 г., когда на августовской сессии главный лысенковский идеолог и опричник Презент возглашал: *"Мы не будем дискуссировать с морганистами (аплодисменты), мы будем продолжать их разо-*

блачать как представителей вредного и идеологически чуждого, привнесенного к нам из чуждого зарубежья, лженаучного по своей сущности направления (аплодисменты)" (с. 510).

Новые умонастроения лысенковского лагеря нашли свое выражение в статье философа, верного глашатая мичуринской биологии, профессора Г.В. Платонова "Догмы старые и догмы новые". Она была опубликована в 8-м номере журнала "Октябрь" за 1965 г. Статья имела большой резонанс и стимулировала последнюю попытку лысенковцев удержаться на лоне официальной науки. Поэтому придется рассмотреть ее несколько подробнее. В этой статье Платонов осуждает культ личности, считает, что *"Монопольное положение Т.Д. Лысенко в биологической и сельскохозяйственной науке привело к отрицательным последствиям"* (с. 150), приветствует ликвидацию монополии Лысенко в конце 1964 г. и возобновление *"исследований в области хромосомной теории наследственности"*, но он протестует против того, что под флагом борьбы с ошибочными взглядами Лысенко *"начали поход против основ мичуринского учения"*. Как увидим, эта мысль, по существу означающая - за лысенковщину без Лысенко, была подхвачена многими.

Основная же задача пространной статьи Платонова - это утверждение необходимости сближения мичуринского направления, которое он именует "синтетическим", с вейсманно-моргановским, которое называет "аналитическим". Он не пишет, что к этому побудил его полный крах мичуринской биологии, мотивировка приводится иная: *"Решающее значение для такого сближения ранее весьма различных точек зрения имели успехи молекулярной генетики"* (с. 157). К этому весьма оригинальному выводу автор

приходит после изложения современных данных о роли ДНК и РНК в наследственности и синтезе белка. По его мнению, различие между взглядами современных генетиков и мичуринцев, которые отрицают *"существование особого носителя наследственности, носит не столько теоретический, сколько терминологический характер"* (с. 156-157). С помощью подобной эквилибристики автор приходит к убеждению, что в признании одними и отрицании другими передачи по наследству приобретенных адаптивных свойств тоже ничего страшного нет, как и в других вопросах, на которые "синтетическая" и "аналитическая" наука держатся диаметрально противоположных взглядов. В результате Платонов приходит к дикому выводу:

"Полного слияния двух генетических направлений пока не произошло. Но многие их выводы стали весьма близкими. И нужно не мешать, а всячески способствовать объективному процессу их сближения и взаимопроникновения. Нельзя повторять ошибки 1948 года, когда «единственно научной», «до конца истинной» была объявлена мичуринская генетика" (с. 161).

Далее идет призыв к "дружной совместной работе", к "товарищеской полемике", к необходимости начиная со средней школы внедрять в голову учащихся наряду с наукой лженауку и так далее. Большое место в своей статье Платонов отводит осуждению аморальности некоторых ученых: *"Особенно настораживает то, что одни и те же лица дают диаметрально противоположные оценки тем или иным биологическим теориям и взглядам"* (с. 155) и в качестве примера подробно сопоставляет, что говорил философ Б.М. Кедров о Лысенко и мичуринской биологии раньше и теперь, в статье, напечатанной в "Новом мире" за 1965 г.

Расправу с Кедровым Платонов завершает так: *"Не будем заниматься психологическим анализом тех мотивов, которые побуждают самого Б.М. Кедрова раскачиваться на теоретических качелях (О "психологических мотивах" Кедрова будет сказано дальше -В.А.)... Такая беспринципность в науке... оказывает уродующее влияние на научную молодежь, наносит ущерб науке"* (с. 154). Атака Платонова на Кедрова понятна - ведь Кедров был первым философом, бескомпромиссно осудившим лысенковщину. Беда лишь в том, что Платонов не заметил, что все упреки в беспринципности могут быть с еще большим успехом переадресованы ему самому. В своей книге "Диалектический материализм и вопросы генетики", выпущенной в 1961 г., он ни слова не говорит *"об ошибочных взглядах Лысенко"*, от которого теперь хочет избавиться. Тогда он давал свое философское одобрение всем его теоретическим воззрениям, вплоть до порождения одного вида в недрах другого, и всем его практическим новаторствам: *"На огромное значение работ Т.Д. Лысенко и возглавляемого им направления в науке для дальнейшего подъема сельскохозяйственного производства не раз указывал Н.С. Хрущев и другие деятели Коммунистической партии"* (с. 133). Что же касается вейсман-моргановской генетики, к дружеским объятиям с которой он сейчас стремился, то четыре года назад Платонов о ней писал:

"...вейсмановско-моргановская концепция наследственности давно уже вступила в непримиримое противоречие с фактами биологической науки... Наиболее дальновидные и свободомыслящие естествоиспытатели за рубежом справедливо указывают на ошибочность и даже вредность стремлений продлить существование вейсмановско-

моргановской генетики с помощью новых спекулятивных допущений" (с. 161-162).

Как видим, отстранение Хрущева от власти привело к существенным сдвигам в умах философов. Статья Платонова получила широкий отзвук: в редакцию "Октября" в ответ на нее посыпались письма и целые статьи. Общий обзор их дан. в №2 и 12 журнала за 1966 г. Он интересен, так как дает картину разброда, сумбура и растерянности в связи с распадом ранее незыблемых догм мичуринской биологии.

Особенно встревожена периферия. Многие письма полны вопросов и недоумений. Так, в одном из писем сообщается, что учительница средней школы г. Задонска отказалась проводить урок по вегетативной гибридизации, прочитав критическую статью генетика Ю.Я. Керкиса в "Учительской газете". Действительно, как согласовать то, что в программах и учебниках, с тем, что пишут генетики в специальных журналах и общей печати? Ряд откликов был на тему о вреде беспринципности ученых, меняющих свои взгляды. Однако в одном письме, подписанном Е.Х. Фраучи, этому дается разъяснение:

"Потрясенная статьей (Платонова. - В.А.), я сочла своим долгом вступить за честь профессора Б.М. Кедрова... Находясь долгое время на положении сына и брата "врагов народа", все время ощущая над собой дамоклов меч возможной репрессии, мог ли он в 1948 году высказывать свои истинные мысли?... Он обязан был время от времени выступать в печати... Конечно, отдавать жизнь за свои идеалы всегда считалось почетным и сверхблагородным, но не всегда это имело смысл..." (с. 144-145).

Интересно, что когда в 1948 г. под влиянием насилия многие ученые отказывались от своих мыслей и делали вид,

что уверовали в навязанные идеи, это расценивалось лысенковцами как мужественное признание своих ошибок. Когда же эти люди в связи с устранением гнета возвращались к своим истинным убеждениям, это квалифицировалось как проявление аморальности, беспринципности.

Статья Платонова породила не только поток писем, но и обсуждение ее во многих вузах и институтах. В связи с таким интересом редакция журнала "Октябрь" посвятила обсуждению этой статьи "Круглый стол", в котором участвовало более 130 человек, из них выступило 26. Материалы этого совещания были опубликованы в №2 "Октября" за 1966 г. Из-за ограниченности места было дано изложение лишь 18 выступлений. Характерно, что в числе тех, кому не хватило места, оказался Президент. Наступило иное время!

Среди присутствовавших за "Круглым столом" видных генетиков не было, слабо был представлен и лысенковский штаб. Мнения обсуждавших статью расслоились. Большинство сочло своим долгом осудить беспринципность ученых, *"шарахающихся от одной догмы к другой"*, многие требовали не смешивать ошибочные взгляды Лысенко с мичуринской биологией. Ведь "Стол" заседал после обследования "Горок Ленинских" комиссией АН СССР, которая похоронила последние изобретенные Лысенко чудодейственные мероприятия: органо-минеральные удобрения и жирномолочный скот. И верные лысенковцы, чтобы задержать свое падение, решили сбросить в качестве балласта самого народного ученого Лысенко. Что касается слияния молекулярной генетики с мичуринской биологией, то многие отнеслись к этому с полным сочувствием, некоторые говорили не о слиянии, а о сосуществовании. Эту мысль высказал и профессор Студитский. Он призвал вести твор-

ческие дружественные дискуссии с генетиками, которых в 1949 г. называл "мухолюбими-человеконенавистниками" (см. стр. 61). Некоторые выступавшие пытались доказать, что современные достижения молекулярной генетики вскрыли несостоятельность "вейсманизма-морганизма" и корпускулярной теории наследственности (Фейгинсон).

Отповедь попыткам лысенковцев совершить какую-то противоестественную сделку с современной генетикой, чтобы отстоять право продолжать свою псевдонаучную деятельность, дал присутствовавший на заседании писатель В.Д. Дудинцев:

"Правильно ли сказал Г.В. Платонов в своей статье, что эти два направления, как проходчики шахт, копали друг другу навстречу, чтобы где-то сомкнуться? Одни действительно копали шахту. Другие занимались иной деятельностью, которую я, в силу прозвучавшего здесь призыва к подбору выражений, не могу назвать" (с. 156).

О бессмысленности слияния генетики с мичуринской биологией решительно высказался и генетик В.К. Щербаков:

"...концепции двух направлений в генетике по основному вопросу (признание гена. - В.А.) прямо противоположны. Может ли быть какая-либосредняя точка зрения и, соответственно, слияние двух направлений в генетике? Думается, нет" (с. 161).

Изложение содержания писем и выступлений на "Круглом столе" редакция журнала "Октябрь" сопровождала собственными репликами, из которых явствует, что она целиком и полностью разделяет позицию Платонова. Что же думал штаб лысенковцев? Нуждин не высказался, мнение Презента до сведения читателей не доведено, но Глущенко, хотя и

отсутствовал на "Круглом столе", все же прислал письмо в журнал, в котором писал: *"В развернувшихся за последние два года спорах и выступлениях различных органов печати по поводу биологии редакция журнала «Октябрь», на мой взгляд, заняла наиболее правильную позицию"* (с. 168). Несмотря на все усилия журнала "Октябрь", противоестественное слияние науки и антинауки не произошло.

Характерно, что, совершая эти беспринципные потуги в двух номерах журнала за 1966 г., редакция "Октябрь" (главный редактор В. Кочетов) снабдила их заголовками: "За партийную принципиальность в науке" (№2), "Еще раз о партийной принципиальности в науке" (№12). Вмешательство журнала "Октябрь" в процесс оздоровления биологии вызвало возмущение биологов, и Ученый совет Ботанического института АН СССР направил свое решение в газету "Правда" и журналы "Вопросы философии" и "Октябрь", где говорится: *"Такое выступление, не имеющее ничего общего с партийной принципиальностью и направленное на дезориентацию общественного мнения, не может не вызывать самого отрицательного отношения научной общественности..."*.

Между тем, по мере развития у нас работ по молекулярной биологии, генетике, цитологии распад мичуринской биологии прогрессировал. Налаживалось нормальное преподавание биологии в вузах и средних школах, появились новые программы и учебники. Лысенковцы начали утрачивать свои позиции, наступил их черед обращаться за помощью в высокие партийные сферы. На имя Л.И. Брежнева было послано письмо, подписанное 24 учеными, среди которых Герои Социалистического Труда, лауреаты Ленинских премий, академики П.П. Лукьяненко, В.Н. Ремесло,

И.Г. Эйхфельд, А.К. Гребень и другие. В письме указывалось на *"неблагополучие в биологической и сельскохозяйственной науке"*: зажим и дискредитация мичуринского направления, исключение мичуринской тематики из планов научных учреждений, отказ редакций печатать мичуринские работы, игнорирование и искажение мичуринского учения в учебных программах и учебниках для средней и высшей школы, помехи в защите кандидатских и докторских диссертаций по мичуринской тематике. Это письмо авторитетно подтверждало, что наша биология действительно стала на путь к выздоровлению. Естественно, что слово "мичуринская" следует читать "лысенковская".

ЦК КПСС поручило министру сельского хозяйства СССР Мацкевичу и президенту ВАСХНИЛ Лобанову принять авторов письма. Встреча состоялась в апреле 1970 г. На ней выступили Глущенко, Платонов, Гребень и другие товарищи, иллюстрируя примерами содержание письма. Информацию об этом совещании группа его участников завершает изложением заключительного слова Мацкевича. Министр поблагодарил авторов письма за справедливую и принципиальную постановку важных вопросов и высказал критические замечания в адрес классической генетики, которая не выполняет данных обещаний по эффективному обслуживанию сельского хозяйства. Мацкевич обещал вместе с Лобановым обо всем доложить в ЦК КПСС, связаться с президентом АН СССР Келдышем, с председателем Госкомитета по науке Кириллиным, ВАКом. Министерству сельского хозяйства и ВАСХНИЛ даны будут прямые указания об устранении отрицательных явлений, отмеченных в письме и в устных выступлениях ученых.

Перестройка биологии после ухода Хрущева все же шла в сложных условиях. Запрет на развертывание работ по классической генетике, цитологии, молекулярной биологии был снят, и в этом направлении делалось немало. В апреле 1974 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР выносят постановление "О мерах по ускорению развития молекулярной биологии и молекулярной генетики и использованию их достижений в народном хозяйстве". Ряд научных учреждений получил дополнительные ассигнования для реализации этого постановления. Но была другая, менее благополучная сторона. Ведь необходимо было избавиться от лысенковщины, продолжавшей оказывать сопротивление нормализации науки. Однако высшие партийные и правительственные инстанции продолжали покровительствовать лысенковщине. Так как имя Лысенко стало одиозным, то его отшвартовывали от мичуринской биологии, а ведь в программе партии в отношении ее сказано: *"Шире и глубже развивать мичуринское направление в биологической науке..."*. Если в первые годы после снятия Хрущева в общей печати можно было беспрепятственно критиковать мичуринскую биологию и сессию ВАСХНИЛ 1948 г., то со временем такая критика начала наталкиваться на препятствия. Один из примеров: академику А.Л. Курсанову в 1982 г. исполнялось 80 лет. В связи с этим он составил для печати сборник своих публицистических работ "Ученый и аудитория", в который поначалу включил свой несостоявшийся в 1965 г. доклад "Советская биология 50-х годов", но публикация этого доклада была запрещена. (Вообще до 1985 г. историки вынуждены были в основном следовать девизу: "не ворошить прошлое!").

Тенденция охранять мичуринскую биологию от разоблачения приносила реальный вред. Ведь на многих научных и

преподавательских постах, особенно на периферии, все еще функционировали лысенковцы, продолжая выпускать негодную научную продукцию и прививать молодежи совершенно искаженные представления о современной биологии. Это, несомненно, тормозило восстановление нашей биологии, которая на десятки лет отставала от западной науки. Такое половинчатое решение трудных проблем лишь отражало характерные черты брежневского периода. И все же созданная Лысенко мичуринская биология обречена была на постепенное естественное отмирание. Сам же Лысенко завершил свой жизненный путь 20 ноября 1976 г. в 79-летнем возрасте.

* * *

В 1970 г. произошло связанное с биологией событие, которое грозило тяжелым последствием для престижа нашей страны. Вечером 29 мая группа работников милиции и два психиатра, взломав дверь, ворвались в квартиру Ж.А. Медведева в Обнинске, заломили ему руки в присутствии жены и двух сыновей и увезли в Калужскую психиатрическую больницу. После изгнания из Тимирязевской сельскохозяйственной академии за свой труд "Культ личности и биологическая дискуссия в СССР" Медведев устроился заведующим лабораторией в Институте медицинской радиологии в Обнинске Калужской области. Несмотря на беды, которые принесла ему анти-лысенковская рукопись, Медведев не прекратил публицистическую деятельность, и в 1969 г. закончил большую работу "Сотрудничество ученых и национальные границы", где показал, какой урон нашей науке приносят различные бессмысленные

препятствия, которые возводились в то время на пути общения советских ученых с зарубежными коллегами.

Весной 1969 г. по требованию Обнинского горкома КПСС Медведев на основании ложных обвинений был уволен с работы. Он протестовал против незаконного увольнения, и это, видимо, послужило основной причиной насильственного помещения его в психбольницу, несмотря на то, что он был совершенно здоров и никогда не обращался ни к психиатру, ни к невропатологу. Медведев - крупный ученый, и его работы по биохимии, геронтологии и генетике были широко известны и в нашей стране, и на западе.

Использование психиатрии для борьбы с публицистической деятельностью Медведева, направленной на благо нашей науки, вызвало бурное негодование самых широких кругов интеллигенции и в нашей стране, и за границей. В адрес Минздрава СССР, Генерального прокурора СССР, ЦК КПСС, Верховного совета СССР, совета Министров СССР, КГБ, Калужской психбольницы шли десятки телеграмм и писем с протестами как из Советского Союза, так и из-за рубежа. И я направил Генеральному прокурору СССР Руденко телеграмму:

"С возмущением узнал о насильственном заключении в психиатрическую больницу города Калуги известного биолога Медведева Жореса Александровича. Прошу срочно расследовать действия врачей больницы и немедленно освободить Медведева".

В Калугу из Москвы приезжали навещать Медведева и протестовать против его задержания крупные ученые и писатели: Б.Л. Астауров, А.А. Нейфах, А.Т. Твардовский, В.Ф. Тендряков, В.Д. Дудинцев, В.А. Каверин и другие, а

также друзья репрессированного отца Жореса, старые большевики. Дело Медведева освещали зарубежные газеты и радиостанции. В 1971 г. предстоял Международный конгресс психиатров в Мексике и дело Медведева могло перерасти в крупную антисоветскую акцию. Все это, а также энергичные и разумные действия брата Жореса Роя Медведева заставили выпустить Жореса после 18-дневного его заключения в психбольнице.

Моя телеграмма Руденко оказалась с "отплаченным" ответом. Летом 1970 г. я получил от Института океанологии два места на глубоководный рейс корабля "Академик Курчатов". Наша лаборатория цитофизиологии и цитоэкологии много лет вела исследования по действию высокого гидростатического давления на клетки. Интересно было выяснить, как приспособливаются клетки глубоководных организмов, испытывающих гидростатическое давление многих сотен атмосфер. Рейс был с заходом в порты капиталистических стран, и требовалось оформление соответствующих документов на право выезда. Первым делом нужно было получить научно-общественную характеристику от Ботанического института, где я работал.

Через несколько дней после начала оформления меня вызвал директор института Ал. Федоров и сообщил, что сотрудник КГБ, опекающий наш институт, предупредил его, чтобы он не подписывал мою характеристику в связи с моим вмешательством в дело Ж. Медведева. Я спросил у Федорова, могу ли я оперировать сообщенным мне фактом. Он разрешил и назвал мне фамилию сотрудника КГБ (которую я забыл). Тогда я добился у этого сотрудника приема и имел с ним часовую беседу. Он по образованию был врач, и мне нетрудно было объяснить, какую пользу оказывал

Медведев своей научной и публицистической деятельностью. Медведев к тому времени был уже освобожден из психбольницы, и я выразил недоумение: поскольку Медведева выпустили, значит его насильственная госпитализация была ошибкой. Своей телеграммой я сигнализировал о том, что совершена ошибка, какие же основания предъявлять мне претензии, вместо того, чтобы благодарить за сигнал. Сотрудник обещал пересмотреть этот вопрос и о результате сообщить. Через несколько дней он сообщил и мне, и Федорову, что КГБ свой запрет снимает. И все же разрешения на поездку я не получил, правда, КГБ - не единственная инстанция, от которой зависело разрешение на выезд за границу.

Позорная история с попыткой упрятать Ж. Медведева в сумасшедший дом была подробно изложена братьями Медведевыми в 1970 г. в публикации, названной ими "Кто сумасшедший?" Она вышла за рубежом на разных языках, включая русский. У нас же она впервые появилась в 1989 г. в 4-м и 5-м номерах журнала "Искусство кино". Дело Медведева было, по-видимому, последним вмешательством КГБ в борьбу на биологическом фронте.

Борьба с лысенковским засильем во втором издании Большой Советской Энциклопедии

Во всех развитых странах наряду со специальными энциклопедическими словарями издаются многотомные универсальные энциклопедии. Функции таких всеохватывающих справочных изданий крайне многообразны, и их роль в жизни общества велика. Чтобы соответствовать своему назначению, энциклопедии должны предлагать читателю статьи, объективно и компетентно излагающие современное

состояние вопроса. Большие национальные энциклопедии отражают культурный уровень страны в самом широком смысле этого слова.

В Советском Союзе до настоящего времени "Большая Советская Энциклопедия" издавалась трижды. Первое издание в 65 томах выходило с 1926 по 1947 г., второе (БСЭ-2), состоявшее из 51 тома - с 1949 по 1958 г., и третье издание, 30-томное, - с 1970 по 1978 г.

Как видим, изготовление 2-го издания БСЭ было начато в самый мрачный период истории нашей биологии, да и для других сторон культуры страны эти годы были связаны с тяжкими испытаниями. Захватывая все ключевые позиции, связанные с биологией и агрономией, Лысенко и его сатрапы не могли оставить вне сферы своего монопольного влияния БСЭ-2. Это им вполне удалось. Главным редактором первых семи томов БСЭ-2 был академик С.И. Вавилов, а с 8-го тома и до конца издания - также крупный физик академик Б.А. Введенский. Членом Главной редакции и ответственным редактором по биологии в БСЭ был беспрекословный исполнитель воли Лысенко и всех вышестоящих инстанций академик А.И. Опарин. Заведовал биологической редакцией Иван Александрович Поляков. В числе редакторов-консультантов - активные мичуринцы А.А. Имшенецкий, Н.И. Нуждин, Н.М. Сисакян, Г.К. Хрущев. Соответственно подбирались и рецензенты статей.

Впрочем, персональный состав деятелей биологического раздела в БСЭ-2 особого значения не имел. Любой человек, согласившийся в то время участвовать в этом деле, должен был неукоснительно содействовать изложению на страни-

цах БСЭ-2 догм мичуринской биологии и ниспровержению метафизической буржуазной биологии. Ведь мичуринская биология стала элементом партийного мировоззрения. В 1-м томе БСЭ-2 в обращении "От редакции" сказано: *"Победы материалистического учения в биологии, работы мичуринцев ознаменовали новое торжество принципов марксизма-ленинизма в науке"*. В соответствии с этим написание всех статей по вопросам общей биологии, эволюционного учения, генетики, цитологии и др. было поручено Лысенко, Лепешинской и их подручным - Нуждину, Глущенко, Фейгинсону, Хрущову, Макарову и др. В результате деятельности такого коллектива авторов биологический раздел БСЭ-2 превратился из справочника, дающего сведения о современном состоянии предмета, в трибуну, пропагандирующую лженаучные догмы Лысенко и Лепешинской. Достижения мировой науки, несовместимые с ними, тщательно скрывались от читателя. Многие ученые, обогатившие биологию крупнейшими открытиями, изображались прислужниками буржуазии, реакционерами, метафизиками, мракобесами. К помощи энциклопедического словаря люди прибегают как к наиболее авторитетному справочнику, а вместо объективных научных сведений по биологии они получали совершенно искаженную ложную информацию, которую некомпетентные читатели могли принять за чистую монету. Тем самым биологический раздел БСЭ-2 приносил по существу огромный вред.

Тон был задан статьей Опарина "Биология" в 5-м томе БСЭ-2. В ней мы читаем:

"Т.Д. Лысенко показал, что в современной Биологии противостоят друг другу два противоположных направления: прогрессивное - материалистическое учение Мичурина и

реакционное - идеалистическое учение последователей Вейсмана, Менделя, Моргана" (с. 203).

"Положительным в учении Дарвина было то, что он допускал возможность наследования приобретенных свойств..." (с. 204).

"По воззрениям менделистов-морганистов, носителями основных свойств жизни являются микроскопические "генные молекулы"... (с. 203).

"Мичуринское учение убедительно демонстрирует черты советской Биологии, поднимающие ее на недостижимую для зарубежной науки высоту. Эти черты - вооруженность передовой теорией Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина..." (с. 205).

Вряд ли стоит приводить примеры псевдонаучного вздора, которым были насыщены статьи "Вид" (Лысенко), "Ген" (Нуждин), "Генетика" (Лысенко), "Жизненность" (Лысенко), "Живое вещество" (Лепешинская, Крюков), "Наследование приобретаемых свойств" (Поляков), "Наследственность" (Кушнер) и многие другие. Фальсифицированы были не только статьи по самой биологии. Искажения вносились и в статьи по смежным дисциплинам, если они касались биологии. Это относится прежде всего к медицине, и в частности к вопросу о наследственных заболеваниях, а также к сельскохозяйственной тематике.

В одном из разделов записок я рассказал, как удалось в конце 1952 г. прорвать цензурный кордон, оберегавший мичуринскую биологию от любых критических замечаний. На страницах "Ботанического журнала" и других изданий начали появляться статьи, разоблачающие те или иные по-

ложения мичуринской биологии. В 7-м номере "Ботанического журнала" за 1956 г. была опубликована отличная статья В.Л. Рыжкова "Вопросы общей биологии в Большой Советской Энциклопедии", где автор дает разгромную критику ряда упомянутых выше статей и указывает, что советской науке нанесен существенный ущерб.

В этой статье Рыжков, между прочим, пишет: *"Воззрения Г.М. Бошьяна явились, по-видимому, своего рода принудительным ассортиментом, и даже авторы статей, не оказывающие никакой поддержки его взглядам, упоминали о нем (статьи: "Бактерии" А.А. Имшенецкого, "Вирусы" В.Л. Рыжкова)". Действительно, статья самого Рыжкова в 8-м томе БСЭ-2 заканчивается словами: "В 1949 г. Г.М. Бошьян опубликовал результаты опытов, согласно которым при определенных условиях можно наблюдать превращение Вирусов в бактерии и обратный переход бактерий в фильтрующиеся формы"* (с. 159).

Мне стали известными некоторые документы, связанные со статьей "Вирусы" Рыжкова в БСЭ-2, из которых ясно, что заставило его дать подобную концовку к своей статье без всякой оговорки. Рукопись статьи, написанной в полном соответствии с уровнем науки о вирусах того времени, биологическая редакция БСЭ-2 отправила на отзыв самому Бошьяну.

В июне 1950 г. Бошьян прислал отзыв, где на пяти машинописных страницах дает "сокрушительную" критику статьи Рыжкова и приходит к выводу, что *"...данная статья, как не отражающая уровня наших современных знаний о вирусах и новейшие достижения советских ученых в этой*

области, не может быть, по нашему мнению, помещена в соответствующий раздел БСЭ".

Редактор-консультант Г.К. Хрушов по поводу этого документа дает следующее заключение: *"Замечания Г.М. Бошьяна в большей своей части верны. Их нужно принять. Однако очень трудно переделать имеющийся текст статьи на основе этих замечаний. Я думаю, что следовало бы заказать статью Г.М. Бошьяну. Его замечания уже составляют основу для такой статьи. 2/VII-50 г."*

И наконец, за подписью П. Бондаренко следует реакция научно-контрольной редакции: *"Статью нельзя одобрить к печати. Она совершенно не освещает (кроме частных положений) новых, принципиально отличных взглядов на природу Вирусов, развиваемых Г.М. Бошьяном"*.

Что дальше последовало, мне неизвестно; остается только удивляться, что Рыжкову удалось откупиться лишь кратким упоминанием о Бошьяне в конце своей статьи.

Разговор о БСЭ-2 я затеял не только для того, чтобы показать еще одно разрушительное последствие деятельности Лысенко. Я был вовлечен в борьбу за оздоровление нашей биологии в Энциклопедии, и мне хотелось показать, как лженаука отстаивала свои уже изрядно шатающиеся позиции на этом важнейшем участке биологического фронта. Моему взаимодействию с БСЭ-2 положило начало письмо заведующего редакцией биологии И.А. Полякова от января 1954 г. с просьбой дать отзыв на рукопись "Протоплазма". Статья была очень слабой и для энциклопедии явно не годилась. Я дал отрицательный отзыв и вскоре получил просьбу вместо нее написать новую.

Моя статья была принята и опубликована (1955. Т 35). Никаких острых моментов статья не содержала и поводов для дискуссий с биологической редакцией БСЭ-2 не давала. Однако в декабре 1954 г. Поляков предложил мне написать большую статью "Цитология". Для меня было очевидно, что в такой статье избежать столкновения с Лысенко и Лепешинской не удастся. Ведь в томе, вышедшем в 1953 г., в статьях "Клетка" и "Клеточная теория" П.В. Макаров оповещал читателя, что хромосомы в неделящихся ядрах вообще отсутствуют, что Лепешинская доказала возникновение клеток из живого вещества, не имеющего клеточной структуры, что ее исследования *"...полностью опровергли механистические и идеалистические представления немецкого биолога Р. Вирхова о том, что К<летки> могут образовываться только путем деления..."* (с. 417), что впервые клеточную теорию сформулировал русский ученый П.Ф. Горянинов, да и в других статьях БСЭ-2 в отношении клеток сообщалось многодких, ложных сведений. Поэтому при переговорах с Поляковым в январе 1955 г. я заявил, что могу написать статью "Цитология", если он согласится с тремя следующими положениями:

1. Клеточную теорию, разработанную в 1839 г. Т Шванном, не буду приписывать Горянину, который никакого отношения к ней не имел.
2. "Новую клеточную теорию" Лепешинской, как лженаучную, упоминать не буду или изложу с соответствующей критикой.
3. Если в БСЭ-2 не предусмотрена статья "Цитогенетика", то я в своей статье изложу этот важнейший раздел цитологии.

Поляков мои условия принял, и я к 1 мая 1955 г. отослал статью, включив в нее цитогенетику с изложением основных положений классической, следовательно, менделевско-моргановской, генетики и хромосомной теории наследственности, заклеянных в ряде статей, опубликованных в БСЭ-2 как порождение буржуазной антинаучной метафизики.

Через несколько месяцев после этого я получаю из БСЭ-2 два отзыва на свою статью. Оба отрицательные, с выводами о невозможности опубликования ее на страницах БСЭ-2. Как и положено, авторы отзывов не указаны, но с помощью старшего научного редактора М.Е. Аспиз мне удалось получить оригиналы отзывов. Автором одного из них был А.Н. Студитский, второго - Н.И. Нуждин. Студитский гневается на меня за то, что я пишу об успехах в области цитогенетики, о хромосомном механизме определения пола, о линейном расположении генов в хромосомах и не привожу фактов, опровергающих хромосомную теорию развития и наследственности. Нуждин обвиняет меня следующими словами:

"Автор поставил специальную цель - преподнести читателю в самом лучшем виде все то, что было раскритиковано советской биологией. Его необъективность заходит настолько далеко, что он считает возможным не упомянуть об этой критике, наивно полагая, что тем самым он восстановит домичуринский период в биологии".

В сентябре 1955 г. я решил поехать в Москву для объяснения с Поляковым. Он мне предложил внести в рукопись ряд изменений в угоду моим рецензентам, но я от этого отказался. На этом мы расстались, а в середине ноября я получил за подписью Полякова такое письмо:

" Редакция пыталась учесть все рациональные замечания рецензентов и внесла в статью соответствующие изменения, но Вы, как Вам известно, будучи в редакции (сентябрь 1955 г.), категорически отвергли все изменения, настаивая на сохранении всех положений, изложенных Вами в авторском экземпляре. В связи с этим мы лишены возможности принять к опубликованию в БСЭ Вашу статью «Цитология» и вынуждены заказать ее другому автору, о чем и ставим Вас в известность".

В этой истории было непонятно, почему столь ответственную статью заказали мне, "реакционному" ученому, а не своему, проверенному автору. Ведь до этого момента вся биология в БСЭ-2 была беспросветно мичуринской. Если же заказали мне, желая как-то изменить курс в соответствии с новыми веяниями, то почему рецензировать статью дали двум махровым мичуринцам? В этом была какая-то неувязка.

Для меня было совершенно очевидно, что сдаваться нельзя и пора добиваться изгнания из БСЭ лысенковщи-ны, монополизировавшей в ней всю биологию. В этом намерении меня поддержали мои товарищи по Ботаническому институту АН СССР, ведущие борьбу с лысенковщиной на страницах "Ботанического журнала". С протестом против отказа в публикации моей статьи я решил обратиться к главному редактору БСЭ-2 академику Б.А. Введенскому. Но в Москву нужно было ехать не с пустыми руками. Для этого я обратился к ряду крупных биологов с просьбой дать отзыв на мою статью и высказаться о пригодности ее для публикации в БСЭ-2. В результате я получил 6 отзывов: от членов-корреспондентов АН СССР П.А. Баранова, Д.Н. Насонова, В.Л. Рыжкова, действительного члена АМН СССР Н.Т. Хлопина и профессоров М.С. Навашина и

В.П. Михайлова. Все отзывы давали высокую оценку статье, и большинство из них содержали суровую критику в адрес биологической редакции БСЭ-2. Особенно резко о ее деятельности высказался Д.Н. Насонов. Свой отзыв он закончил следующими словами:

"Я полагаю, что вопрос о засорении БСЭ антинаучным, дезинформирующим советского читателя мусором - это вопрос первостепенной важности. Я убежден, что необходимо спешно принять все меры для предотвращения в дальнейшем этой возмутительной деятельности. В связи с этим я считаю своевременным пересмотреть состав редакции биологического раздела БСЭ, ответственной за печатаемые порочные статьи" (18 ноября 1955 г.).

9 декабря я был принят Б.А. Введенским. Сперва я вручил ему заявление, в котором изложил историю моей статьи, и заключил его следующим абзацем:

"Я прошу пересмотреть вопрос о моей статье, ознакомившись со всеми приложенными документами. Я считаю, что вопрос о моей статье не является частным. Решение его покажет, будет ли БСЭ в отношении цитологии и цитогенетики продолжать свою политику фальсификации и умалчивания достижений науки или она начнет, наконец, объективно и правдиво освещать советскому читателю эти важнейшие области биологии".

После прочтения этого документа мы с Введенским беседовали с глазу на глаз, и мне стало ясно, что он все прекрасно понимает и агитировать его нужды нет. Затем он вызвал своего заместителя А.А. Зворыкина. Беседа втроем шла в мирных тонах, Введенский сказал: после всего того, что писалось по биологии до сих пор, мы не можем огоршить читателя Вашей статьей. Нужно в ней изложить и противоположные взгляды. Я сказал, что от этого не отка-

зываюсь. Зворыкин тоже на этом настаивал, но рекомендовал изложить их так, "чтобы не создавалось впечатление, что сперва эти душили тех, а теперь наоборот". Мне пришлось объяснить разницу между "этими" и "теми". В это время появился вызванный Введенским Поляков и сразу внес диссонанс в наш мирный разговор. Он прежде всего выразил удивление по поводу того, что автор проявляет такую настойчивость, добиваясь публикации отклоненной статьи: "У нас это не принято". На это я ему сказал, что вопрос о публикации моей статьи дело не личное, а общественное, принципиальное. Услыхав от Зворыкина, что мы договорились осветить обе точки зрения (то есть классической цитогенетики илысенковского бреда), Поляков в мажорных тонах начал реплику: "Да, но нужно после изложения цитогенетических позиций прямо сказать, что вопреки этому мичуринская биология ...". Тут я его прервал: "При чем тут мичуринская биология?" И сразу вмешался Введенский: "Иван Александрович, только, пожалуйста, без Мичурина и без диалектического материализма!" Поляков осекся. Далее Введенский предложил мне и Полякову отправиться в биологическую редакцию и попытаться согласовать текст.

Пришли в комнату биологической редакции, сели рядом за стол. Поляков находился в крайне раздраженном состоянии, и я решил, прежде чем мы начнем торг о фразах, его несколько охладить отзывами о моей статье, подписанными крупными цитологами, а также заявлением на имя Введенского. Прочтя последнее, он сперва взвился; Я что-нибудь искажал?" Я начал перечислять, что искажала БСЭ-2 в биологических статьях, и тут же получил поддержку от его сотрудницы М.Е. Аспиз. Поляков стушевался и взялся

за отзывы, которые прочел не отрываясь, после чего тон его изменился:

"Да, мы раньше односторонне освещали, но теперь положение изменилось и мы должны давать объективную картину. Поэтому мы к Вам и обратились. Я читал Вашу статью о Шипачеве. Удивительная вещь. А кто этот Шипачев?"

Я отвечаю: "Иркутский профессор, хирург, старик".

- "Так что же это, старческий маразм?"

Я: "Почему же старческий, ведь подобный же бред исходил и от многих товарищей, находившихся в цветущем возрасте". Напоминаю, что, Шипачев всаживал в брюхо разным животным проросшие семена злаков и описывал превращение растительных клеток в животные (см. стр. 135).

Затем мы занялись согласованием текста моей статьи. Посидев полчаса над двумя фразами, мы вроде договорились, но когда он их перечел и понял, что по сути ничего в них не изменилось, то воскликнул: "Владимир Яковлевич, да войдите в наше положение, будьте уступчивее!" А уступать было нечего. Между лысенковщиной и наукой ничего промежуточного не было. Убедившись в безнадежности добиться компромисса, Поляков сказал: "Ведь о чем бы мы с вами ни договорились, все равно потребуются санкции Опарина, ведь все статьи по биологии идут с его визой. Придется все бумаги переслать ему, пусть он и решает".

На этом мы с ним и расстались, а я начал добиваться разговора с Управлением агитации и пропаганды ЦК, на попечении которого находилась Энциклопедия. В тот же день ме-

ня принял сотрудник Отдела ЦК К.М. Боголюбов. Беседа была длительная, в ней были занятные моменты. Когда я признался, что "написать в Энциклопедию такую статью как "Цитология" задача очень трудная. Я допускаю, что в статье имеются те или иные недочеты и я готов их исправить", Боголюбов в ответ сказал: "Ну, в точных науках это понятно, но даже в общественных науках, где, кажется, уже все ясно и то бывают споры. Сколько, например, хлопот было со статьей «Партия»". Я пожаловался Боголюбову на биологическую редакцию БСЭ-2 за то, что она привлекает в качестве рецензентов таких типов, как Студитский: "Когда появилась книжка афериста Бошьяна, вздорность которой была ясна всякому биологу, Студитский сразу разразился тремя статьями с восхвалением этого "блестящего открытия". Биологическая редакция это знала. Так на каком основании она приглашает в качестве дегустатора человека, который не может отличить мочи от вина?" Собеседник ухмыляется. В беседе он держался весьма доброжелательно и предложил для обсуждения вопроса в ближайший день вызвать меня и представителей БСЭ-2.

Через два дня у Боголюбова в ЦК собрались Поляков, Зворыкин и я. Я начал разговор с того, что, настаивая на публикации моей отклоненной статьи, я защищаю не свои интересы, а прежде всего интересы БСЭ-2, которая должна публиковать правду о современном состоянии науки. Я, как специалист-цитолог, несу ответственность за этот раздел биологии, и никто чувство ответственности с меня снять не может. Далее я начал в сущности читать присутствующим лекцию по генетике и цитогенетике. Боголюбов и Зворыкин, не будучи биологами, с интересом слушали о хромосомной теории наследственности, о хромосомном определении пола, о практическом значении работ по полиплоид-

дии и т.д. Поляков же, бывший генетик, забыв о бдительности, под влиянием нахлынувшего прошлого временами мне поддакивал.

После окончания "лекции" Боголюбов спрашивает: "Скажите, это все догадки или в этом можно убедиться точно?"

Я ответил, что в этом можно убедить любого школьника, показав ему под микроскопом делящиеся клетки от самцов и самок или клетки полиплоидов.

Боголюбов к Полякову: "Так как же, неужели Лысенко все это отрицает?"

Поляков: "Да, он это отрицает".

Зворыкин к Полякову: "Иван Александрович, Вы же бывший генетик, что же Вы все нападаете на хромосомную теорию, просто как ренегат?"

Беседа была длинная. Поляков настаивал, чтобы в разделе цитогенетики хромосомную теорию наследственности и лысенковское ее отрицание изложить на паритетных началах. Я от этого категорически отказывался. Решено было дождаться мнения Опарина.

В тот же вечер я уехал обратно в Ленинград, а через неделю вернулся в Москву и сразу отправился в БСЭ. Здесь Поляков мне сообщил, что Опарин в ярости из-за того, что в заявлении к Введенскому я обвинил его в фальсификации, так как он себя считает ответственным за биологию в БСЭ-2, и обещал через два дня дать письменный отзыв.

Пока же мы с Поляковым отправились к заместителю Введенского Л.С. Шаумяну, которому было поручено ведение моего дела. Шаумян начал упрекать меня за употребление в официальном документе таких слов, как "фальсификация":

"Ведь Вы же понимаете, что фальсификация - это обвинение в умышленном искажении или подделке!"

- "Лев Степанович, я мог бы подыскать другое слово, предполагающее не умышленное искажение, но так как речь идет о действиях лиц, имеющих высшее биологическое образование, то это слово было бы заведомо неадекватным".

Шаумян сочувственно улыбнулся и начал мне объяснять, в каком трудном положении оказывается БСЭ-2 при переходе к объективному изложению биологии.

На это я ему ответил: "Ведь Вы уже сами начали исправляться, В статье Нуждина «Морганизм» ясно сказано, что морганизм является теоретической основой расизма, а в томе на букву «Р», в статье «Расизм» уже ни слова не сказано о том, что основой расизма является морганизм".

Тут Поляков, не поняв значения фактора времени, вставляет: "Да, но в статье «Евгеника» сказано, что морганизм лежит в основе евгеники и расизма".

На это я ответил: "Если бы евгеника писалась не на «Е», а на «Э», то этого, я надеюсь, не было бы".

Шаумян опять улыбается.

Через два дня мне вручили "Заключение по статье «Цитология»" за подписью Опарина, датированное 22 декабря

1955 г. В нем сказано, что "статья написана с метафизических позиций". Это утверждение аргументируется, в частности, тем, что

"...в разделе собственно морфологии клетки автором пропагандируется ошибочное положение Р. Вирхова, исключаящее идею развития: «каждая клетка от клетки»; в разделе «цитогенетика» пропагандируется как крупнейшее завоевание науки метафизическая по своей сущности хромосомная теория наследственности и т.д."

Приговор же был объявлен уже в первом абзаце "Заключения":

"Детально проанализировав статью «Цитология», подготовленную профессором В.Я. Александровым, я пришел к выводу о недопустимости опубликования ее на страницах БСЭ".

Таким образом, Опарин в самом конце 1955 г. продолжал усердно отстаивать лженауку не только Лысенко, но и Лепешинской, несмотря на то, что к этому времени было уже опубликовано немало статей, разоблачающих их данные, и несмотря на то, что не было уже основания бояться репрессий за отстаивание истин настоящей науки.

На мой вопрос, какое решение будет принято в связи с заключением Опарина, Поляков сказал, что мое дело будет рассмотрено еще в нескольких "нейтральных в лучшем смысле слова" инстанциях. В тот же день 24 декабря я передал в Отдел науки ЦК свою статью со всеми отзывами и с заявлением, в котором писал:

"История с моей статьей является лишь частным проявлением глубоко ошибочной и вредной позиции биологической редакции БСЭ, которая до последнего времени давала

*на страницах Энциклопедии совершенно извращенное ос-
вещение ряда разделов биологии".*

Вечером я уехал в Ленинград, а 10 января 1956 г. мне позвонили из Москвы и сообщили, что моя статья будет опубликована в БСЭ-2 в том виде, как я ее написал. Нужно сказать, что в результате беседы в ЦК я сделал две уступки.

Во-первых, согласился вместо "законов Менделя" написать "закономерности Менделя".

Во-вторых, я учел просьбу изложить концепцию Лысенко о материальных основах наследственности.

В конце раздела моей статьи, где излагается хромосомная теория наследственности, я написал: *"...отрицая выводы этой теории, Лысенко считает, что..."* - далее идет цитата из труда Лысенко, опубликованного в 1952 г., набранная им курсивом: *"Любая живая частичка или даже капелька тела (если последнее жидкое) обладает свойством наследственности, то есть свойством требовать относительно определенных условий для своей жизни, роста, развития"* - и все. Приведение этой цитаты можно было расценивать как издевательство с моей стороны, но это был символ веры лысенковцев, который часто цитировался в их трудах.

Казалось бы, на этом можно поставить точку, но лысенковский ставленник в БСЭ-2 Поляков под идейным руководством Опарина продолжал борьбу с наукой. После принятия статьи к публикации пошла обычная техническая работа - редактирование, вопросы, ответы, уточнения. И вот 24 августа я получаю от Шаумяна текст моей статьи и письмо, где он пишет:

"Направляю Вам, с нашей точки зрения, окончательный вариант Вашей статьи «Цитология». По сравнению с предыдущим, который Вы видели и завизировали, некоторые незначительные редакционные изменения сделаны по существу только на стр. 16 и 17. Эти изменения считаю обязательными".

Посмотрел я на эти "незначительные" изменения и ахнул. Весь раздел цитогенетики изуродован. Изменения сделаны в таком стиле: вместо *"приведены цитологические доказательства"* было: *"выдвинуто предположение"*, вместо *"вскрыт хромосомный механизм"* - *"предложено объяснение"* и т.д. Я сразу послал телеграмму с протестом и письмо, где сопоставил исходный текст с исправленным и вскоре отправился в Москву. Поляков был в Болгарии, и я прошел к Шаумяну. У него в это время сидел Введенский. Спрашиваю Шаумяна, как понять то, что произошло?

На это Шаумян говорит: "Ведь Поляков меня подвел. Он показал мне одно место в рукописи, которое переделал. Я посмотрел, вижу, ничего особенного, а оказывается он восемь мест переделал. Это же другое дело".

Вмешался Введенский: "Нам все ясно, меня только заботит юридическая часть. Ведь Вашу статью и статьи "Хромосома" и "Хромосомная теория наследственности", написанные классическими генетиками, опротестовал Опарин, а он отвечает за биологические статьи в БСЭ".

На это я возразил: "Он отвечает прежде всего за развал советской биологии. Ведь с 1948 г. он возглавляет Отделение биологических наук в АН СССР".

"В общем, будем печатать Вашу статью, но только подумаем, как ее оформить".

- "Борис Алексеевич, мне как автору и биологу, конечно, было бы приятно, если бы в БСЭ-2 появилась моя статья, где, как я уверен, правильно дано современное состояние цитологии. Если Вы ее отклоните и закажете кому-нибудь другому, у меня юридических оснований для протеста не будет. Но я категорически возражаю против одного: я не желаю, чтобы за моей подписью появился текст с фразами вроде тех, что подсунил Поляков".

- "Помилуйте, этого не может быть, любое искажение было бы судебным делом".

- "Если после напечатания мы будем махать руками, утешение будет слабое".

- "Нет, нет, этого не может быть".

- "Видите, Борис Алексеевич, учитывая приемы Полякова, я боюсь, что в последний момент он мне ткнет какую-нибудь «беспамятную собаку»" *.

* В 5-м томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1891) на с. 308 помещено странное определение: "Беспамятная собака - собака жадная до азартности". Это была месть наборщиков И.А. Ефрону, который заслужил кличку "беспамятная собака" из-за многократных обещаний повысить жалованье, которые он не выполнял. (Желающих проверить предупреждаем - "беспамятная"! - V.V.)

Оба смеются. Введенский: "Да ведь это было бы преступление".

- Я: "Конечно, поэтому у меня к Вам просьба - возьмите статью под свое личное наблюдение".

- "Хорошо, я это Вам обещаю".

На этом мы расстались.

И все-таки Поляков решил ткнуть "беспамятную собаку". Вскоре М.Е. Аспиз мне сообщила, что в последней корректуре после моей визы Поляков вставил в конце изложения хромосомной теории наследственности в виде авторской сноски следующий текст:

"Однако представления о генах и генном механизме наследственности разделяются не всеми биологами. См. статьи «Ген», «Генетика», «Морганизм»".

Выходит, что я рекомендую читателю после ознакомления с хромосомной теорией наследственности обогатить свои познания статьями Лысенко и Нуждина. Пришлось поднять скандал. В результате мне удалось добиться, чтобы в конце фразы были поставлены три буквы: **"ред."**. Этим я снял с себя ответственность за эту идиотскую сноску. На этом моя война с биологической редакцией БСЭ-2 была победно завершена. Статья в нормальном виде вышла в 1957 г., в 46-м томе, в этом же томе были напечатаны статьи "Хромосома" и "Хромосомная теория", которым "Цитология" проторила путь. По-видимому, во все времена перестройки наталкивались на тупое сопротивление тех, кто прочно связал себя с уходящим прошлым, и все же засилию лысенковцев в БСЭ-2 пришел конец, но к концу подходила и БСЭ-2, осталось опубликовать всего шесть томов.

Для характеристики духа и уровня БСЭ-2 приведу несколько эпизодов, не связанных с лысенковщиной.

В одном из них пострадала бабочка-адмирал. В первом и третьем изданиях БСЭ ей посвящены отдельные коротенькие статьи. Из 2-го издания бабочка-адмирал была изгнана усилиями генерал-полковника Покровского. 25 августа 1949 г. он направил Зворыкину письмо следующего содержания:

"В полученных мною гранках статей 1 -го тома БСЭ помещены рядом две статьи «Адмирал». В одной статье слово «адмирал» объясняется как воинское звание, а в другой - как название бабочки. Прошу Вас статью «Адмирал», посвященную бабочке, исключить..."

Просьба генерал-полковника была уважена, и честь адмиральского мундира спасена от посягательства бабочки-адмирала. Зато повезло зеленым лягушкам. Ни первое, ни третье издания БСЭ не посвящали им отдельных статей. Это сделало лишь 2-е издание, поместив о них статью в 16-м томе. Попали они в БСЭ-2 по следующей причине. На месте "Зеленых лягушек" была статья "Зеленин В.Ф.", посвященная крупному терапевту, академику АМН СССР. 8 января 1953 г., незадолго до выхода тома, Зеленина арестовали по делу "врачей-убийц", статью о нем изъяли, и чтобы чем-то заполнить место, придумали "Зеленых лягушек".

Здесь было рассказано о том, как БСЭ-2 уродовала биологию, не лучше обстояли дела и с гуманитарными науками. Приведу лишь один пример. В 10-м томе, где о гене написано:

"Отираясь на идеалистические представления о Г<ене>, «ученые приказчики» империализма... от имени органи-

стской лженауки проповедуют существование во всем органическом мире... хороших и плохих генов... "

почти рядом в статье "Ганди" читает:

"Роль Г<анди> в национально-освободительном движении отражала предательскую позицию крупной индийской буржуазии и либеральных помещиков"

и далее:

"Г<анди> предал народ и помог империалистам подавить восстание" (1952).

Иначе о Ганди написано в 3-м издании БСЭ:

"Индийский народ глубоко чтит память Г., убежденного борца за дело нац<иональной> независимости. В советской историч. литературе до сер. 50-х гг. допускались неправильные оценки роли Г...."

У представителей гуманитарных дисциплин есть все основания уделить внимание тому, как освещала БСЭ различные разделы их науки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История лысенковщины не имеет отношения к истории биологии как науки. Это материал к политической истории нашей страны. В нем на примере биологии показаны губительные последствия некомпетентного, безответственного вмешательства руководства страны в развитие науки.

Лысенковщина охватила всю нашу страну и даже вышла за ее пределы. Это трудно объяснить лишь незаурядной личностью Лысенко и его исключительной способностью держать высокие партийные и советские инстанции в непрерывном ожидании чуда от внедряемых им в сельское хозяйство негодных мероприятий, несмотря на то, что они неизменно проваливались одно за другим. Решающее зна-

чение имела роль Сталина в лысенковской эпопее. Для Сталина, страдавшего неутолимой жаждой власти, весь мир делился на две части: на его, сталинскую, империю, и на все остальное. Наука тоже должна быть разделена на нашу - сталинскую, единственно материалистическую, передовую и буржуазную, отживающую лженауку. Наши науки были обязаны постоянно бороться со своими буржуазными антиподами. Для этого они сами должны были быть едиными, монолитными и самоочищающимися от различных отклонений. С гуманитарными науками было проще, с точными, естественными много сложнее. Попытки соорудить свою физику и химию не увенчались успехом. Биология занимала как бы промежуточное положение между точными и гуманитарными науками. Благодаря таланту Лысенко, при активной помощи философов, удалось создать свою передовую мичуринскую биологию, сулящую блага нашему разваливающемуся сельскому хозяйству, и противопоставить ее "идеалистической бесплодной буржуазной биологии".

Текст доклада Лысенко на августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. был предварительно просмотрен, отредактирован и одобрен лично Сталиным. Тем самым мичуринская биология была признана единственно правильной биологией. Предстояло нашу биологию очистить от немичуринских направлений. В 1952 г. в печати Лепешинская сообщила, что Сталин лично одобрил ее "новую клеточную теорию". Профессор М.Г. Ярошевский, выступая в Институте истории естествознания и техники АН СССР 29 октября 1987 г. на заседании "Круглого стола", посвященного "Павловской сессии" 1950 г., сообщил, что сам видел рукопись основного доклада Быкова с собственноручными пометками Ста-

лина. "Павловская" физиология была поставлена в один ряд с мичуринской биологией.

Сталин активно участвовал в создании мичуринской биологии с ее разветвлениями, потому что она полностью соответствовала его общей стратегии, независимо от непосредственных материальных выгод, которые мичуринская биология обещала стране. Ведь преследуя основную цель - создание и расширение своей империи, Сталин не считался ни с материальными, ни с людскими потерями. Ему также должно было импонировать то, что одна из двух основных аксиом мичуринской биологии - передача по наследству приобретенных свойств - соответствовала высказанной им еще в 1906 г. в одной фразе симпатии к неоламаркизму. Обсуждая в статье "Анархизм или социализм?" возникновение качественных изменений из количественных, он писал: "Об этом же свидетельствует в биологии теория неоламаркизма, которой уступает место неodarвинизм". Таким образом, мичуринскую биологию можно было рассматривать как дальнейшее развитие его, сталинской, идеи.

Считается, что Лысенко создал мичуринскую биологию при поддержке Сталина. Более правильна другая формулировка: Сталин создал с помощью Лысенко свою сталинскую биологию, названную мичуринской. На иной почве основывалось влечение к Лысенко Н.С. Хрущева. Он искренне и непоколебимо уверовал в полезность его практических рекомендаций.

При жизни Сталина принудительное внедрение мичуринской и вытеснение истинной биологии происходило не только в Советском Союзе, но и в тех социалистических странах, где его диктат был достаточно силен. Однако че-

рез границы этих стран мичуринская биология, естественно, не перешагнула, несмотря на то, что стенографический отчет августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. был переведен на английский, немецкий, французский, испанский языки, а фундаментальный труд Лысенко "Наследственность и ее изменчивость" американцы издали сами на английском языке без всяких комментариев. Книга Лысенко в них не нуждалась. Некоторые называли Лысенко Гришкой Распутиным нашего времени. Это неправильно. Подобные сопоставления употребляют для того, чтобы подчеркнуть, усилить какую-либо особенность человека. Сравнение же с Распутиным лишь ослабляет образ Лысенко. Распутин был аферистом гораздо меньшего калибра. Правильнее другая метафора. Я называл лысенковщину РОЭ (реакция оседания эритроцитов) нашей страны. Повышение РОЭ - показатель развития патологического процесса в организме*.

* "Оригинальный" взгляд на Лысенко высказал В. Кожин в №1 "Дружбы народов" за 1988 г. Ссылаясь без каких бы то ни было оснований на повесть Д.А. Гранина "Зубр", он заявляет, что *"...Лысенко был, в сущности, тупым орудием в руках таких "теоретиков", как Деборин и Презент"*. Это лживое и злонамеренное утверждение (философ Деборин Абрам Моисеевич никакого отношения к лысенковщине не имел) особенно цинично звучит на страницах журнала, называющегося "Дружба народов", да еще после фраз Кожина о необходимости *"глубоко освоить прошлое"* и о том, что *"правду о прошлом нам придется добывать буквально по крупицам"*.

Во что обошлась стране лысенковская эпопея? Подведем общие итоги.

1. Мичуринская биология, объявленная единственной материалистической, передовой биологической наукой, была оторвана от "загнивающей буржуазной биологии, прислужницы империализма", и противопоставлена ей. В основу мичуринской биологии были положены две

догмы: а) признание передачи по наследству признаков, приобретенных в течение индивидуальной жизни организма. Тем самым дарвинизм подменялся ламаркизмом. б) Отрицание существования особого субстрата, обеспечивающего генетическую преемственность признаков. Тем самым отвергалась хромосомная теория наследственности. В состав мичуринской биологии была включена "Новая клеточная теория" О.Б. Лепешинской, проповедовавшая возникновение клеток из неклеточного живого вещества, из сенного настоя, сока алоэ и т.д. Это был возврат к воззрениям первой половины XVIII в.

2. Противники мичуринской биологии квалифицировались как идеалисты, метафизики, преклоняющиеся перед иностранщиной. Деятельность их считалась противоречащей платформе партии и правительства.
3. Были прекращены исследования в области генетики и смежных дисциплин и развернуты антинаучные работы, основанные на ложных догмах мичуринской биологии.
4. Принудительно внедрялись в практику сельского хозяйства, сразу в больших масштабах, научно необоснованные, экспериментально не проверенные мероприятия, принесшие огромный материальный урон. При провале очередного внедрявшегося мероприятия Лысенко отвлекал внимание руководителей партии и правительства новым изобретением, якобы сулящим огромные выгоды. Вот их основной список: предпосевная яровизация семян, сверх-

скорое, в 2-3 года, создание новых сортов растений путем направленного воспитания, внутрисортное скрещивание самоопылителей для борьбы с "вырождением сортов", стоившее потери многих ценнейших сортов, летние посадки картофеля на юге страны против его вырождения, посевы озимой пшеницы в Сибири по стерне, рекомендация ветвистой пшеницы как самой урожайной культуры, удобрение 'навозо-земляным компостом, гнездовая посадка лесных деревьев и кукурузы, создание жирномолочной породы коров путем скрещивания жидкомолочных коров сджерсейскими быками. Все это оказывалось блефом и приводило к неисчислимым материальным потерям. Один из ведущих специалистов в области сельского хозяйства академик ВАСХНИЛ Г. Гуляев в "Советской культуре" от 20 июля 1989 г. пишет: "...все методы и приемы работы Т. Лысенко, все без исключения, не утвердились ни в одном колхозе (совхозе), ни на одном гектаре, ни в одном научном учреждении, ни в нашей стране, ни за рубежом". В то же время прекращалось использование в сельском хозяйстве приемов, получивших мировую апробацию, но не согласующихся с теоретическими представлениями Лысенко. Дезорганизована была сеть селекционных и сортоиспытательных станций.

5. Были прекращены исследования по генетике человека, по наследственной патологии и радиационной генетике, что нанесло огромный ущерб медицине.

6. Тысячи биологов, исследователей и преподавателей были изгнаны со своих постов и заменены невежественными или беспринципными людьми. Ликвидировался ряд лабораторий, кафедр и научных школ. ВАК отказывала в утверждении диссертаций, содержащих факты, не соответствующие догмам мичуринской биологии. Одновременно ВАК штамповала проходящие через нее потоки безграмотных и низкопробных диссертаций, развивающих идеи Лысенко и Лепешинской, наделяя профанов и аферистов учеными степенями.
7. В средних школах, в биологических, медицинских и сельскохозяйственных вузах вместо преподавания ряда биологических дисциплин учили канонам мичуринской биологии. Учебники и научные книги, содержащие материалы, противоречащие мичуринской биологии, изымались из библиотек, иногда уничтожались. Не только в научных журналах, книгах, учебниках, но и по всем каналам массовой информации - в газетах, общественно-политических и художественных журналах, кино, театрах и по радио - пропагандировались антинаучные идеи и вымышленные практические достижения мичуринской биологии.
8. Лысенковщина создала условия, сделавшие возможным кратковременную, но нанесшую большой вред деятельность афериста Г.М. Бошняна и инспирировала организацию "быковской" сессии 1950 г., "быковская" сессия разрушила работу ряда научных коллекти-

вов и надолго задержала развитие многих важнейших разделов физиологии.

9. Лысенковщина и все, что ею было порождено, нанесла не поддающийся исчислению вред психике ученых. Угрожая насилием или соблазняя благами, ученых заставляли совершать глубоко аморальные поступки.
10. Поскольку уже в 30-х годах партия и правительство взяли мичуринскую биологию под свою защиту, все, кто ей противостоял, рассматривались как потенциально антисоветские элементы. Этим пользовались лысенковцы и часто прибегали для борьбы со своими противниками к лживым политическим доносам. В результате многие биологи-антилысенковцы были репрессированы органами государственной безопасности, из них многие были убиты. Вместе с тем мне неизвестен ни один случай репрессирования кого-либо из лысенковского лагеря.
11. То, что творили лысенковцы с биологией и сельскохозяйственной наукой, дискредитировало советскую науку в глазах зарубежных ученых и широко использовалось прессой капиталистических стран для антисоветской пропаганды.
12. Многие ученые вынуждены были отвлекаться от творческой работы, затрачивая время и силы на борьбу с лысенковщиной.

Появление уродливых деформаций науки не являлось специфической особенностью лишь нашей страны. Они могли рождаться и в других странах с персональной диктатурой.

Поучительным, но малоизвестным примером может служить история с открытием "системы кенрак", сделанным в 1961 г. в Северной Корее профессором Ким Бон Ханом. Суть открытия в следующем. В теле высших позвоночных и людей им была обнаружена сложная система кенрак, состоящая из трубок, названных бонхановыми, и связанных с ними бонхановых телец. Эта система отличается от кровеносной, лимфатической и нервной. Она, якобы, осуществляет целостность организма и связь его со средой. По бонхановым трубкам циркулирует жидкость, содержащая дезоксирибонуклеиновую кислоту, которая входит в состав зерен, названных саналовыми. Зерна санала могут превращаться в клетки, а клетки распадаться на зерна. Это "цикл Бон Хана: саналклетка". Система кенрак рассматривалась как теоретическая основа восточной медицины "Доньихак", дающей, в частности, научное обоснование иглоукалыванию.

Начиная с 1962 г. в Советский Союз начала поступать обильная информация о кенраке через журнал "Корея" и труды Ким Бон Хана, иллюстрированные отличными цветными микрофотографиями. Труды Ким Бон Хана издавались отдельными книгами на корейском, русском, китайском, японском, английском и французском языках. Знакомство с опубликованными материалами не оставляло никаких сомнений в том, что все это является бредом. На фотографиях, якобы изображающих бонхановые трубки и тельца, легко узнаются общеизвестные гистологические структуры - коллагеновые, эластические, нервные волокна, срезы корней волос, инкапсулированные нервные окончания и тому подобное. Цикл Бон Хана, превращение зерен санала в клетки, по существу ничем не отличался от позор-

но провалившегося учения О.Б. Лепешинской о возникновении клеток из живого вещества.

Вместе с тем стало известно, что в Пхеньяне для Ким Бон Хана был создан специальный институт со многими лабораториями, богато оснащенными современным импортным оборудованием. Институт занимает пятиэтажное здание. Периодически созываются конференции по кенраку и труды публикуются на разных языках. В журнале "Корея" (№2, 1964) опубликованы восторженные отзывы о работах Ким Бон Хана и его коллектива ряда руководящих деятелей северокорейской медицины. Оценки давались такие: "великое открытие", "великий перелом в решении основных проблем биологических наук", "революция в развитии медицины" и т.д. Президент Академии медицинских наук Кореи Хон Хак Гын, называя труд Бон Хана "выдающимся научным открытием", пишет: *"Эти успехи были достигнуты лишь благодаря мудрому руководству Трудовой партии Кореи и любимого вождя корейского народа Председателя кабинета министров Ким Ир Сена"*.

Как могло случиться, что бред, не имеющий отношения к науке, был принят за "великое открытие в науке"? Единственным объяснением может служить тот факт, что 1 февраля 1962 г. Ким Бон Хану и его коллективу было послано письмо Председателя ЦК Трудовой партии Кореи и Председателя Совета Министров КНДР Ким Ир Сена, в котором говорится: *"Горячо поздравляю Вас с великим научным достижением, открытием субстанции кенрак... Весь корейский народ высоко оценивает Ваш подвиг и гордится им как великим достижением в развитии науки нашей страны... Ваша преданность партии и народу демонстри-*

рует благородный облик красных ученых, выпестованных нашей партией..." и так далее. Этого оказалось достаточно.

К 60-м годам наша биология и медицина уже избавились от "новой клеточной теории" Лепешинской, однако в некоторых кругах, видимо, осталась какая-то тоска по несостоявшемуся великому открытию. Думаю, что этим можно объяснить появившееся у нас стремление внедрить большую фантазию Ким Бон Хана в советскую науку. Помимо того, что из Северной Кореи стала систематически поступать на русском языке литература по кенраку, в наших журналах "Техника - молодежи", "Новые книги за рубежом" начала появляться сочувственная информация о кенраке; на эту тему в медицинских сферах устраивались семинары. В мае 1965 г. Минздрав СССР направил в Пхеньян для ознакомления с Институтом Ким Бон Хана заведующего кафедрой анатомии II Московского медицинского института В.В. Куприянова и начальника Главного управления лечебно-профилактической помощи Минздрава СССР Э.А. Бабаяна. Вернувшись, они представили Министерству хвалебный отчет о работах Ким Бон Хана с рекомендациями: **а)** пропагандировать в советской печати учение о кенраке; **б)** организовать в Москве две лаборатории по изучению кенрака; **в)** послать молодых специалистов для обучения к Ким Бон Хану. Нашему издательству "Мир" предложено было издать книгу Чхве Де Хвона, в которой излагаются "открытия" Ким Бон Хана.

Возникла реальная опасность, что неверная информация наших директивных органов о деятельности Ким Бон Хана может плохо отразиться на биологии, начавшей оправляться от недавних кошмаров. В связи с этим я на двух страницах написал заявление о вздорности учения о кенраке и

опасности заражения им нашей науки. Это заявление от имени Научного совета по проблемам цитологии при АН СССР в мае 1966 г. было послано в ЦК КПСС, президенту АН СССР, министру здравоохранения СССР, в газету "Правда", в издательство "Мир" и в журналы, печатавшие информацию о кенраке. В конце заявления написано: *"Кроме того, мы не можем безразлично относиться к тому, что в дружественной нам КНДР биология и медицина калечатся лжеучением Ким Бон Хана. Слишком свежи в нашей памяти трудные для нашей биологии годы, к счастью, ушедшие в прошлое"*. Как развивались события в Корею дальше, я не знаю, во всяком случае в 1971 г. Институт кенрака уже не существовал. Обошелся он этой стране недешево.

В любой стране могут появляться личности со сдвинутой психикой, обуреваемые стремлением совершить великое научное открытие. В 1972 г. в Японии на средства автора К. Хишима, назвавшегося "Президентом общества неогематологии", была напечатана на английском языке книга "Революция в биологии и медицине" с подзаголовком "Новая теория в науке о жизни и ее практическое применение в лечении болезней". Это великолепно изданный том с отличными цветными микрофотографиями, где на 490 страницах психически больной человек доказывает способность безъядерных эритроцитов превращаться в любые клетки тела, включая половые. В книге имеется глава, посвященная О.Б. Лепешинской (с ее портретом), в которой автор во многом с ней соглашается. Ни эта книга, ни 10 других книг того же автора не отразились на японской биологии и медицине, власти не взяли их под свое покровительство.

Основная мораль лысенковской эпопеи - это недопустимость попыток управляющих инстанций любого уровня, стоящих над наукой, вмешиваться в борьбу научных идей. Чем выше эти инстанции, тем пагубнее могут быть результаты такого вмешательства.

В сталинскую эпоху всем гражданам нашей страны приходилось держать трудный экзамен на поведение. Биологам же лысенковщина предъявила дополнительные суровые требования и выявила присущее людям широкое многообразие этических представлений и разную прочность моральных устоев. Гетерогенитет физических и психических показателей у представителей вида *Homo sapiens* несравненно больше, чем у особей любого другого вида общественных животных. Причиной этого является выход вида *Homo sapiens* из-под жесткого контроля естественного отбора, отсекающего крайние варианты. Эту функцию обычно берут на себя диктаторы. Они ликвидируют крайние отклонения от середины, а для остальных стремятся создать режим, приводящий к их обезличиванию. Недаром Де Голль жаловался, что **трудно управлять государством, где имеется 400 сортов сыра** (выделено нами - V.V.). Тем не менее гетерогенность поведения ученых ярко выявилась и при становлении лысенковщины и в период ее ликвидации.

Помимо различия в природе людей важнейшей причиной многообразия поведения было различие в их семейном, служебном, общественном, партийном положении. Это определяло силу давления лысенковского пресса, принуждавшего человека к совершению аморальных поступков.

В то время наиболее массовой формой отступления ученых от нравственных норм был словесный или письменный от-

каз от собственных научных воззрений и одновременно признание мичуринских догм, лженаучность которых была при этом для них очевидна. Некоторые этим не ограничивались и для укрепления своего положения или в целях карьерного продвижения разоблачали своих товарищей и учителей, обвиняя их в антимицуринских пороках. Иные шли еще дальше, сочиняя на своих научных оппонентов политические доносы, зная, что они могут привести не только к их изоляции, но и к физическому уничтожению. Такая обстановка растлевала научную молодежь и тем самым обеспечивала аморальный задел на будущее. Однако ставить баллы людям за поведение трудно.

Вину человека, совершившего проступок, следует рассматривать с двух позиций. С объективной точки зрения она определяется величиной вреда, который причинен обществу или отдельным людям. Но этот показатель явно недостаточен. Приходится учитывать субъективный компонент: в какой мере действия данного человека противоречили его представлениям о добре и зле, вступил ли он при этом в конфликт с собственной совестью или нет. Этот компонент зависит как от личных свойств человека, от его нравственной структуры и интеллектуального уровня, так и от его сложных внешних связей, которые могут смягчать или усугублять ответственность за совершенный проступок. Один, совершая проступок, вынужден идти на ссору с собственной совестью, другой, при такой же ситуации, ни в какие противоречия со своей совестью не вступает. Один сознает, что творит безобразия, другой этого понять не может.

Доктор исторических наук А.Н. Цамутали был случайным свидетелем знаменательной сцены. Он зашел в большой конференц-зал Ленинградского здания Академии наук, ко-

гда там стоял гроб с телом Л.А. Орбели. Гражданская панихида еще не началась, зал был пуст, но рядом с гробом сидели вдова Орбели Елизавета Иоакимовна и несколько близких. В зал вошел Быков, стал на колени перед вдовой и просил простить его. Елизавета Иоакимовна перекрестила Быкова и сказала: *"Бог всех простит"*.

Лысенко не могло бы прийти в голову просить прощения у вдовы Н.И. Вавилова. Сам он ни в чем не мог признать себя виновным. До самого конца Лысенко непоколебимо был убежден в правоте своего учения, в несомненной ценности своих практических предложений, в добропорядочности своей деятельности. Он органически был неспособен воспринимать какие-либо факты, несовместимые с его псевдонаучными представлениями. Приведу высказывания Лысенко в последние годы жизни, когда все стало очевидным и с его мичуринской биологией, и с молекулярной биологией, созданной за рубежом. Из отчета Лысенко о своей научной работе за 1974 г.:

"Никакого шифра или кода. записей информации и т.п. в ДНК также нет". "О какой матрице для копирования наследственного вещества (для копирования ДНК) можно говорить, зная детально наши экспериментальные данные по получению озимых из яровых?"]

Из письма президенту АН СССР академику М.В. Келдышу от 27 июня 1972 г.:

"Я считал и считаю идеологически реакционными, антинаучными теоретические взгляды вейсманизма во всех его вариациях, в том числе в теперешней вариации, именуемой молекулярной генетикой".

Из письма в бюро Отделения общей биологии АН СССР от 10 апреля 1973 г.:

"Нужно иметь в виду, что всему миру известные ложь и клевета, возведенные на разработанную нами глубокую теоретическую концепцию мичуринского направления, будут раньше или позже вскрыты и сняты. Этого требуют интересы социалистического сельского хозяйства".

У меня нет сомнений, что все это писалось Лысенко в полной уверенности в своей правоте. Объяснить подобную несокрушимую позицию одним лишь невежеством невозможно. Здесь, несомненно, имеет место психический сдвиг, делающий человека принципиально неспособным принимать и учитывать факты, противоречащие его собственным убеждениям. Но Лысенко был присущ изъясн не только в логической сфере. Некоторые общепринятые нормы ему были понятны, но он их совершенно по-разному расценивал в зависимости от того, применялись ли они к нему самому или к его противникам. В том же письме к Келдышу он пишет:

"Научным путем, как бы это ни хотелось кому-либо, нельзя опровергнуть нашу теоретическую биологическую концепцию. Это можно сделать и сделано только беспардонной ложью и клеветой с одновременным небывалым в науке административным зажимом".

В отчете за 1974 г. он негодует:

"... идет административный, ничего общего с наукой не имеющий зажим теоретической биологической концепции мичуринского направления".

"Административным зажимом" возмущается, по-видимому искренне, человек, организовавший и осуществивший административный разгром целой науки и не только в нашей стране. Этот изъясн относится уже к этической сфере.

Еще один пример его проявления. В журнале "Вопросы философии" (№ 6 за 1973 г.) было опубликовано выступление М.В. Волькенштейна на "Круглом столе". Там, между прочим, говорится:

"Я думаю, что громадный вред, который нанесен лысенковщиной, связан не только с конкретными судьбами ученых и с большим материальным ущербом для народного хозяйства, но и с тем, что она вела к деморализации научной деятельности как таковой".

23 октября 1973 г. Лысенко отправляет в редакцию "Вопросов философии" протестующее письмо, где, цитируя Волькенштейна, пишет:

"Неужели редакции непонятно, что все то, что здесь говорится обо мне под наименованием какой-то лысенковщины, является злостной клеветой?... Просьба в ближайшем номере Вашего журнала в какой-то мере исправить ущерб, нанесенный моему научному имени, опровергнуть эту клевету хотя бы принесением мне извинения клеветником М.В. Волькенштейном и редакцией, допустившей опубликование этой клеветы".

Из всего этого видно, что Лысенко от терзания собственной совести был надежно защищен и неизлечимым невежеством, и моральным дальтонизмом.

В журнале "Наука и жизнь" (№9 за 1988 г.) была опубликована статья профессора Я. Рапопорта о "новой клеточной теории" О.Б. Лепешинской. Статья точно излагала факты и давала им объективную оценку. В ответ на эту статью в редакцию журнала (см. "Наука и жизнь". 1989. №5) пришло протестующее письмо зятя и соратника Лепешинской В.Г. Крюкова (в одной из своих "научных" статей 1962 г. он в соавторстве со своей супругой О.П. Лепешинской доказывал образование клеток из крахмальных зерен фасоли). В своем письме Крюков обвиняет Рапопорта в том, что он *"издевается над ней (Лепешинской. - В.А.) как ученым, ее теорией и сотрудниками..."*. Таким же по стилю письмом О.П. Лепешинской, опубликованным в журнале "Знание - сила" (1989. №8), был удостоен и я за свои статьи, помещенные в том же журнале (1987. №10, 12), с критикой ее матери О.Б. Лепешинской. О.Б. и О.П. Лепешинские и Крюков по психическому складу, видимо, сходны с Лысенко. Они не понимали, что творили в 50-х годах, и не в состоянии были постичь этого в дальнейшем, когда их "новая клеточная теория" была полностью разоблачена. Как и Лысенко, они и им подобные не считают себя виноватыми, поскольку за содеянное их собственная совесть не корит. Если таких наказывать за объективно причиненный вред, то они воспримут это как незаслуженно нанесенную им обиду. Кто же лучше - те, кто совершал преступления, несмотря на сигналы совести, или те, у которых она при этом молчала? На этот вопрос я не берусь ответить.

Во всяком случае, лысенковщина выявила большое число ученых, сознательно предававших науку и товарищей по науке из страха, из стяжательства. К сожалению, в их числе были ученые маститые, сидящие на высоких постах, в высоких званиях. Ведь манкуртов можно создавать не только

сжатием мозгов, но и откармливанием. Однако наряду с личностями, вызывавшими чувство глубокого омерзения, борьба с лысенковщиной показала и людей, заслуживших восхищение и преклонение своей отвагой, принципиальностью и готовностью жертвовать своим благополучием в защиту истинной науки. Вот почему я отказался от настойчивых предложений заменить в названии записок "Трудные годы..." на "Черные годы...". В эти годы не все было черным, было и светлое, героическое.

Вот почему испытываешь душевную боль, когда, подходя в Москве к дому №33 по Ленинскому проспекту, на стене видишь мраморную доску, извещающую, что "Здесь с 1930 года по 1980 год работал Герой Социалистического Труда академик Александр Иванович Опарин", сознательный предатель своей науки, и почти рядом с ней - мемориальную доску, посвященную борцу за науку Николаю Ивановичу Вавилову. Без чувства протеста нельзя смотреть на рядом висящие на стене Института физиологии имени И.П. Павлова в Ленинграде мраморные доски, посвященные великому физиологу и гражданину Ивану Петровичу Павлову и позорившему его имя Быкову.

История лысенковщины заставляет прийти к грустному выводу: популяция ученых (впрочем, как и другие человеческие популяции) в моральном отношении оказывается весьма хрупкой и подвергать ее серьезным испытаниям опасно. Это может привести к тяжелым последствиям и для науки, и для всего того, что с ней связано.

В заключение этой эпопеи уместно вспомнить диалог из "Жизни Галилея" Бертольда Брехта:

"Андреа: Несчастлива страна, у которой нет героев!"

*Галилей: Несчастлива страна, которая нуждается
в героях".*